

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2019

НИКОЛАЙ ЧЕРКАШИН
«Брестские ворота»

О жизни коллекционера Пегги Гуггенхайм читайте на странице 65.

Чтобы помнили

Светлана Бестужева-Лада **Три танкистки** 4

Житейские истории

Лариса Чулакова **Папа, ты — мама Лида?**..... 17

Звезды не гаснут

Евгения Гордиенко **Лед как жизнь**..... 20

Евгения Белогорцева **Сергей Лемешев. Народный
Ленский Большого театра** 111

Документальная повесть

Николай Черкашин **Брестские ворота** 28

Шедевры

Ирина Опимах **Пегги Гуггенхайм. Собирательница
картин и мужчин** 65

Замечательные современники

Елена Воробьева **Анастасия Королькова: «Все мое
существо рвется на сцену»**..... 74

Иван Переверзин **Мой Глазунов**..... 82

Елена Логунова **Огонь, вода и дубовые бочки** 102

Поэзия

Марина Зайцева (Гольберг) **Стихи** 108

Мистика

Дарья Булатникова **«Я проснулась»** 120

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Скульптура народного художника СССР
Александра Кибальникова «Жажда».
Мемориальный комплекс
«Брестская крепость-герой»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24,
стр. 4, э7, пом I ком 49
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.04.2019

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« 22 июня исполняется 78 лет со дня начала Великой Отечественной войны. О ней написаны тысячи книг, снято множество фильмов. Но во всей этой огромной массе информации практически невозможно отыскать сведения о судьбах тех советских граждан, которые оказались в этот трагический день во враждебном государстве, бесконечно далеко от линии фронта. Советские сотрудники посольства, приехавшие в командировку специалисты, члены их семей... Даже число их достоверно неизвестно. Почему? Видимо, потому, что речь идет не о миллионах или сотнях тысяч человеческих судеб, а всего лишь о нескольких тысячах. Капля в океане страшной трагедии. И капля в этой капле — судьба старшего сына Сталина Якова, непосредственно связанная с судьбой интернированных граждан.

Светлана **Бестужева-Лада** «Мирные военнопленные»

« Даниил Хармс всегда считал себя невезучим — ему бы родиться пораньше, а не в трагический год Первой русской революции, и умереть не в блокадном Ленинграде 42-го... Стремительно короткая жизнь этого самобытного писателя вместила две революции, две мировых войны, разруху 20-х, репрессии 30-х, голодные муки замерзающего осажденного города. Да и по творчеству Хармса тоже прогрохотали тяжелые колеса Истории...

Юрий **Осипов** «Этот очень странный Даниил Хармс»

« Сердечные болезни у нас занимают одно из ведущих мест. К счастью, сегодня уже научились делать сложнейшие операции на сердце и спасать жизни людей. Но мало кто, наверное, задумывается, что, например, операция шунтирования была разработана еще в 1952–1953 годах, и разработал ее выдающийся русский ученый Владимир Петрович Демихов. Своими невероятными экспериментами он положил начало отечественной, да и вообще мировой трансплантологии.

Денис **Логинов** «Жизнь и дело Владимира Демихова»

« Детектив Наталии **Солдатовой** «Химера»

Светлана
Бестужева-Лада

Три танкистки

Из почти миллиона женщин, воевавших плечо к плечу с мужчинами во время Великой Отечественной войны, есть малочисленная, но необыкновенная группа — женщины-танкистки. Их было всего около двадцати, прошедших сначала испытания настойчивостью и храбростью, чтобы попасть в танковое училище. Они стали механиками-водителями танков, хотя для этой профессии необходимы не только прекрасное знание боевой машины, но и большая физическая сила и крепкие нервы.

Тем не менее танкистки ни в чем не уступали своим соратникам-мужчинам, а в мужестве и желании сражаться часто даже превосходили их.

Среди этих необыкновенных женщин были и легендарные, о которых, к сожалению, довольно быстро забыли. Две героини погибли на войне, одна дожила до тридцатилетия Победы в полном забвении.

Попробуем восстановить историческую справедливость по тем немногим документам и публикациям, которые удалось найти.

ГВАРДИИ КАПИТАН ТАНКОВЫХ ВОЙСК

В годы войны женщины не только сражались в танковых войсках, но дослуживались в них до командирских должностей. Самой известной из них была гвардии капитан Евгения Кострикова.

Мало кто знал, что воспитанница детского дома, студентка Бауманского института, была дочерью известного советского государственного деятеля Сергея Мироновича Кирова, настоящая фамилия которого была Костриков.

Ее родная мать умерла, а мачеха сдала девочку в специальный интернат для детей советской элиты именно под этой фамилией. Это дало девочке, которую родной отец ни разу не навещил и не пригласил к себе, возможность поступить в один из самых престижных вузов того времени — Бауманский.

Учась в окружении «особенных» юношей и девушек, она была круглой отличницей, комсоргом курса. Все шло к получению «красного диплома» и завидной работы в Москве, не говоря уже о совершенно сказочных возможностях в личной жизни. Благо внешностью бог Евгению не обделил, как не обделил и умом, и характером.

Но ничего из этих блистательных перспектив не стало явью. С началом Великой Отечественной войны Евгения Кострикова ушла из института на трехмесячные курсы мед-

сестер, после чего отправилась на фронт в медико-санитарный взвод отдельного танкового батальона, который принимал участие в боях на Западном фронте во время битвы за Москву.

В октябре 1942 Евгения Кострикова стала военфельдшером 79-го танкового полка, что соответствовало званию лейтенанта армейских частей. А в декабре того же года ее полк в составе Южного фронта принял участие в Сталинградской битве. После ее окончания — сражался на Курской дуге. За свои подвиги на посту военфельдшера Евгения была представлена к ордену Красной Звезды, который ей вручили в госпитале, где она лечилась после осколочного ранения в лицо.

После выздоровления и выписки из госпиталя в конце 1943 года гвардии старший лейтенант Евгения Кострикова была отправлена в оперативный отдел 5-го гвардейского механизированного корпуса.

Но штабная работа ее не прельщала, к тому же из военных сводок ей было известно, что в бронетанковых войсках женщины уже служат не только в качестве медиков. Обладая незаурядной силой воли, Евгения добилась зачисления в Казанское танковое училище.

Это оказалось сродни сражению на передовой: Евгению убеждали, что танкист — не женская профессия, что «броня слабых не любит», что «на танке и парням тяжело».

Впервые в жизни вспомнив о своем происхождении, Кострикова обратилась к соратникам по партии давно уже покойного отца. Даже дошла до самого маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова, которого смогла убедить в том, что опыт вождения танка у нее уже имеется и что быть танкистом ничуть не тяжелее, чем медсестрой под обстрелом противника.

Климент Ворошилов был побежден и приказ о зачислении дочери Кирова издал. Сталин, без которого дело не обошлось, только одобрительно хмыкнул и сказал:

— Голос крови...

Возможно. Голос крови, пролитой по его приказу.

В танковом училище молодую женщину в звании старшего лейтенанта приняли с огромным недоумением и опаской. Начальник училища даже прямо высказался, что это — «как женщина на корабле». Однако позднее в училище пришел приказ командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии о награждении Евгении Костриковой медалью «За оборону Сталинграда», и отношение к девушке резко изменилось.

Все видели, что она наравне с другими осваивала сложную науку вождения и стрельбы из танка на полигоне, изучала тактико-технические характеристики боевой техники и вооружений, осваивала их на тре-

нажерах и в учебных классах, продолжала зубрить матчасть даже после сигнала отбоя.

Евгения не боялась тяжелых физических нагрузок: ей ведь приходилось выносить с поля боя раненых бойцов и командиров, вес которых в два-три раза превышал ее собственный. Так что усилие в 15 кг для выжима одного из двух рычагов бортового сцепления или в 25 кг для выжима педали главного сцепления казалось ей просто физзарядкой.

Это не могло не изумлять ее однокурсников, которые в конечном итоге прониклись к необыкновенной девушке глубоким уважением.

Евгения с отличием окончила Казанское танковое училище и вернулась в свой родной 5-й гвардейский механизированный корпус... уже командиром танка Т-34. И если за всю войну танкистами смогли стать около 20 женщин, окончивших танковое училище среди них было всего 3. И лишь одна — Евгения Серге-

*Кострикова
Евгения
Сергеевна*

евна Кострикова — после завершения училища командовала не просто танком, а танковым взводом, а в конце войны и танковой ротой.

Танковая рота под командованием Евгении принимала участие в боях по форсированию Одера и Нейсе, а к 30 апреля 1945 года вышла к окраинам немецкой столицы. От Берлина ее танки 5 мая были направлены на освобождение Праги. Именно в Чехословакии завершила свой боевой путь гвардии капитан Евгения Кострикова.

Евгения Кострикова была кавалером двух орденов Красной Звезды, ордена Красного Знамени, орденов Отечественной войны I и II степеней, а также медалей «За от-

вагу» и «За оборону Сталинграда». Все награды были получены отважной женщиной в годы Великой Отечественной войны.

После ее окончания Евгения вернулась домой, устроилась на работу в небольшое конструкторское бюро обычным техником, так как у нее не было диплома о высшем образовании. Жила она замкнуто, одиноко, прожила еще 30 лет после победы и скончалась в 1975 году, не дожив даже до 55 лет.

Война догнала? Этого мы уже никогда не узнаем.

Личная жизнь у нее не сложилась. Во время войны она вышла замуж за одного полковника, штабного офицера. Воспользовавшись ее связями в высших кругах власти, он вскоре получил звание генерала, а после войны оказалось, что у него уже была семья. Евгения Сергеевна больше не выходила замуж, детей у нее не было. Умерла она в одиночестве. Из однополчан-танкистов ее хоронила лишь одна ближайшая военная подруга — Антонина Алексеевна Кузьмина, бывшая военврач.

Гвардии капитан танковых войск Евгения Сергеевна Кострикова похоронена в Москве на знаменитом Ваганьковском кладбище.

ДОЧЬ ПОЛКА

О довоенной жизни Александры Самусенко известно очень мало. Достоверно только то, что она родилась в 1922 году в одной из деревень Го-

мельской области, а позже по каким-то причинам оказалась в Чите — причем круглой сиротой. В одном из документов есть указания на то, что в 1934 году Александра стала «дочерью полка», то есть воспитывалась в одной из частей Красной армии. По всей вероятности, ее родителей репрессировали (скорее всего, раскулачили и сослали в Читу, где они и умерли).

Однако в другом документе говорится о том, что еще до начала вой-

ны Александра лично обратилась с письменной просьбой к Михаилу Калинину: она хотела поступить в танковое училище, куда принимали только юношей.

Звучит похоже на чудо, но ее просьба была удовлетворена. Вряд ли Калинин пожалел о своем ходатайстве за «дочь полка»: девушка училась только на отлично и имела блестящие результаты по физической подготовке. И это при том, что внешне она не производила впечат-

*Самусенко
Александра*

ления атлетически сложенной женщины. Да и женщиной ее назвать было сложно: Александре еще не исполнилось двадцати лет. Сокурсники относились к ней, как к младшей сестренке — впоследствии она с огромной теплотой вспоминала время, проведенное в училище.

На фронт Александра Самусенко попала в первые недели войны. Ее боевая машина принимала участие в сражениях на Западном и Брянском фронтах 1941 года. В экипаже, пожалуй, не было бойца отважнее: через два года Самусенко уже присвоили звание старшего лейтенанта, а после битвы на Курской дуге девушка получила орден Красной Звезды за то, что сумела вывести группу своих бойцов из окружения в крайне тяжелых условиях и под постоянным обстрелом врага.

«Сколько боев — столько и ранений», — шутила иногда Александра, чрезвычайно неохотно отправлявшаяся в госпиталь и сбегавшая оттуда при первой же возможности. Ей было немногим более двадцати, когда она стала единственной женщиной-командиром танкового батальона того времени.

Солдатам нравилась боевая и неунывающая девушка, но когда ее назначили командиром взвода танков Т-34, восторга не выразили и подчинялись неохотно, считая, что «негоже девке мужиками управлять». Но со временем ворчать перестали и начали относиться к командирше, как к «своему парню».

Действительно, несмотря на длинную косу и миловидность, Александра вела себя в перерывах между боями отнюдь не по-женски: курила одну за другой крепкие папиросы и за крепким матерным словцом в карман не лезла. В любом случае, никому в голову не приходило хотя бы попытаться поухаживать за ней, но всем нравился ее задорный характер.

Кстати, внешность и пол не помешали Александре получить в 1944 году звание гвардии капитана и стать единственной женщиной-танкистом — заместителем командира танкового батальона.

Гвардии капитан танковых войск Александра Самусенко не дождала до Дня Победы совсем немного. 3 марта 1945 года ее батальон находился в Лобезе (Польша). В танк Александры попал снаряд. Она сумела выскочить и забросить офицерский планшет с документами в пылающую машину. А потом до последнего патрона отстреливалась от врага.

Александра скончалась в бою от многочисленных ранений и была похоронена там же. Неизвестно, сохранилась ли могила двадцатидвухлетней героини до наших дней.

Но хорошо, что хоть какая-то память — сохранилась.

«БОЕВАЯ ПОДРУГА»

Есть истории, которые кажутся сказками — настолько они неправдоподобны. Именно такова история жизни самой обыкновенной жен-

щины, жены командира Красной армии Марии Октябрьской.

Она родилась в Крыму, в многодетной крестьянской семье, где приходилось столько работать, что даже в школу родители решили старшую дочь не отдавать. Но потом стало чуть легче, и отец отвез Марию в Джанкой к родственникам, чтобы девочка получила хотя бы начальное образование.

Пришлось для этого Марию «омолодить» на три года — в некоторых документах стоит дата рождения 1905 год, хотя на самом деле девочка родилась на три года раньше. Но в школу отказывались брать ученицу старше положенного возраста. Купленная едва ли не на последние деньги метрика проблему решила, а домой отец добрался пешком.

Закончила Мария всего шесть классов, в 1919 году умерла мать, и пришлось возвращаться домой помогать отцу. Но через пару лет, когда младшие дети немного подросли, она уехала в Симферополь, где сначала работала на консервном заводе, а потом окончила курсы телефонисток и перешла работать на симферопольскую телефонную станцию.

Помогать семье она предпочитала деньгами.

В Симферополе Мария встретила свою судьбу — участника Гражданской войны, а теперь курсанта кавалерийской школы Илью Федотовича Рядненко. Молодые люди поженились в конце декабря 1925 года и взяли себе фамилию Октябрьские.

В те времена многие меняли имена и фамилии со «старорежимных» на «революционные».

Мария не просто стала командирской женой, она сразу же сформулировала кредо:

«Вышла замуж за воина — и ты служишь в армии; жена командира гордое звание и обязывающее».

Чтобы муж мог ею гордиться, женщина научилась... нет, не быть образцовой домохозяйкой, а водить автомобиль, стрелять из винтовки, пулемета, метать гранаты, окончила курсы медсестер. Телефонистка-медсестра находилась рядом с мужем, куда бы их ни забросила сложная жизнь офицера.

А в 1930-е годы Октябрьские кочевали по всей стране — из одного военного гарнизона в другой. Только один раз им пришлось расстаться, когда Илью, комиссара 134-го гаубичного артиллерийского полка, призвали на войну с финнами.

Ожидая возвращения мужа, Мария, которая прекрасно пела, выступала перед уходившими на фронт бойцами в концертах не только художественной самодеятельности, но и с участием профессиональных актеров.

Она была мастерицей на все руки, но особенно хорошо ей удавалась художественная вышивка. Впоследствии именно этот талант сыграл в жизни Октябрьской судьбоносную роль. Своими чудесными салфетками Мария Васильевна украшала строгие солдатские казармы.

*Октябрьская
Мария
Васильевна*

Между прочим, ее вышивка с крымскими розами на кремовом шелке хранится в Музее вооруженных сил. Уникальный для такого музея экспонат? Конечно. Но он, как ни странно, имеет непосредственное отношение к танкам. Точнее, к одному танку.

Война застала Октябрьских в Кишиневе. Илья на следующий день уехал в действующую армию, а Марию вместе с другими членами ко-

мандирских семей спешно эвакуировали в Томск, проигнорировав настойчивые требования отправить ее на фронт к мужу. Там она попыталась пойти работать на стройку, но ее не взяли из-за хронической болезни — туберкулеза шейного позвонка. Пришлось стать телефонисткой в военном училище, где зарплата была более чем скромной. Туберкулез позвоночника — это не

близорукость или плоскостопие, при такой болезни наблюдаются частые головные боли различной интенсивности, сопровождаемые тошнотой и головокружением. Больному сложно сконцентрировать внимание, может возникать ухудшение зрения и слуха.

«Верь, родная, верь, победа обязательно будет за нами. Мы уничтожим фашистов», — написал жене Октябрьский в первом и единственном письме с фронта. А потом пришла похоронка, в которой сообщалось, что *«полковой комиссар Илья Федотович Октябрьский погиб смертью храбрых 9 августа 1941 г. в одном из боев на Украине».*

Многие тогда объявляли о своей записи в добровольцы, чтобы отомстить на фронте за близких, и Мария трижды обращалась в военкомат с заявлением, но болезнь, позвоночник и возраст (почти сорок лет) стали неодолимой преградой.

Но в ее словаре слова «преграда», тем более, неодолимая, не существовало, и отступать от намеченной цели она не собиралась... С осени 1942 года в стране шел сбор средств на армейское вооружение, и Октябрьская, распродав все имущество (скорее всего, не слишком большое) и добавив оставшиеся сбережения мужа, решила приобрести для советской армии танк и самой повести его в бой.

Средств на это, естественно, не хватало. И Мария взялась за хорошо

знакомое занятие — вышивку. Ее искусные изделия: салфетки, платки, скатерти, наволочки — пользовались спросом даже во время войны. За пядями Мария провела долгие месяцы, а когда скопилась внушительная для тех времен сумма (считают, что ей все же удалось собрать необходимые 50 тысяч рублей), Мария перевела деньги на счет Государственного Комитета обороны и отправила телеграмму в Кремль И.В. Сталину:

Председателю Государственного Комитета Обороны. Верховному Главнокомандующему.

Москва, Кремль

3 марта 1943 г.

В боях за Родину погиб мой муж — полковой комиссар Октябрьский Илья Федотович. За его смерть, за смерть всех советских людей, замученных фашистскими варварами, хочу отомстить фашистским собакам, для чего внесла в госбанк на построение танка все свои сбережения — 50 000 рублей. Танк прошу назвать «Боевая подруга» и направить меня на фронт в качестве водителя этого танка. Имею специальность шофера, отлично владею пулеметом, являюсь Ворошиловским стрелком...

*Октябрьская Мария Васильевна,
г. Томск, Белинского, 31*

Ответ был получен почти мгновенно:

Томск.

Марии Васильевне Октябрьской.

Благодарю Вас, Мария Васильевна, за Вашу заботу о бронетанковых силах Красной Армии. Ваше желание будет исполнено. Примите мой привет, Иосиф Сталин.

Теперь уже ни здоровье, ни возраст не имели значения. По личному распоряжению Сталина весной 1943 года упрямую командиршу призвали в Красную армию и направили в Омск на пятимесячные курсы механиков-водителей танков.

Трудно представить себе, как удалось немолодой и не слишком сильной физически женщине освоить все премудрости управления танком. Но упорства ей было не занимать с юных лет, так что Мария сдала все экзамены на отлично, получила свидетельство механика-водителя и звание сержанта. И уехала на фронт на своем танке.

Однополчанин Марии Октябрьской вспоминал:

«Когда этот танк прибыл в нашу часть, весть о его хозяйке разнеслась мгновенно. Ведь этот Т-34 пришел не просто из тыла, а из человеческого сердца. Его броня была закалена горем и страданием, она хранила живое дыхание любви, и это удесят�еряло наши силы».

По инициативе экипажа на башне танка была сделана надпись: «Боевая подруга». Рядом с местом механика-

водителя Мария прикрепила фотографию мужа.

«Дорогие друзья мои! Я горжусь тем, что буду воевать с ненавистным врагом в составе прославленного военного соединения. Я знаю, каким должен быть его солдат. До границы Германии еще не так близко, но мы дойдем до нее. Мы дойдем до логова зверя и навеки отобьем охоту воевать против нашей страны. Клянусь вам, что экипаж танка “Боевая подруга” не отстанет от вас. Буду громить фашистов, пока бьется мое сердце!» — с этими словами обратилась к своим новым товарищам Мария Октябрьская.

За короткий срок танк «Боевая подруга» прошел расстояние в тысячи километров и добрался до степи, где в бою погиб комиссар Октябрьский.

21 октября 1943 года состоялся первый бой Марии. Она проявила качества, достойные настоящего воина, умело управляла грозной машиной и отважно вела ее в бой. В журнале боевых действий была сделана запись:

«Части бригады уничтожили до 100 солдат и офицеров противника, до 2-х батарей 71-миллиметровых орудий, 15 пулеметов и один танк “Фердинанд”. Батальон потерял 2 танка, “Боевая подруга” была подбита».

23 октября 1943 года танк был отремонтирован и вернулся в строй. За очередной бой экипаж «Боевой подруги» был представлен к правительственным наградам.

В январе 1944 года «Боевая подруга» в составе части 26-й гвардейской танковой бригады участвовала в боях близ железнодорожной станции и совхоза «Крынки» под Витебском. Отражать атаки фашистов становилось все тяжелее, силы бойцов были на исходе, заканчивались боеприпасы и остатки провизии.

Пришло время последнего боя Марии Октябрьской. В журнале боевых действий осталось всего несколько строк о нем:

«17.01.1944 г. в районе совхоза Крынки, тов. Октябрьская участвовала в атаке... гусеницами своего танка раздавила два орудия с при-

слугой, в бою танк «Боевая подруга» был выведен из строя огнем противника. Тов. Октябрьская, проявляя героизм, под сильным артиллерийским огнем противника восстановила танк, но была тяжело ранена».

Осколок мины пробил глаз и задел мозг танкистки. Транспортировать таких больных категорически противопоказано, но сделать операцию на месте было нереально. На самолете Марию доставили в полевую госпиталь в Смоленск, где ей была сделана операция. «Большая потеря крови. Общее состояние слабое», — было записано в больничной карточке.

Мария Октябрьская на башне танка «Боевая подруга»

16 февраля 1944 года Мария Октябрьская прямо в госпитале была награждена орденом Отечественной войны I степени за бой под Новым селом. Через несколько дней танкистку навестил член Военного совета фронта Лев Мехлис, сообщивший о представлении ее к званию Героя Советского Союза — беспрецедентный случай в бронетанковых частях. Увы, медаль «Золотая Звезда», звание Героя Советского Союза и орден Ленина Октябрьская получила посмертно — 2 августа 1944 года.

На совершение подвига требуется порой несколько минут, на получение за него награды — увы, долгие месяцы.

Мехлис дал врачам указание готовить Октябрьскую к отправке в Москву, но, увы, сделать это не успели — на рассвете 15 марта 1944 года Мария скончалась.

Героиня была похоронена в Смоленском кремле на Кутузовском кладбище, рядом с героями Отечественной войны 1812 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 августа 1944 года гвардии сержанту Марии Васильевне Октябрьской посмертно было присвоено звание героя, и она была навечно зачислена в списки воинской части.

А «Боевая подруга» продолжила свой славный путь. Правда, это был уже не танк Марии. Танки погибали, а оставшиеся в живых члены экипажей присваивали имя «Боевая подру-

га» своим новым машинам — в память о Марии Октябрьской. Победа застала «Боевую подругу» — уже четвертую по счету — в Кенигсберге.

Имя героини носит томская школа №24. Перед ее входом стоит памятник отважной женщине, а в школьном музее хранятся немногочисленные экспонаты и материалы о танкистке-героине. Состоялась также поездка детей к месту захоронения героини — в Смоленск. Завуч томской школы Наталья Прохорова призналась:

«Там люди мало знали об Октябрьской. И все, что им рассказали наши дети, вызывало у них искренне удивление и восхищение. В нашей школе на свой первый классный час первоклашки приходят в музей, где им рассказывают, почему гимназия, в которой они учатся, носит имя этой великой женщины».

В годы войны около миллиона женщин овладело всеми военными специальностями, в том числе, и самыми «мужскими». Даже возникла языковая проблема: у слов «танкист», «пехотинец», «автоматчик» до того времени не существовало женского рода, потому что эту работу еще никогда не делала женщина. Женские слова родились там, на войне...

У войны не женское лицо, и когда милые, хрупкие и красивые девушки массово берут в руки оружие — значит, мир встал на самую грань, за которой только холод и смерть... □

Фашисты, вооруженные автоматами, в сопровождении немецких овчарок привели в станицу Курчанскую пленных русских солдат. Местное население — в основном старики, женщины и дети — стояло вдоль дороги и старалось добросить сухари голодным, изможденным и раненым пленным. Грубые окрики, лай собак наводили ужас на людей, особенно на детей и подростков.

Маленькая Варенька сжалась вся в комочек и заплакала:

— Если это немцы, то курочек ловить будут, головы рубить и на костре жарить. Кабанчика уже поймали, зарезали и недоваренного съели...

— Тише, милая, молчи, — пыталась успокоить ее бабушка. — Пойдем скорее в хату!

Глубокой ночью к ним в окно кто-то робко постучал...

— Кто это пришел? Чего надо? — тихо спросила бабушка Анна.

За окном все смолкло. Накинув платок, она вышла из хаты во двор и вскоре вернулась, поддерживая за плечи худого израненного парня. Бабушка помогла ночному гостю умыться, накормила картошкой, напоила чаем и уложила спать. Не успел пришелец растянуться на лавке, как сразу же заснул.

Бабушка вздыхала, охала, думая, что беднягу спасти никак не удастся — полицаи начнут поиски, найдут солдата, расстреляют и его, и бабушку с маленькой Варенькой.

Ранним утром те действительно начали обход по домам, а когда оказались на их улице, раненого быстро спрятали в полуразрушенном сарае, в дубовой кадушке, а сверху засыпали зерном для кур. Крышкой закрывать не стали, чтобы не привлекать внимание.

Полиции перевернули в доме все вверх дном, проверили и сарай, но в кадушку заглянуть не догадались. Ушли...

Бабушка Анна лечила пораненную ногу парня настоями трав, молитвами и ласковыми словами: «Все заживет, миленький... Бог милостивый нам поможет. Обязательно вылечим твою ногу. Веруй крепко и молись Господу. Он с нами, а мы — с ним...»

Дорога заканчивалась у станицы, а дальше все было разрушено. Фашисты ожидали подвоза солдат, боеприпасов и продуктов. Тяжелые ящики придется таскать на себе до расположения штаба. Значит, снова будут проверять все хаты, набирать рабочих, поэтому Василия надо спрятать понадежнее. Но как? Думая о том, что, куда ни прячь, солдата все равно найдут, и тут надо действовать по-другому, бабушка Анна решила переодеть Василия в женское платье. Приделала ему грудь и горб, надвинула на лоб платок поглубже, а Вареньке приказала называть его мамой Лидой...

Несколько раз Василию-Лиде пришлось таскать ящики к штабу, он запоминал дорогу и все, что видел в расположении фашистов.

Как-то немецкий офицер подошел к «Лиде», начал ее тискать, попытался сорвать с головы платок, и пришлось от него отбиваться. Василий крепко ударил немца и убежал, хорошо, что рядом была болотистая местность и камышовые заросли, куда он и спрятался.

А через какое-то время ему удалось сообщить командованию координаты расположения фашистов, и однажды над станицей появились советские самолеты и забросали бомбами штаб и склады врага.

Наконец война закончилась, пришла Победа, и в родную хату вернулась настоящая мама Лидия, которую угнали в Германию и посадили в концлагерь. Выглядела она худой, бледной, болезненной. На руке был вытатуирован номер с многочисленными цифрами.

Бабушка погладила внучку по голове и сказала непонятные слова:

— Варенька, это твоя настоящая мама Лида.

— Нет! — заплакала девочка. — У моей мамы лицо другое, и ножка сильно болела! Я очень по ней скучаю! Пропала куда-то моя мама Лида!

Долго пришлось ей привыкать к своей новой, незнакомой настоящей маме, поверить, что другая мама Лида, которую она так любила, — это солдат Василий.

Незаметно подошла осень. Мирная жизнь вошла в свое русло. Однажды возле ворот хаты бабушки Анны остановилась машина, и из нее вышел

высокий, красивый офицер в военной форме. В руках он держал букет георгинов и пакеты с подарками бабушке и Вареньке.

— Мамочка! — громко закричала Варя. — Наш папа с войны вернулся!

Она кинулась к офицеру, обняла его, забралась на руки. Когда Василий ласково заговорил с ней, девочка узнала голос и спросила:

— Папа, ты — мама Лида?

— Нет, — улыбнулся мужчина, — я — Василий Федорович.

Бабушка, всплеснув руками, почему-то заплакала и присела на лавочку.

Потом гостя пригласили в дом, усадили за стол, и взрослые долго беседовали между собой, а Варенька рассматривала подарки и гостинцы.

Василий Федорович надолго застрял в этой милой гостеприимной семье, хотя дела и звали, но уезжать ему никак не хотелось, поэтому он позвонил в свою часть и выпросил себе отпуск.

Как-то утром Василий вышел во двор нарубить дров. Лидия, хлопотавшая рядом по хозяйству, уже не раз ловила на себе его пристальные многозначительные взгляды и страшно смущалась. Вот и сейчас молодая вдова не выдержала и убежала в хату.

Когда сели завтракать, Варенька вдруг подняла голову, взглянула на маму и Василия и неожиданно сказала:

— Мама, папа, родите мне сестренку или братика, пожалуйста!

У мамы Лиды заблестели в глазах слезы, а Василий, кивнув, вышел из-за стола, подошел к ней и произнес серьезным голосом:

— Меня к вам привела сама судьба. Получается, что не зря. Лидия, ты мне очень нравишься, и я хочу, чтобы ты стала моей женой. Я же постараюсь быть любящим мужем и заботливым отцом...

Бабушка подняла рюмку, отпила глоток и выкрикнула:

— Ой, какая горькая! Горько! Горько!

Лида с Василием посмотрели друг на друга, обнялись и поцеловались...

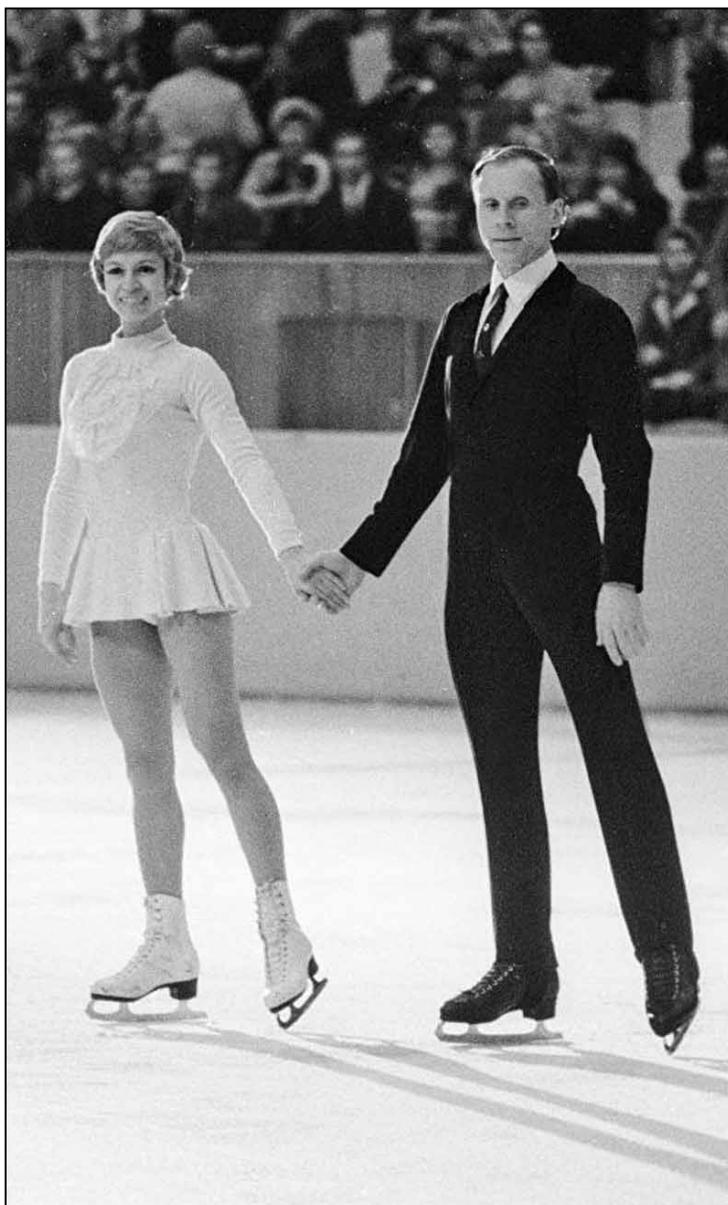
...Варвара Васильевна медленно поднялась с лавочки, разложила цветы на три могильные плиты и попросила меня довести ее до хаты. Когда мы вошли в дом, я увидела на стене портреты ее самых родных людей: бабушки, мамы и папы. Мы помянули их добрыми словами и стали прощаться. Идя по улице к себе домой, я вдруг подумала: «Не зря говорят: «До тех пор, пока мы с благодарностью вспоминаем своих близких, ушедших в мир иной, они рядом с нами...» □

Евгения
Гордиенко

ЛЕД

КАК ЖИЗНЬ

Сегодня никого не удивляет, что российские фигуристы регулярно занимают первые места, а то и весь пьедестал на всех международных соревнованиях, включая главное — Олимпиаду. Но старшее поколение еще помнит, что так было не всегда. А порой, открывшей эту «золотую дорогу» нашим чемпионам, стала пара советских фигуристов — **Людмила Белоусова и Олег Протопопов**.

В фигурное катание оба они пришли довольно поздно для этого вида спорта — в 15 лет. В этом возрасте уже принято вовсю участвовать в международных турнирах, а не вставать впервые на коньки. Однако, как показывает история, не всегда нужно делать так, как все.

Людмила Белоусова родилась в 1935 году в Ульяновске, где и провела военные годы, а в 1946 году семья переехала в Москву. В детстве девочка была очень подвижной, но ей и в голову не приходило стать фигуристкой, пока она не увидела популярный тогда фильм — «Серенада солнечной долины» с Солей Хени. Знаменитая норвежская фигуристка так ее впечатлила, что она тут же решила записаться в секцию фигурного катания. Несмотря на «преклонный» возраст, ее приняли, и Лариса Новожилова, ее первый тренер, сразу принялась за работу. Ей помогали упорство и трудолюбие Людмилы, но по-настоящему талант девочки раскрылся, когда она встретила своего будущего партнера и мужа Олега Протопопова.

Олег Протопопов родился в Ленинграде в 1932 году. Его мама — Агния Владимировна Гротт — была балериной. Вероятно, именно от нее сыну досталась такая пластика и музыкальность. Отец оставил семью, когда мальчику был год, и Олег его не помнил.

По окончании войны мальчик решил всерьез заняться классической музыкой, однако в музыкальную школу его не приняли — с формулировкой «отсутствие совершенного музыкального слуха». И вот, в пятнадцатилетнем, как и Людмила, возрасте, Олег неожиданно увлекся фигурным катанием. Первые коньки ему подарил отчим, поэт Дмитрий Цензор, который, по словам Протопопова, вы-

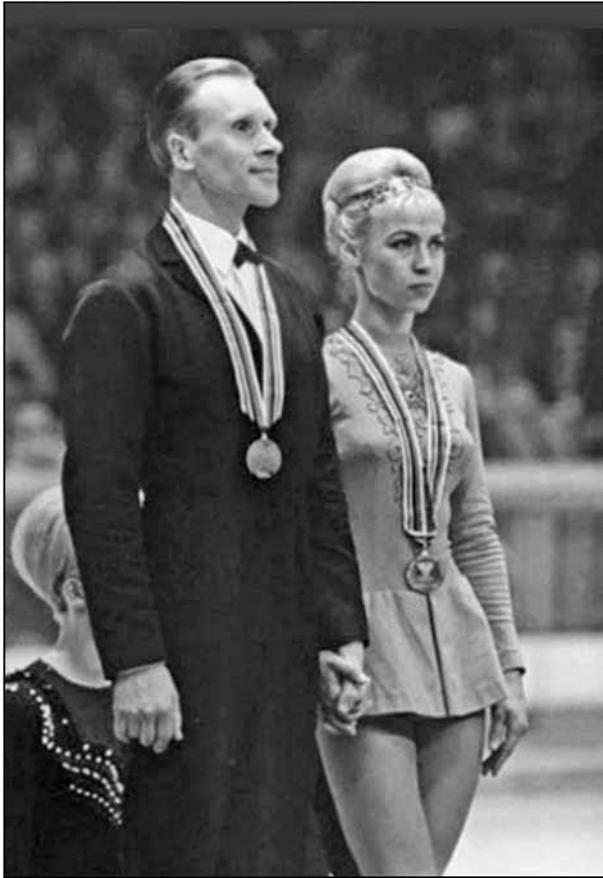
тащил их с матерью из блокадного Ленинграда, когда они были уже на грани смерти.

Первым тренером Олега стала Нина Лепнинская, которая и начала делать из этого замкнутого юноши будущего олимпийского чемпиона. Помогала и мама, прививавшая сыну балетные легкость и грацию. Он, как и Людмила, тренировался сначала без партнерши, но вскоре Лепнинская нашла для него Маргариту Богоявленскую, с которой Олег занял третье место на чемпионате СССР. Правда, справедливости ради, стоит отметить, что выступало на этом чемпионате всего 3 пары.

В 1954 году в Москве проходил семинар, где Людмила с Олегом и познакомились. Они решили попробовать отработать вместе некоторые элементы и поняли, что кататься вместе им нравится.

Фигурное катание для них в те годы было пока еще только увлечением — Олег служил на Балтийском флоте, откуда его, правда, регулярно отпускали на тренировки и соревнования, Людмила же училась в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта. Ей перевестись в Ленинград было проще, чем моряку Протопопову перебраться в сухопутную Москву. Так она и поступила, а в 1957 году будущие чемпионы поженились.

Тогда они еще не знали, что прожить вместе им предстоит очень долго — более полувека. Но на протяжении всей жизни эта пара — су-

прудеская, а не спортивная — оставалась образцом нежного и уважительного отношения друг к другу.

Обручальных колец они никогда не носили. Протопопов вспоминал: «Когда в 1957 году мы поженились, у нас попросту не было денег не только на кольца, но даже на скромное свадебное торжество. Я тогда только-только демобилизовался, отрубив 5 лет в боцманской команде на Балтийском флоте. Все, что умел, — дочиста драить палубу, все, что имел, — черный суконный бушлат, бескозырку и два рубля в кармане флотских клешей. И вот мы с Людмилой отправились расписываться в райсовет, что на Московском проспекте в Ленинграде. Там нам проштам-

повали паспорта, взяв рубль двадцать за услугу. Домой возвращаться нужно на троллейбусе — это еще по 20 копеек на билет для каждого...»

Но вернемся к спорту. Конечно, более позднее, чем у других фигуристов, начало карьеры не могло не сказаться. На своих первых соревнованиях — чемпионате мира и Европы 1958 года — Протопопов и Белосова даже не раз падали. В 1960-м, на своей первой Олимпиаде, в Скво-Вэлли, они заняли девятое место. Олегу было уже под тридцать. Возраст, когда спортсменам пора заканчивать карьеру.

Что же им помогло? Упорство? Вера в себя и друг в друга? Бесконечные тренировки? Любовь? Вероятнее всего, все в комплексе. Плюс свой, особый, очень нежный и артистичный стиль катания, который внезапно понравился судьям.

Поэтому, после девятой попытки, они все же выиграли чемпионат Союза, а затем — европейское первенство.

И вот — Олимпиада в Инсбруке в 1964 году. Никто не сомневался в победе немецких спортсменов Марики Килиус и Ханса-Юргена Боймлера: они уверенно побеждали своих соперников на крупнейших международных турнирах. Доходило до того, что еще до соревнований можно было купить открытки с фотографиями немцев с надписью: «Олимпийские победители 1964». Но подобная самоуверенность обычно добра не доводит. Полная, практи-

чески идеальная синхронность движений Белоусовой и Протопопова вознесла их на первое место.

До этой победы фигуристы тренировались с наставниками, но после Олимпиады решили заниматься и ставить свои номера самостоятельно. И, уже будучи сами себе хореографами, выиграли второе золото — в 1968 году в Гренобле, когда все судьи единогласно выставили им высший балл за артистизм.

Белоусова и Протопопов, по их собственному мнению, были на пике формы и планировали продолжать выступать. Однако мир, в том числе и спортивный, менялся, на первый план стали выходить силовые эле-

менты, а артистизм и искусство на льду уходили в тень.

Фигуристам стали мягко намекать — прежде всего, оценками — что их век на льду окончен, пора переходить в профессиональный спорт и на тренерскую работу. И хотя в душе они были с этим не согласны, другого выхода не было. Оставшись без международных турниров, они не могли остаться без льда, он был смыслом их жизни.

Протопопов и Белоусова ездили по стране и миру с выступлениями в составе Ленинградского балета на льду несколько лет, пока не произошло то, что надолго сделало их имена в Советском Союзе запретными.

Летом 1979 года был подписан стандартный контракт о европейских гастролях Ленинградского балета на льду. Двукратные олимпийские чемпионы Людмила Белоусова и Олег Протопопов должны были стать главными звездами этого выступления. Однако, как выяснилось впоследствии, у пары были свои планы. После выступления они явились в местное полицейское управление и написали заявление с просьбой предоставить им политическое убежище. И получили его.

Несмотря на то, что во время турне пара заработала 8 тысяч долларов, фигуристы решили не оставлять их себе. Протопопов сказал жене: «Я точно знаю, нас начнут поливать грязью. Поэтому эти деньги мы себе не возьмем».

В Союзе они, разумеется, тут же стали невозвращенцами, их имена постарались вымарать отовсюду. Но едва ли это было возможно. Лучше всего выразился по этому поводу скульптор Эрнст Неизвестный, сравнив побег с тем, как если бы о политическом убежище попросили «Рабочий и колхозница».

В Швейцарии тоже не все складывалось гладко. Гражданство долго не давали — пара получила его только в 1995 году. И все шестнадцать лет они были «невъездными» — но уже в Европе. И все равно ни о чем не жалели, тренируясь так, как хотелось, и выступая для жителей страны, приютившей их.

Несмотря на то, что у них все еще не было гражданства, когда распался Советский Союз, возвращаться

пара отказалась — они давно уже все для себя решили. А затем удивили общественность еще одной идеей — пожелали выступить на Олимпийских играх в Нагано в 1998 году. Однако швейцарская федерация фигурного катания пару не поддержала. И можно понять — почему.

Белоусова и Протопопов обожали фигурное катание, жить без него не могли. Но не меньше они любили себя в фигурном катании, словно забывшая смотреть по сторонам и видеть,

что мир меняется, меняется фигурное катание, его скорость, его стандарты. Они по-прежнему были уверены, что они лучшие, хотя со времени их последнего триумфа прошло 30 лет. Это выглядело для всего мира несколько самонадеянно и немного сумасбродно.

Ни детей, ни учеников у пары не было. Создавалось ощущение, что они жили только друг для друга и для фигурного катания.

В 2003 году они посетили Россию, прилетев в родной город, который

теперь снова обрел историческое название.

«Мы приехали в Россию не для того, чтобы сводить счеты, высказывать прошлые обиды, — сказал журналистам Олег Протопопов. — Мне хотелось бы, не вспоминая что-то плохое, мысленно вернуться назад, чтобы понять, что изменилось в новой России. Самое важное осознается тогда, когда это у человека отнимают».

Во дворце спорта «Юбилейный» они провели тогда открытую тренировку, поразив всех своей формой и по-прежнему влюбленным взглядом друг на друга.

Кстати, Олег Протопопов имел непосредственное отношение к постройке этого дворца спорта. Он

вспоминал: *«После победы на Играх 1964 года в Инсбруке нас вместе с другими олимпийцами принял Хрущев. Не знаю, что меня тогда будто в спину подтолкнуло, но, сознавая, что не за себя прошу, я подошел к нему и сказал, что в городе на Неве абсолютно отсутствуют условия для полноценных тренировок и выступлений. Хрущев строго глянул на пытавшегося удержать меня за локоть председателя союзного Спорткомитета Машкина и буркнул: "Жулик ты!" Машкин до боли сдавил пальцами мой локоть...»* И в 1967 году дворец был открыт.

Приезжали они и на открытие зимней Олимпиады в Сочи в 2014 году, дали множество интервью.

До недавнего времени они так и жили в Гриндевальде, иногда работая на шоу и бесконечно катаясь на обычном городском катке. А еще сами сняли фильм о себе: «У нас был выбор — либо купить дом, либо сделать фильм, и мы выбрали второе. На запись мы потратили 80 тысяч франков. Мы арендовали лед на 3 недели, закупили профессиональную аппаратуру...»

Они всегда и везде делали выбор в пользу льда. Даже отсутствие детей Олег Протопопов объяснил так: «Годичный перерыв, связанный с рож-

дением ребенка, мог бы сказаться на результатах, изменить Людмилину фигуру. Мы были вовлечены в мир фигурного катания настолько, что даже и не думали об этом. А потом, когда решили уехать, дети остались бы в Союзе в заложниках и в итоге вынудили бы нас вернуться... И тем не менее, мы счастливые люди. Нас помнят на льду. Нас видят на льду».

Несколько лет назад Людмилы Белоусовой не стало. Олег Протопопов ведет жизнь простого швейцарского пенсионера, но уже без своей бессменной партнерши... □

Николай Черкашин

БРЕСТСКИЕ ВОРОТА

*Рио-рита, рио-рита,
Вертится фокстрот,
На площадке танцевальной
Сорок первый год.
Ничего, что немцы в Польше,
Но сильна страна,
Через месяц — и не больше —
Кончится война.*

Геннадий Шпаликов

Часть первая. Брест — город невест

... Московский экспресс подходил к Бресту. Проводница в белой летней гимнастике громко объявила:

— Товарищи пассажиры, подъезжаем к Бресту. Через пять минут закрою туалеты!

На ее предупреждение поспешно откликнулся военный пассажир с петлицами батальонного комиссара — молодежавый светловолосый крепыш с широко расставленными голубыми глазами.

— Побриться успею?

— Успеете, только быстро.

Батальонный комиссар Иванов брился перед туалетным зеркалом опасной бритвой, и потому в вагонной качке то и дело резался. Чертыхаясь, он наклеивал на порезы клочки газетной бумаги, которая быстро останавливала кровь. Несмотря на порезы, настроение у него было превосходное, и он напевал бодрую «Москву весеннюю» на немецком языке:

*Моргенштрассе фон Москау,
Розен фабре альтен мурен...*

Проводница прислушалась и поделилась своими сомнениями с напарником — немолодым проводником в такой же белой полотняной гимнастерке, как и у нее.

— Нашу песню по-немецки поет, слышь, Максимыч? Может, шпион какой? Начальнику поезда надо сообщить.

— Да погодь! Я вон тоже по-немецки шпрехать могу, в плену выучился. Так что, по-твоему, тоже шпиен?!

— Тебя-то тут все знают, а этот новенький и сам во всем новеньком. Видел, какой у него саквояж — заграничный, из крокодиловой кожи!

— Ну, давай теперь по чемоданам определять — кто шпиен, кто не шпиен. Шла бы ты...

Тем временем Иванов, закончив бритье, вернулся в купе и стал подшивать к гимнастерке свежий подворотничок. Делал он это так неумело, что попутчица, гладковолосая женщина средних лет, похожая на школьную учительницу, вызвалась помочь ему.

— Давайте, у меня это быстрее получится! — Она взяла иголку, сноровисто подшила белую ткань и, откусывая нитку, усмехнулась: — Дома, наверное, жена подворотнички подшивает?

— Мама, — улыбнулся в ответ Иванов. — Жены пока нет.

— Ну, ничего, у нас быстро найдете! Брест — город невест.

В купе неожиданно заглянула какая-то цыганка и пропела грудным голосом:

— Красавчик золотой, дай погадаю!

Иванов лишь отмахнулся в ответ.

— Ты не бойся, мой алмазный, я не цыганка — я сербиянка. Всю правду тебе скажу. Даже денег не возьму. На сердце у тебя большая печаль, и едешь ты в казенный дом. Трудно тебе будет, мой дорогой, но Богу молись, и Господь поможет тебе.

Попутчица Иванова не выдержала и попыталась выставить гадалку за порог:

— Давай, давай отсюда, пока милицию не позвала!

— Ой, дама бубновая, смотри, кто на меня орет, тот долго не живет!

Цыганка исчезла, слегка омрачив настроение своим бесцеремонным вторжением и в купе, и в личную жизнь пассажиров. Тем не менее Иванов пребывал в приподнятом состоянии духа. За спиной оставалась Москва, тихая благополучная служба в Разведуправлении РККА, куда его еще лейтенантом определил отец — замначальника одного из ведущих отделов Генерального штаба. Попав туда, в старинный особняк на Гоголевском бульваре, в эпицентр совсекретных операций, Иванов возмечтал о легальной или, еще лучше, нелегальной работе за кордоном. Кто-кто, а он-то окончил институт военных переводчиков с отличным владением немецким языком. Но за границу его не отправили (должно быть, отец не захотел рисковать единственным сыном), а определили в отдел, который занимался аналитической обработкой донесений от зарубежных агентов. Работа по-своему интересная, но кабинетная, рутинная. А молодая душа жаждала подвигов и приключений. Теперь же впереди было нечто новое, неизведанное. Иванов подал рапорт начальнику РУ РККА о переводе в линейные войска. Тот очень удивился: чего этому генеральскому сынку надо? Престижная служба, два внеочередных воинских звания, приличный оклад! Иванов не стал посвящать его в свои душевные переживания, а просто напомнил, что как офицер разведуправления он имеет право на годичную стажировку в войсках. И генерал Голиков подписал рапорт. Отец остался недоволен, но перечить сыну не стал. «Послужи, послужи, узнаешь, почем фунт лиха!» С этим напутствием он его и отправил в Западный Особый Военный Округ. В Минске батальонный комиссар Иванов получил предписание прибыть в распоряжение начальника политотдела 28-го стрелкового корпуса, который дислоцировался в Бресте.

Новая жизнь и предстоящая служба наполняли душу тревожно-радостным ожиданием.

Машинист дал длинный гудок. Поезд прибывал на станцию Брест-Центральный.

На людном перроне брестского вокзала двое мальчишек — один повыше и постарше, в матроске и круглой тубетейке, другой в мятом суконном кепи польского солдата — разглядывали военных.

— Вон, видел, танкист пошел?! У него танки на черных петлицах и два «кубаря». Ну, кто он по званию? — экзаменовал старший младшего.

— Наверное, майор...

— Сам ты майор! Я ж тебе сколько раз объяснял — у майора — «шпалы», а у этого «квадратики» — значит, лейтенант. А вон еще командир идет — кто?

— Артиллерист.

— Ну, это каждый дурак определит: две пушки скрещенные. По званию — кто?

— Сержант.

— Сам ты сержант! — сердился старший. — У него в петлицах «пила» — четыре треугольника. Это старшина. А это кто? — кивнул он на Иванова.

— Майор.

— А на рукаве у него что? Звезда. Значит, не майор, а батальонный комиссар.

— Точно так! — весело подтвердил Иванов. — Ребята, улица Леваневского далеко?

— Недалеко, товарищ батальонный комиссар, мы покажем!

И они втроем вышли на привокзальную площадь. Иванов увидел, как соседку по купе встретила ладная красивая девушка на мотоцикле. Она пристроила чемодан на багажник, усадила мать на заднее сиденье и рванула так лихо, что Иванов едва успел отскочить.

— Ненормальная! — прокомментировал старший мальчуган. — Цепь когда-нибудь порвет.

— Ты откуда все знаешь, а?! — одобрительно похлопал его по плечу Иванов.

— У меня батя в крепости служит.

— Кем, если не секрет?

— А! — махнул рукой паренек. — Старшим писарем в обозно-вещевом отделе.

— Чего это ты так пренебрежительно?! Без обозно-вещевой службы бойцы разуты и раздеты, много не навоюешь! Как зовут тебя?

— Серегой.

— А ты у нас кто? — обратился Иванов к младшему.

— А я тутэйший. Янка.

— Летчиком, наверное, хочешь быть?

— Не... Шофером, як батька. Мне машины сподобаются.

Замедлив шаг, старший мальчуган спросил:

— Товарищ батальонный комиссар, вам, наверное, штаб корпуса нужен?

— Ишь, ты! — снова удивился Иванов. — Да ты готовый разведчик, все знаешь!

— Так вон он, в том особнячке. Чего тут знать, тут один штаб на всю улицу.

— Спасибо ребята! — доставая кошелек, произнес Иванов. — От лица службы поощряю вас мороженым! — и протянул мальчику рубль.

— Служим трудовому народу! — ответил за двоих Серега, сын обозно-вещевого писаря.

Штаб 28-го стрелкового корпуса размещался в красивом польском особнячке под оранжевой черепицей. Но прежде чем зайти туда, Иванов снял фуражку, провел рукой по волосам и решительно направился в ближайшую — через дорогу — парикмахерскую. В ней было только одно кресло и только один мастер, который поспешно вышел навстречу клиенту в белом переднике и жилете из черной саржи. Лысую голову покрывала кипа из все той же черной саржи.

— Натан Наумович Майстерман, — церемонно раскланялся он. — Прошу вас в кресло, молодой человек! Вы не обманулись адресом. Вы пришли туда, куда надо. Что будем делать?

— Ничего особенного, подравнять, чтобы волосы на воротничке не лежали.

— О, я вижу у вас прекрасный полубокс, и делал его, судя по всему, столичный мастер! У нас в Бресте так не стригут. У нас в Бресте только я так стригу, но я вас вижу в первый раз. А кто же вас так беспощадно побрил?

— Сам брился, в поезде, второпях.

— Ой, я вас умоляю! Вы же знаете, где мужчина должен торопиться — при ловле блох, у чужой жены и у фининспектора. Если доверите, давайте я вас перебрею! Хотите — с компрессом, хотите — без. Я самого генерала Самсонова брил. Незадолго перед смертью. И вас побрею, чтобы долго и красиво жили!

Красноречие и натиск парикмахера были неотразимы, и Иванов согласился на все услуги. Первым делом он был подвергнут мытью головы (после поезда шевелюру припорошила угольная крошка из трубы паровоза — так объяснял необходимость этой процедуры Натан Наумович). Затем лицо клиента было укутано в горячее полотенце для мягкого бритья.

— Я подровняю вам бровки, удалю лишние волосы из носа, и все женщины Бреста будут ваши! Или у вас уже есть драгоценная половина?

— Пока нет.

— Таки будет! — радостно воскликнул мастер. — Брест — это город невест.

— Я уже это слышал.

— Что такое «слышал»?! Это надо видеть! И не только видеть... Я тут сам три раза сочетался законным браком. И вот снова — брак. Но я не теряю надежды. Брест — это вам не Лодзь... — Не переставая говорить, мастер взял с полки пульверизатор: — У меня есть прекрасный парфюм! Швагер из Варшавы прислал. Чистый Париж! «Искушение святого Антония». Освежить?

— Спасибо, не надо. Боюсь, начальство меня превратно поймет.

— Ах да, пан в мундире! Пшепрашам бардзо! Але у меня есть из старых запасов и только для вас прекрасный офицерский одеколонь «Кавалерский час». Когда здесь стояло Войско Польское, все кавалерийские офицеры были без ума от него. Точнее их дамы.

— Нет уж, увольте.

— Ну, тогда просто дезинфекция. У пана порезы, их надо обработать. А потом у меня есть настоящая китайская рисовая пудра из Варшавы.

— Порезы обработайте, а пудры не надо.

— Ну да, ну да... Пусть пудрятся кобеты. А мужчин украшают раны и шрамы.

Иванов достал кошелек и расплатился.

— А можно пану вопрос задать? — поклонившись, осторожно спросил Натан Наумович.

— Только не зовите меня «паном»!

— Так, так! Простите дурного Натана! При польском часе все панами были... Но я не могу назвать вас и «товарищ офицер». Ну, какой вам товарищ бедный еврей?! Не нужны вам такие товарищи.

— Теперь все «товарищи» — и парикмахеры, и командиры, и врачи, и наркомы... Отныне и во веки веков. Вы, кажется, что-то хотели спросить?

— Ой, я боюсь спрашивать! Это, наверное, военная тайна. Будет у нас война с Германией чи не?

— Пока — «чи не», — усмехнулся Иванов. — У немцев сейчас главный враг — Англия. Пока они Британию не свалят, а это еще большой вопрос, никаких войн на востоке затевать не будут.

— Ну да, ну да! Я тоже так меркую. Вы понимаете, почему я вас спрашиваю. Я не хочу стричь немецких солдат. Я брил самого генерала Самсонова в 1914 году... Заходите, товарищ, когда обростете. Я вам скидку зробию.

Выйдя из парикмахерской, Иванов сразу направился в штаб корпуса. В вестибюле к нему подошел щеголеватый капитан и учтиво осведомился:

— Кому и как о вас доложить?

— Доложите бригадному комиссару Налимову, что прибыл батальонный комиссар Иванов.

Капитан исчез за массивной резной дверью и тут же вернулся с дежурной улыбкой на лице:

— Прошу вас!

Иванов перешагнул порог и вскинул ладонь к козырьку:

— Товарищ бригадный комиссар, батальонный комиссар Иванов прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Навстречу ему поспешно поднялся округлый, почти яйцеобразный, затянутый в ремни начальник политотдела корпуса. Он не дал Иванову закончить доклад и порывисто обнял его:

— Леша! Вот вымахал-то, а?! И весь в отца, зараза! Как гипсовый слепок! Служить к нам прибыл? Ай, молодец!

Иванов достал из саквояжа сверток:

— Это папа просил передать.

— Спасибо! Не забыл, старика! — радостно разглядывая бутылку, воскликнул Налимов. — О, пять звезд! Командарм, да и только! А я еще тот попиваю... — и тут же снял телефонную трубку: — «Сосна»? Дайте «Орешник». «Орешник»? Наберите в Москве номер...

Иванов рассматривал уютный, обставленный старинной мебелью кабинет. Из общего стиля выбивались только портреты вождя и наркома обороны в светлых дешевых рамах.

— Палыч? Здорово! Налимов тебя травмирует! За презент благодарствую! А у меня тут Лешка в кабинете! Орел, орел! Весь в батю!.. Не бойся, не обидим. Хороший полк ему дадим. Петрова-Пятого помнишь? Толковый мужик, хотя и с норовом. Рубака, вояка, служака — РВС, одним словом. С финской орденосцем вернулся. Вот к нему и определю. Ну, и сам приглядывать буду. Не тревожься! Обнимаю! Бывай!

Налимов положил трубку и, размягченный разговором со старым боевым другом, прошелся по ковру кабинета.

— Ты мне вот что скажи. У тебя так хорошо служба шла: шутка ли, после училища сразу в Главное разведуправление попасть? Не сработался с кем? Каким ветром в наши палестины занесло?

— Дядя Саня, все шло слишком хорошо. Понимаете — слишком! Папа определил меня в институт, папа устроил меня на службу... Папа, папа, папа... А я хочу сам чего-то добиться, понять, чего я стою в этой жизни!

— Молодец! Похвально и даже очень! Надо однажды и в реальную жизнь окунуться, в войсках послужить. У нас есть генералы, которые солдат только на киноэкране видели. Не буду имен называть... Так! Ты где остановился?

— Нигде. Я прямо с поезда.

— Ну, хорошо, поживешь пока в крепости. А потом я тебе служебную квартирку в городе устрою. Женой-то не обзавелся?

— Пока нет.

— Ну, и правильно! Легка шинель холостяку. Но отсюда женатым точно вернешься. Поверь мне! Брест — город невест.

— Дядя Саня, помилуйте! Я уже в третий раз сегодня это слышу! Это уже как угроза звучит.

Налимов заговорщицки понизил голос:

— А что ты думаешь? Угроза тут есть, и немалая. В Бресте особая порода женщин: польская и еврейская кровь перемешались, и такие штучки тут, я тебе доложу... Ох! На чем наш брат горит: на секретах, оружии и бабах. Вот предшественник твой так погорел, что хуже некуда. Пошел к каким-то полякам на квартиру, да еще с приятелем, и опа! Утром только два трупа в парке нашли. ЧП такое, что в Москву докладывали, самому наркомун! Военная прокуратура до сих пор следствие ведет.

— Нашли их?

— Куда там! Такие курвы хитрые, так все обтяпали, что и концов не найдешь. Брест — город для нас пока что чужой. Не любят нас здесь. Очень много мелкобуржуазного элемента. Мы своих буржуйчат воспитнули худобедно, а здесь только приступили. Работы непочатый край. Вот они и шипят из всех подворотен. А что ты хочешь? Советская власть у них всего лишь второй год... Поэтому мой тебе, считай, отцовский, совет, не увлекайся местными паненками. А если жениться надумаешь — сразу ко мне. У меня на примете такая невеста есть — закачаешься! Ну, идем, я тебя в крепость подброшу, командиру представлю.

Штабная «эмка», выкрашенная в защитный цвет, катила по малоэтажным улочкам провинциального города. Иванов сидел сзади, и бригадный комиссар то и дело к нему оборачивался.

— Что там, в московских кругах, насчет войны говорят? А то у нас тут такое шевеление происходит — и в мозгах, и на границе...

— Пока немцы себе с Англией руки не развяжут, никуда они всерьез не сунутся.

— Знаешь, я тоже так думаю. Германия уже вела войну на два фронта, и что из этого вышло? Гитлер не такой дурак, чтобы наступать на одни и те же грабли. Кстати, как по-немецки «грабли»?

— Харке. А что?

— До чего ж грубый язык! Харке — харкать. То ли дело «грабли» — «граб-ли-ии»... Стал вот немецкий в памяти освежать. Соседи, как никак!

«Эмка» въехала в приземистые, втянутые в земляной вал крепостные ворота. Часовой, заметив на лобовом стекле машины спецпропуск, успел вытянуться и взять под козырек. Вдоль всей дороги, пересекавшей Северный остров до самого Мухавца, стояли рядами разнокалиберные пушки, коновязи, тягачи и грузовики, поставленные на колодки.

— Вот наша головная боль! — вздохнул Налимов. — Крепость у нас перенаселена, как «терем-теремок» — всякой твари по паре: и стрелки,

и артиллеристы, и саперы, и пограничники, и конвойцы, и медики... А вчера еще и моряки с Пинской флотилии пожаловали. И всех разместить надо. Вроде бы казарменный фонд емкий — аж целых пять полков расквартировали. Точнее — втиснули. Но в тесноте, как говорится, не в обиде. В некоторых казармах нары в четыре яруса стоят. Но это все для мирного времени терпимо. А случись война, крепость как западня сработает. Ну, ладно, не будем каркать!

У Брестских ворот — при въезде в цитадель — «эмку» остановили, проверили документы.

— А ваш пропуск? — обратился к Иванову сержант.

— Это со мной! — ответил за него Налимов. — К месту службы прибыл. Еще не выписали... Так вот, твой полк по всем боевым показателям — отличный. Но политработа завалена на корню. Хотели комиссара сменить, да он сам сменился, то бишь, преставился. Комсорга надо менять — Манасяна, развел, понимаешь, в полку армянскую малину. Люля-кебаб сплошной. Полк и так уже «армянским» называют — из Армении бойцов немало, да и командиров русских не хватает. Кого ни возьми — Саркисян, Мартиросян, Авакян... И вот кучкуются они по углам, и никакой общей дружбы народов не получается. А сейчас нам еще и узбеков подбросили. Вот, говорят, учите их русскому языку. А они только одно твердят: «Винтовка большой, котелок маленький». Да что у нас тут, ликбез, что ли, по русскому языку?! У нас тут войска первого эшелона! Войска прикрытия границы, а не школа Соломона Пляра. Вчера двести аксакалов из Ферганы прислали. Я уже и отцу твоему звонил... Никто ничего понимать не хочет!

— А командир полка тоже армянин?

— Нет. Командир, как я уже говорил, рубака, вояка, служака. А вот член партии из него никакой. Да и то сказать — попробуй, выкуй коммуниста из бывшего царского ротмистра! Овес от овса, пес от пса...

«Эмка» затормозила в тылу Холмских ворот. Бригадный комиссар распахнул дверцу:

— Вот расположение твоего полка. Приехали!

Командир стрелкового полка, хмурый крутоскулый майор с волосами на прямой пробор, встретил визитеров как положено: встал по стойке смирно:

— Товарищ бригадный комиссар, — привычно начал он, — командир 84-го стрелкового полка майор Петров.

Но Налимов по-свойски махнул рукой:

— Хорош, хорош! Знаю, что ты командир полка, знаю, что ты майор Петров, знаю тебя, как облупленного. Вот знакомься, это твой новый ко-

миссар. Взамен ушедшего в бессрочный отпуск Муравьева. Царство ему небесное, не при коммунистах будь сказано.

Иванов сделал шаг вперед и представился, как положено:

— Батальонный комиссар Иванов! Прибыл для дальнейшего прохождения службы!

Глубоко посаженные глаза Петрова изучали нового комиссара весьма настороженно: что за птица такая?

— Один Петров, другой Иванов, — усмехнулся Налимов. — У вас еще и начальник штаба Смирнов. Все, как в Уставе внутренней службы: Иванов, Петров, Смирнов, Сидоров.

— Ну вот, — развел руками командир полка, — а нас еще армянами кличут.

— Армяне вы и есть: командир батальона Авакян, помощник начальника штаба Саркисян, начальник полковой школы Абрамян, комсорг Манасян... А вот и он, легок на помине! — Бригадный комиссар подозвал к себе спортивного вида парня в гимнастерке со знаками различия помощника политрука: — Ну что, Леон, лыжи на ДМБ наострил? Когда увольняешься?

— В сентябре, товарищ бригадный комиссар!

— Смену себе подготовил?

— Так точно! Сержант Туманян.

— Ну, что я говорил?! — воскликнул Налимов. — Сплошная круговая порука. Ладно, знакомьтесь, да срабатывайтесь побыстрее.

— Сработаемся! — заверил его Петров.

— Попробуйте только не сработаться! — шутливо погрозил пальцем Налимов.

Длинный коридор старинной казармы, казалось, уходил в дурную бесконечность. Завидев идущего командира полка, встречные красноармейцы замирали и вжимались спинами в стены, провожая начальство глазами.

Петров показывал новому комиссару расположение полка, шагая пружинисто и довольно быстро.

— Про наше ЧП, наверное, уже слышали?

— Слышал.

— Комиссии замучили — из Кобрина, из Минска, сейчас из Москвы ждем... Зайдите к начальнику особого отдела, он вас введет в курс дела.

Начальник особого отдела, весьма немолодой капитан Соловьев, записывал показания помощника политрука Манасяна.

— Когда вы в последний раз видели старшего политрука Муравьева?

— Муравьев вместе с политруком Коптевым зашли ко мне в клуб и проверили, как идет оформление ленинской комнаты.

— Они были трезвы?

— Так точно! Ни в одном глазу.

— Как Муравьев относился к алкоголю?

— В целом положительно. Но на службе ни разу выпившим не замечал. Один раз только было, на октябрьские праздники, и то не качался.

— Не качался, говоришь? А мне известно, что он у тебя в клубе прикладывался, и не раз.

— Так то не водка, домашнее вино! Мне на день рождения дед прислал. А чтоб водку там или коньяк — ни-ни! Только во внеслужебное время.

Иванов взял со стола лист дознания:

«10 июня старший политрук Муравьев и сопровождавший его политрук Коптев отправились после службы в парк имени 1 мая, где в ресторане "У озера" познакомились с двумя польскими женщинами, которые пригласили их продолжить знакомство у себя на квартире (адрес выясняется). На другой день тела вышеупомянутых политработников были обнаружены садовником парка в озере с ножевыми ранениями в области сердца...»

— Неужели осмотр тел ничего не дал? — повернулся он к Соловьеву.

— Как говорят в армии — «не могу знать». Работают следователи из военной прокуратуры, — ответил капитан.

— А «органы» в стороне? — спросил Иванов.

— Нет, конечно. Я, как вы понимаете, не могу оставаться безучастным к этому ЧП. Это мой полк, мои люди... Веду свое дознание.

— Готов помогать вам всем, чем смогу.

— Спасибо. Судмедэксперты показали, что оба командира были убиты не ножами, а тонкими длинными клинками типа стилетов.

— Заточки?

— Что-то вроде этого... Любопытная деталь: в кармане Муравьева был найден носовой платок со следами губной помады. И слабый стертый след этой же помады на шее.

— Серьезная улика. Хорошая зацепка.

— Да. Чувствуется, что работали не профессионалы. Помада варшавского производства «Сирена». Но такую помаду продают почти во всех парфюмерных лавках Бреста.

— Но так не бывает, чтобы все женщины города красили губы одной и той же помадой.

— Разумеется. Всего в Бресте сейчас продаются семь типов губной помады.

— Но если всех молодых женщин города разделить на семь групп — по числу фирм губной помады, то круг поиска резко снижается.

— Сужается, но не настолько, чтобы свести его к минимуму... — неве-

село усмехнулся особист. — Очень темное, на мой взгляд, совершенно глухое дело. Наша агентура еще не внедрена здесь должным образом. Мне сказали, что вы будете жить в комнате Муравьева. Я ее опечатал, но все следственные действия в ней закончены. Вот вам ключ, печати можете снять.

Комсорг Манасян вызвался проводить Иванова к его жилищу, взял у него саквояж, примеряя дорогую вещь к своей руке... Дорогу им преградила марширующая рота. Красноармейцы воодушевленно пели:

*Украина золотая, Белоруссия родная,
Ваше счастье молодое
Мы стальными штыками
Оградим!*

Погибший комиссар полка жил при полковом клубе, который находился в здании бывшего гарнизонного костела. Костел стоял посреди цитадели и был виден отовсюду. Манасян привел сюда Иванова, открыл массивным кованым ключом входную дверь и провел комиссара в храм, превращенный в полковой клуб. Фрески с ликами святых еще не успели стереть, и между святыми висели портреты советских полководцев — Фрунзе, Тимошенко, Буденного, Ворошилова... Портрет Сталина был помещен в алтарной части. На амвоне стояла деревянная трибуна для докладчиков. Молельный зал был заставлен грубо сколоченными сосновыми скамьями. Киноэкран висел в алтаре, а перед ним стоял широкий стол с прикрепленным кнопками листом ватмана и красками. Полковая стенгазета была почти готова. Передовая статья была написана от руки: «Если завтра война...»

Узкая винтовая лестница вела на хоры, где находилась небольшая комната, в которой и жил до недавних дней старший политрук Муравьев. Дверь была опечатана, но Манасян уверенно сорвал бумажки с печатями.

Комнатка с невысоким сводчатым потолком походила скорее на монашескую келью, чем на кабинет политработника. Разве что вместо иконы висел портрет Сталина с трубкой в руке. Над железной койкой, заправленной простым солдатским одеялом, тянулась длинная полка с томиками ленинских работ. Дубовый конторский стол. В углу сиротливо громоздился распахнутый сейф. Из невысокого, но широкого окна открывался великолепный вид на Тереспольские ворота, Арсенал и здание погранкомендатуры.

— Место здесь очень удачное, — давал пояснения Манасян. — Рядом командирская столовая, да и от начальства подальше...

— К богу поближе, — невесело пошутил Иванов, со скорбной миной разглядывая жилище своего предшественника.

А старшина тем временем продолжал говорить:

— Товарищ Муравьев был душевным человеком, бойцы его любили... Было у него увлечение — декоративные цветы. Сам разводил и в городе покупал. Вот это очень редкий и дорогой цветок — «Кровь Иисуса» называется. Расцветает только на Пасху. Родина — Новая Зеландия. Он купил его буквально за день до гибели. Так гордился им.

Их беседу прервал майор Петров. Он поднялся на хоры почти бесшумно.

— Знакомиться, так знакомиться! Приглашаю на семейно-товарищеский ужин. Я тут рядом живу — палкой докинуть. Анна Кондратьевна фирменное блюдо приготовила.

Петров жил за Брестскими воротами на Командирской улице, где стояла дюжина двухэтажных краснокирпичных домов, построенных сто лет назад. В этих суровых строениях квартировали семьи офицеров всех полков, располагавшихся в крепости.

Хозяйка встретила гостя на пороге и радостно удивилась:

— А мы уже знакомы! Вместе в поезде ехали! Я даже подворотничок вам пришивала.

— Ого, как у вас далеко зашло! — воскликнул Петров. — Ну, тогда без лишних слов — к столу! А где Зана?

— В гараже со своим мотоциклом возится.

— Зови ее. Зана! — высунулся из распахнутого окна Петров. — Боевая тревога! Ко мне!

Иванов оглядел маленькую, но уютную гостиную: над столом нависал огромный оранжевый абажур. В углу поблескивало черным облезшим лаком фортепиано с бронзовыми подсвечниками. Широкий простенок украшал небольшой текинский ковер со скрещенными казачьими шашками. Под шашками висела гитара с лиловым бантом.

Анна Кондратьевна водрузила на подоконник патефон с альбомом грампластинок.

— Вот, — сказала она. — Для пуцего веселья! Какую музыку вы предпочитаете?

Иванов не успел ответить. В гостиную влетела Занка во всем буйстве своих 18 лет. И хотя она была в мотоциклетном комбинезоне, ему показалось, что в комнату впорхнуло неземное существо в белом бальном платье.

— У нас гости! Иди переоденься! — распорядилась Анна Кондратьевна.

— Предупреждать надо!

Зана смерила гостя взглядом, кивнула: «Здрасьте!» — и тут же исчезла в своей комнате. Но вскоре вернулась в коротком школьном платье.

— Надень что-нибудь поприличнее! — шепнула ей мать.

— А это мое самое любимое!

Анна Кондратьевна не хотела затевать спор на людях и вернулась к столу, неся в руках блюдо с пловом.

Хозяин дома перехватил инициативу. Наполнив граненые рюмки «Зубровкой», он произнес:

— Ну а теперь давайте знакомиться по-настоящему! Представляюсь по случаю нашей встречи: Я, Петров Михаил Васильевич, родился в 1896 году в Новочеркасске. Отец — конный артиллерист, мама — домашняя учительница. После Елисаветградского кавалерийского училища был направлен в Ахтырский гусарский полк и сразу же на фронт в здешние края. Воевал в армии генерала Самсонова. Дважды ранен. Три ордена и сабля «За храбрость». В Красную армию пришел штабс-ротмистром. Воевал в Финляндии. Дорос аж до чина майора. Особой карьеры не сделал. В этом году увольняюсь в запас. Доклад закончен. — И подтвердил свои слова осушенной до дна чаркой.

Иванов поднял свою рюмку:

— Я, Иванов Алексей Павлович, родился в Москве в 1910 году. Отец — генерал-лейтенант, мама — учительница немецкого языка. Окончил училище военных переводчиков. Служил в Главном разведуправлении. Но служба не пошла. Добился перевода в войска. Особой карьеры не сделал. Доклад закончен.

— А почему служба в ГРУ не пошла? — осторожно поинтересовался Петров.

— Готовился к работе за границей. Но за границу не пустили. Назначили в аналитический отдел. А там скука смертная.

— Значит, вы аналитик, — усмехнулся Петров. — Вот и я назначаю вас аналитиком за столом — следить, а налито ли у всех. Вон у Анны Кондратьевны рюмка пустая. Но это мой просчет... Анна Кондратьевна, что это вы так примолкли? Или сказать нечего?

— А что тут говорить? Ты считаешь, что карьера не удалась. А у меня удалась. Хорошая семья — это и есть женская карьера. За тебя, дорогой, и за нашего гостя. И чтобы вам никогда не казалось, что служба не задалась!

Петров обратился к дочери:

— Зан, а может, ты нам что-нибудь сыграешь?

— Пап, ты еще на стул меня поставь и попроси стишок прочитать.

Отец сурово свел брови, но обстановку разрядил Иванов. Он снял с ковра гитару и пробежался пальцами по струнам.

— Извините за голос — не Козловский, и тем более не Шаляпин. Но... Старинный русский романс неизвестного автора «Не надевай колец в дорогу...»

Когда умолк последний аккорд, Анна Кондратьевна зааплодировала:

— Bravo, bravo! Да вы просто Лемешев!

— Доча, порадуй гостя своей игрой, — стальным голосом, не предвещающим ничего хорошего, повторил свою просьбу Петров.

— Я порадую гостя, папочка! — Зана сделала шутовской книксен. — Я порадую его своей стрельбой. Он же военный человек, и ему будет очень приятно видеть Ворошиловского стрелка. Не так ли, Алексей Павлович?!

— Ну, конечно, приятно! — улыбнулся Иванов.

Зана вручила ему грампластинку и попросила встать у ковра.

— Держите ее над головой. Да, да... Именно так!

Все произошло так быстро, что никто из родителей не успел вмешаться. Девушка вынесла из своей комнаты духовое ружье и прицелилась в отверстие пластинки.

— Это моя любимая! — выкрикнула Анна Кондратьевна.

— У тебя все любимые...

И тут раздался выстрел! Свинцовая пулька пролетела точно сквозь дырочку в пластинке.

— Вот это да! — ахнул гость.

Но Анна Кондратьевна не оценила меткость дочери.

— Зана, весь ковер уже в твоих дырках! — простонала она.

— Зато в нем блохи не водятся!

— Господи, ну в кого ты такая оторва?!

— Как в кого? Конечно, в папу! Да, папочка? Ты же всю жизнь хотел мальчика?

— Хотел, — подтвердил отец. — И сейчас хочу, — выразительно глянул он на жену. — Но ты одна стоишь трех Гаврошей.

— Ты хотел сказать — гавриков.

— Я сказал то, что сказал — Гаврошей.

— Гаврош ни за грош!

— Ладно, иди к себе. Потом поговорим.

— Нет, ты же просил сыграть...

Зана откинула крышку фортепиано, присела за инструмент. Пальцы ее побежали по клавишам. Полонез Огинского... Светлая печаль и щемящая нежность, ручеек сладкой печали с перекатами нежной грусти. Это была мелодия здешнего края...

Умиротворенные божественной музыкой родители сразу простили все выходки любимого чада.

— А приходите к нам в клуб! — предложил Иванов. — У нас там старый орган сохранился.

— Ой, ей не до органа! — ответила за дочь Анна Кондратьевна. — Мы в этом году в минский университет поступаем. А у нас немецкий хромает.

— О, так я могу подтянуть, если надо.

— Надо, очень надо! Если она не поступит да в Минск не уедет, она же тут полкрепости разнесет!

— На какой факультет вы собираетесь поступать? — обратился Иванов к Зане по-немецки.

— На биологический, — тоже на немецком ответила она.

— Почему именно на биологический?

— Я люблю природу.

— Да она у вас молодчина! — хлопнул в ладоши Иванов. — Превосходно знает немецкий, даже говорит с берлинским произношением.

— Ну, уж и с берлинским! — усмехнулся польщенный отец.

— Но вы все-таки позанимайтесь с ней... — стояла на своем Анна Кондратьевна.

— С удовольствием! Зана, приходите завтра в полковой клуб. Заодно и на органе поиграете. Интересно бы полонез в органном регистре прозвучал. Никто, наверное, не пробовал.

— А хотите, я вас на мотоцикле прокачу? — неожиданно предложила девушка. — Ночной город покажу.

— Заночка, ну куда ты на ночь глядя?! — всплеснула руками Анна Кондратьевна.

— Ничего! Еще не поздно!

Иванов уселся в седло позади Заны, и девушка лихо рванула с места. «Иж» с двумя седоками проскочил главные — Северные — ворота крепости и понесся по Каштановой аллее в город.

В будни Брест засыпал рано. Улочки были скупо освещены фонарями. На одном из перекрестков Зана остановилась:

— Куда поедем? Налево — к вокзалу. Направо — к реке.

— Ну, давай к реке.

И тут Иванов едва не свалился с сиденья: в спину ему ударил булыжник, брошенный из подворотни, и он взвыл от боли.

— Едем домой! — всполошилась Зана. — Это я во всем виновата!

— При чем здесь вы? Кто ж знал, что здесь столько хулиганья развелось? Мотоцикл припустил к крепости. У Брестских ворот они расстались.

— Вам, наверное, очень больно, — вздохнула Зана. — Хорошо бы, врач посмотрел.

— Ерунда! До свадьбы все заживет.

— А когда свадьба? — улыбнулась девушка.

— Свадьба пока не предвидится. До завтра! Жду вас в клубе.

Несмотря на поздний час, в бывшей трапезной бывшего костела, а ныне в зрительном зале полкового клуба горел свет. Помощник политрука Манасян рисовал на листах ватмана портреты лучших бойцов полка. В стороне подсыхал портрет Сталина, написанный гуашью.

— Чего не спишь, Леон?

— Да не успеваю, товарищ комиссар, Ленинскую комнату к смотру оформить. А тут как назло и краски кончились, да и бумага тоже. Отпустите меня завтра в город за красками?

— Отпущу, конечно... Что-то у тебя Иосиф Виссарионович на армянина смахивает...

— Я ему нос уже два раза уменьшал, а он все равно большой, — пожал плечами Манасян. — Схожу завтра в грузинский полк, попрошу у них готовый рисунок...

Несмотря на поздний час, Иванов постучал в комнату особиста, который тоже жил в расположении полка. Капитан Соловьев встретил его в трусах и в майке.

— Не разбудил?

— Ну, если и разбудил, так ведь по делу же?

— По делу.

Соловьев накинул на себя шинель и присел на койку. Иванов устроился за рабочим столом, на котором громоздился мраморный письменный прибор в виде трех зубров, и приподнял крышечку чернильницы.

— Ваш предшественник подарил, — сказал Соловьев и тут же серьезно добавил: — Слушаю вас внимательно.

— Ехал сейчас по городу на мотоцикле, и на углу Мицкевича и Советской подвергся нападению. Кто-то из подворотни швырнул в спину булыжник. Номер дома запомнил.

— Ну, здесь такое случается. Вечером в одиночку в город лучше не ходить.

— Немецкая агентура работает?

— Не думаю... — Соловьев потянулся к подоконнику за папиросами. — В Бресте, да и в других городах Западной Белоруссии осталось немало агентов «двуйки» и «дефензивы». «Двуйка», или «офензива» — это второй отдел бывшего генштаба Войска Польского, ведал разведкой. А «дефензива» занималась контрразведкой, в Брест-Литовске у них располагался спецотдел — «экспозитура № 6» для ведения разведки против СССР. Вот

эти господа активно работают сегодня против нас, привлекая в первую очередь молодежь, «живые торпеды»...

— Вы сказали, «живые торпеды». Что это? Самоубийцы?

— «Живые торпеды» — это фанатики, которые для усиления польского военного флота предложили себя в качестве человекоуправляемых торпед. Ну, как японские камикадзе. Польша хотела заказать такие торпеды в Англии, но не успела. А добровольцы остались. Среди них немало и девушек. Кстати, предполагаю, что гибель Муравьева и Коптева — дело их рук.

— Как у вас тут все непросто, — повертел крышечку чернильницы Иванов. — А с виду такой тихий, мирный городок.

— Это вы правильно сказали — с виду. А копнешь глубже... Такое ползет! А что вы хотите? Чужой город. Чужие люди, озлобленные и тем, что проиграли немцам войну, и тем, что сюда пришла советская власть. Чего тут скрывать...

Иванов сделал неловкое движение и застонал от боли в спине.

— Покажите-ка вашу боевую рану, — потребовал Соловьев.

— Вы же не врач.

— Был когда-то фельдшером.

Иванов с трудом стянул гимнастерку, капитан осмотрел ушиб.

— Хорошо, что не по позвоночному столбу пришлось... Синячище огромный. Наверняка, подкожная гематома. Я вам сейчас йодовую сетку сделаю, рассосется.

Он достал из шкафчика пузырек с йодом и начертил на ушибленном месте косые клетки.

— Ну вот сразу стало легче! — усмехнулся Иванов, натягивая защитную рубаху.

— Кому легче, а кому не очень, — вздохнул особист. — Не знаю, говорить ли вам, но, наверное, надо сказать... Как-никак, а вы представитель нашей партии в полку. Как вам показался ваш командир, майор Петров?

— Замечательный человек, опытный специалист.

— Так-то оно так. Но есть одно обстоятельство, которое заставляет быть настороже. Обстоятельство, о котором он и сам не подозревает, но, тем не менее... Мы получили информацию, что сын майора от первого брака живет в Германии. Дело в том, что его первая жена в 1918 году выехала из Петрограда в Германию. Петров в это время воевал с белочехами в Поволжье, и сына практически не видел. Там, в Германии, он и вырос.

— Они переписывались?

— К счастью для Петрова — нет. И в анкетах он ничего не скрывал насчет первой жены.

— Так в чем проблема?

— Проблема в том, что сын вырос и стал офицером вермахта. И не просто вермахта, а полка специального назначения «Бранденбург».

— Отец знает об этом?

— Думаю, что нет. Но это не избавляет его от недоверия с нашей стороны. Надеюсь, наш разговор останется между нами?

— Разумеется! В любом случае, не стоило бы огорошивать Петрова такой информацией... Тем более что в сентябре он уходит в запас.

Соловьев открыл сейф, достал фотографию:

— Вот его сынок. Они даже внешне похожи. Лейтенант Петрофф.

Иванов взгляделся в снимок, и фотография стала оживать...

На том берегу Западного Буга в одном из фортов Брестской крепости, отошедшего польской стороне, располагался походный штаб полка «Бранденбург». В точно таком же сводчатом полуказемате покачивался в кресле-качалке майор с кривыми шрамами на щеках и попыхивал дымком из старинного прусского чубука. Перед ним сидел лейтенант с крутым светло-русый зачесом.

— Насколько мне известно, вы — русский?

— Так точно.

— Вот только не надо щелкать каблуками, Петрофф! Нам обоим предстоит опасная работа, и я хочу поговорить с вами по-человечески... Итак... Ответьте мне на вопрос: как же вы, русский, будете воевать против русских?

— Я не буду воевать против русских. Я буду воевать против большевиков, которые убили моего отца и поработили мой народ.

— Хорошо. Я вас понял. К черту лирику! Перейдем к делу.

Скорцени развернул на столе план Брестской крепости.

— Напоминаю еще раз: ваша группа должна проникнуть в город за неделю до дня «Х». В Бресте вам придется возглавить польское подполье как представителю лондонского правительства. Вы должны найти тех, на кого можно опереться и развернуть серию терактов. О наступлении дня «Х» вы получите специальный сигнал. В этот день вы и ваши люди переоденетесь в красноармейскую форму. Она приготовлена и хранится в одном из склепов гарнизонного кладбища. Там сейчас работает группа из Народного союза по эксгумации немецких солдат.

За три часа до начала боевых действий ваша группа должна просочиться в крепость и захватить электростанцию. Она находится вот здесь, правее Тереспольских ворот. После того как вы выведете ее из строя, вам необходимо захватить другой важный объект. Он позволит держать под огнем все перемещения русских в западной части цитадели. Полагаю, что сделать это будет нетрудно, так как объект этот всего-навсего — столовая

офицерского состава, бывшая плебания гарнизонного ксендза... Следующий объект — Брестские ворота, захватываете примыкающую к ним кухню солдатской столовой, и держитесь до подхода главных сил... Чему вы улыбаетесь?

— Это какой-то гастрономический штурм, господин майор: офицерская столовая, солдатская кухня... — ответил лейтенант Петрофф.

— Ценю ваш юмор. Но двор цитадели и Брестские ворота с первых же минут должны быть под вашим контролем.

— Яволь, господин майор! Сделаю все, что в моих силах, и даже более того!

— Зиг хайль! Удачи, лейтенант!

Тересполь... Главная улица этого городка, некогда брестского форштадта, переходила в шоссе, которое упиралось в водяной ров. Он отделял пограничный остров крепости от территории генерал-губернаторства. Когда-то здесь был мост, по которому «варшавка» пересекала пограничный остров, а потом, нырнув в Тереспольские ворота и сделав зигзаг мимо величественного здания арсенала, уходила через Брестские ворота цитадели к Северным, а оттуда в город. Крепость была построена сто лет назад специально для того, чтобы перекрыть кратчайший путь с запада на Минск, Смоленск, Москву. И она перекрывала его.

На третьем году срочной службы старший сержант Леон Манасян службу понял. Понял он ее еще раньше — даже младшим сержантом. А уж в последние четыре месяца перед увольнением в запас — тем более. Не такая уж она жесткая и безоговорочная, эта воинская служба. Можно служить и можно жить. Жить, конечно, не так, как живут салаги-первогодки, а с некоторыми удобствами и даже повышенной степенью свободы. Для этого нужно службу понять, то есть найти свои лазейки, зазоры, просветы между требованиями уставов и реальной жизнью. Например, положено красноармейцу или сержанту-срочнику ночевать только в казарме, а в других местах, кроме лагерной палатки или нар в теплушке, — не положено. Но тот, кто службу понял, может устроить себе индивидуальный ночлег вдали от общеказарменного храпа и надзорного ока дежурного по роте. Хотя бы в подсобке полкового клуба, где хранится всякий реквизит для концертов художественной самодеятельности. Именно там Манасян и оборудовал себе ночное ложе, прикрытое от постороннего глаза кумачовым транспарантом — «Учиться военному делу настоящим образом. В.И. Ленин». И никто ничего не заподозрит, потому что он лучше всех в полку рисует стенгазеты, боевые листки, поскольку обучался черчению на первых двух курсах Горного института, откуда его призвали в РККА. За отличную рабо-

ту бывший студент был произведен в младшие сержанты и вскоре стал правой рукой батальонного политрука. Но тут его перехватил комиссар стрелкового полка Муравьев, и Манасяна перевели, добавив на петлицы четвертый рубиновый треугольничек, помощником политрука. Теперь у него появилась возможность устроить себе отдельный ночлег, а главное почаще бывать в городе, выполняя самые разные поручения нового начальника — комиссара полка Муравьева.

Город и крепость — два немыслимо разных мира.

Крепость — 4-х-ярусные нары в казармах-казематах, стопки алюминиевых мисок в столовой, ряды орудий, выставленных в артпарках, расписанная по часам жизнь, полная грозных окриков и почти монашеских запретов.

Город — ярмарка всевозможных соблазнов и радостей жизни, пьянящая свобода, варшавский суп с профитролями.

Крепость — приземистая, суровая обитель, втянутые в землю форты, врата, капониры... Город — взметнувшиеся в небо колокольни, башни, купола, вокзальные шпили...

Два немыслимо разных мира, два разрозненных бытия под одним солнцем...

Старшина Манасян знал Брест, как родной Кафан. Он быстро приобрел в «Культтоварах» краски, кисти, бумагу, а затем, перейдя улицу, направился к цветочной лавке. Продавщица Ванда, заметив в широкое окно бравого старшину, поправила перед зеркалом волосы и подкрасила губы.

— Добрый день, Ванда-джан! — поздоровался он, оправляя на себе гимнастерку.

— День добрый!

— Вай, какие розы! Семь штук на счастье, пожалуйста!

— Прошу пана! — протянула ему букет девушка.

Но Манасян тут же вернул ей цветы:

— Это тебе, на счастье!

— Спасибо, Леон! Но я люблю простые цветы: сирень, жасмин, васильки, ромашки...

Маносян резко повернулся и выбежал из лавки. В дверях он столкнулся с высоким шатеном в модном пиджаке. Зачесанные назад волосы открывали высокий лоб, серые уверенные глаза.

— Ванда Павловская? — спросил шатен, озираясь, хотя в лавке никого больше не было.

— Да, я.

— Привет вам от отца, Казимира Павловского.

— Боже, вы были там — в «Бригидках»?

— Нет, в тюрьме я не был. Но у меня есть другие пути для связи с ним.

— Как он там?

— Пока терпимо. Но от большевиков всего можно ожидать. Надеюсь, вы поможете его освобождению?

— Конечно! Но кто вы?

— Адам. Просто Адам. Ко мне сегодня придут такие же патриоты Польши, как и вы. Я жду вас вечером после работы. Вот здесь мой адрес: улица Траугутта, 12. Впрочем, теперь это кажется, улица Клары Цеткин?

— Так. Я приду!

На выходе из лавки Адам снова столкнулся с Манасяном, прижимавшим к груди большой букет сирени.

— Вот, — выдохнул старшина. — Это то, что ты любишь!

— Спасибо, Леон! Как мило! — Ванда освободила одну из ваз и, поставив туда сирень, попросила: — Переставь, пожалуйста, этот вазон туда.

— О, да это же «Кровь Иисуса»! — вдруг воскликнул он.

— Скажите на милость, ты все на свете знаешь! Да, это цветок «Кровь Иисуса».

— Ванда-джан, я в сентябре заканчиваю службу и еду в Ереван. Поехали со мной. Тебе там очень понравится. А сколько у нас цветов в горах! И все они красивее роз.

— Не сомневаюсь. Но я не могу.

— Почему?

— Я католичка, отец меня не отпустит.

— У нас в Армении тоже есть католикос, всю армянскую церковь возглавляет.

— Леон, дорогой, так это не делается. Ты даже на танцы меня ни разу не пригласил, а зовешь замуж.

— Это моя самая большая ошибка в жизни! Приглашаю тебя на танцы! Завтра сможешь?

— Смогу. Но я буду с подругой, так что приходи с товарищем.

— Хорошо! Я все понял! — И Манасян церемонно поцеловал девушке ручку.

Иванов расхаживал по своей келье как заправский учитель. Зана старательно записывала в тетрадь окончания немецких глаголов.

— Глагол «шпиль» склоняется вот так... *ich spiele, du spielst, er spielt...*

— Я поняла! Если бы у нас в школе был такой учитель, как вы, мне бы не понадобились дополнительные уроки.

— Ну, тогда сегодня у меня бы не было такой способной ученицы.

— Спасибо! Я знаю, я очень неусидчивая...

Урок был прерван торопливым стуком в дверь. Манасян заглянул в комнату и тут же отпрянул:

— Виноват!

— Входи, Леон! Краски принес?

— Так точно. Тут еще одно дело есть... Очень серьезное.

Манасян многозначительно перевел взгляд на Зану, и Иванов сразу все понял.

— Ну, тогда до следующего урока, Сузанна Михайловна! В воскресенье в это же время.

— Данке шен, ауфвидерзеен! — разразилась целой тирадой на немецком Зана.

— Да, возьмите и передайте от меня маме этот цветок. — Иванов снял с подоконника «Кровь Иисуса». — Здесь он все равно засохнет, а у вас — расцветет.

Едва за девушкой закрылась дверь, Манасян торопливо и сбивчиво стал рассказывать:

— Товарищ комиссар, я получил приглашение на свидание... Просили прийти вдвоем с другом... И марка губной помады совпадает — «Сирена», я успел заметить... И цветок, который вы сейчас отдали, — тоже там продается! Это, наверняка, они!

— Не спеши! Давай все по порядку.

— Тут есть цветочная лавка на Советской. Там работает моя знакомая девушка. Ванда. Польшка. Она предложила мне сегодня прийти на танцы с приятелем. Там будет ее подруга. Потом они, может быть, нас куда-то пригласят. И все получится как с Муравьевым и Коптевым.

— Интересное кино... Пригласили, говоришь... С приятелем. Хорошо... Проверим. Я буду твоим приятелем. Не забудь взять с собой пистолет, на всякий случай, — задумчиво проговорил Иванов и сам переложил наган из кобуры в карман галифе.

По аллеям высоких старых кленов, лип, каштанов и грабовплыли плавные звуки духового оркестра. Едва ли не вся молодежь Бреста собралась вокруг просторной танцверанды.

Ванда в красивом вечернем платье первой заметила Леона и помахала ему платочком. Рядом с ней стояла подруга в нарядном синем платье с белым кружевным воротничком.

— Мой друг Алексей, — представил Иванова Манасян.

— Беата, — сделала книксен девушка в синем.

— Я плохо танцую! — предупредил Иванов, увлекая ее в кружение вальса. Но это была заведомая неправда. Иванов еще в военном институте блестяще освоил фокстроты, танго, падеграсы и полонезы.

— Вы тоже имеете дело с цветами? — спросил он свою партнершу.

— Нет. Я работаю на почте.

Иванов не заметил среди танцующих Зану. Она стояла у края танцплощадки и внимательно следила за каждым его движением, а когда увидела, что Иванов, Беата, Леон и Ванда двинулись в ресторан «У озера», даже в лице переменялась.

В ресторане былолюдно и весело. Однако свободный столик, едва ли не последний, все же нашелся. Ванда и Беата заливались русалочьим смехом от шуток Леона. Тот рассказывал армянские анекдоты. Потом принесли шампанское. Беата предложила Иванову выпить на брудершафт. Они осушили бокалы и трижды поцеловались, сплетя руки. Никто не заметил, как в ресторан вошла Зана и тут же выбежала.

Три аккордеонистки в длинных концертных платьях, таинственно мерцающих при свете ламп, виртуозно играли модный шлягер «Листья падают с клена».

*Дверь балкона забита,
Поле снегом покрыто,
И под сумрачным небом
Стоят дома...*

Прижимаясь в танце к Иванову, Беата томно шепнула:

— Может, продолжим знакомство дома?

— С удовольствием! Пойдем к тебе?

— Нет. У меня мама. Пойдем к Ванде.

— Она согласится?

— Конечно!

Все четверо с облегчением покинули шумный зал. Музыка на танцевранде давно отгремела, и народ почти разошелся. Редкие парочки брели по темным аллеям старинного парка.

Ванда свернула в один из боковых проходов, который привел их в заросли раkitника и сирени. И тут случилось то, к чему Иванов и Манасян внутренне были готовы: на них напали сзади. Напали с главным расчетом на внезапность, но старшина успел развернуться и встретить противника точным ударом в челюсть. Иванов присел и перекинул налетчика через себя. Девушки завизжали и разбежались. Бой был недолгим. Оба парня, завидев в руках своих несостоявшихся жертв пистолеты, мгновенно шмыгнули в кусты...

Капитан Соловьев с большим интересом выслушал ночных «гуляк» и заметил:

— Зря вы меня не предупредили.

— О чем? — удивился Иванов. — Ведь никаких фактов еще не было.

— Подозрения-то были.

— Подозрений тут на каждом шагу, а вот фактов-то никаких. Зато теперь они есть.

— За такие факты можно было и головой поплатиться.

— Ну, головы нам пока еще дороже фактов. Конечно, все это могло быть случайным совпадением, и девушки вовсе ни при чем.

— Мы обязательно проверим... Где эта лавочка цветочная находится?

— Вот здесь! — показал Манасян на карте города.

У дверей кабинета особиста топтался рассыльный красноармеец. Он поджидал Иванова, не решаясь заглянуть в комнату. Наконец дождался его:

— Товарищ комиссар, вас командир полка зовет!

Майор Петров, несмотря на воскресный день, был перетянут ремнями и в полном походном снаряжении.

— Сегодня ночью, — предупредил он, — будет внезапная проверка штабом армии. Оденьтесь соответственно и будьте начеку. Да... Сегодня опять прибыло пополнение. Из Средней Азии... Мы их пока в палатках разместили. А завтра надо будет срочно ими заняться.

Молодой человек, назвавшийся Ванде Адамом, решительно вошел в застекленные двери фотоателье «Рембрандт». В пустом съемочном павильоне пожилой фотограф устанавливал треногу с деревянной камерой. Он поднял голову, и незнакомец поздоровался с ним:

— День добрый, пан капитан!

— Вы меня с кем-то путаете. Я не капитан.

— Вы — поручик Заритовский. Точнее были поручиком. Приказ о присвоении вам чина капитана был подписан 10 сентября и, вполне возможно, не успел до вас дойти. Так что примите мои запоздалые поздравления. Шеф Комарович был очень доволен вашей работой.

— Простите, но я вас совершенно не знаю! — обескуражено развел руками фотограф.

— А это и не обязательно! Достаточно того, что я вас знаю. Впрочем, честь имею — Адам Крушевский. Мне надо поговорить с вами совершенно приватно.

Заритовский провел нежданного гостя в темную фотолабораторию и включил красный фонарь.

— Вы отдыхали почти полтора года. Пора за работу, — ослабив узел галстука, произнес Адам. — Надвигаются большие события, пан Заритовский. У вас, наверное, есть люди, на которых можно было бы опереться в борьбе с Советами? Прошу собрать их завтра на небольшую беседу. Ваше ателье — самое удобное место для этого.

Глухой полночью майоры Петров и Иванов ждали прибытия армейской комиссии. Сидели в кабинете командира полка и пили чай, как в вагоне поезда — из стаканов в подстаканниках.

— Давно собирался спросить вас, Алексей Павлович... — помешивая чай, заговорил Петров. — Вот вы в Разведупре служили. Наверное, больше всех нас осведомлены, что тут немцы на нашей границе затевают. Уж больно старательно войска сюда стягивают, каждую ночь слышно, как моторы у них гудят...

— Есть такое мнение, что Гитлер, помня Первую мировую, не решится вести войну на два фронта — с Англией и с нами...

— Помилуй бог! Как говорил Суворов, нет никаких двух фронтов! Ситуация никак не напоминает Первую мировую. Все совершенно другое! Если в четырнадцатом Германия реально оказалась между молотом и наковальней, между русским Восточным и франко-британским Западным фронтами, то сейчас этого нет. Нет никакого Западного фронта. То, что Германия ведет воздушную войну с Англией, напоминает вялотекущую шизофрению, а не фронтовые операции. Англичане сидят на своем острове, совершенно не помышляя о континентальной войне. Им бы немецкого вторжения не допустить.

— Но еще идут бои в Африке...

— В Африке — бои третьестепенного значения. Как говорится, семь лет мак не родил, а голода не было. Руки у Гитлера сейчас свободны как никогда, и потому ему сейчас в самый раз ударить. И ведь ударит, зараза!

— Вы думаете, в Москве этого не понимают?

— Я не знаю, что там понимают в Москве, но хорошо понимаю, что происходит здесь, в километре от нас — за Бугом. Гитлер готовит войска к первому броску.

— У нас в Разведупре тоже так считают. Но...

— Вот в этом «но» все и дело! А меня здесь паникером обзывают, грозятся на парткомиссии разобрать. Да я и там то же самое скажу!.. Ну, ладно! Пойдемте, посмотрим, как там наши орлы службу правят.

Они вышли в главный коридор казармы. Тускло горели плафоны дежурного освещения. Из каждого ротного помещения выскакивали дневальные, но Петров, приложив палец к губам, требовал тишины. На высоких

четырёхъярусных нарах спали одетые красноармейцы. Лишь сапоги, обернутые портянками, стояли на полу, да ремни висели на крючках.

— Они что, всегда так спят? — удивился Иванов.

— Нет. Это только перед внезапной проверкой. — Петров сделал ироничный акцент на слове «внезапной». — За счет этого мы выигрываем лишние минуты и перекрываем норматив на построение. Вон и ружейные комнаты заперты только для блезира, чтобы по тревоге не возиться с ключами.

Петров потрогал замок, висящий лишь на одной петле, открыл дверь: в ружейной комнате тесно стояли деревянные пирамиды, а в них тускло поблескивала хищная сталь винтовок, автоматов, ручных пулеметов.

— А как быть?! — тяжело вздохнул майор. — Тут все так делают. Начальству нужны красивые цифры и бодрые доклады: полк не только уложился в норматив, но и перекрыл его.

— Но ведь это подлинное очковтирательство!

— Чистой воды! Но совершенно невинное по сравнению с тем, что делается на тех же зачетных стрельбах или маневрах. Сколько раз бывало, когда один меткий стрелок отстреливает упражнение за все отделение или даже взвод. И все это знают. Всем надо подать наверх красивую отчетность... — Петров взял одну из винтовок, вынул затвор и заглянул в канал ствола. — Эх, Алексей Павлович! Главная наша беда, что своего начальства мы боимся больше, чем вероятного противника. К начальству — лицом, а к противнику — спиной. Мол, противник — вероятный, а начальство — реальное. Противник когда еще нападет, а начальство сегодня взгреет. И всегда-то оно было так. Даже при царе-батюшке...

Майор вернул винтовку в пирамиду и тихо зашагал мимо нар, вглядываясь в стриженные головы своих солдат. Казалось, он сдерживается, чтобы не погладить чей-нибудь затылок.

— О, смотрите, кажется, приехали! — выглянув в окно, воскликнул Иванов.

Во дворе цитадели против входа в казарму полка остановились три «эмки». Майор и комиссар бросились встречать начальство.

— Поднимайте полк! — распорядился невысокий генерал и засек время на часах. Тут же по всем казематам понеслось:

— Рота, подъем!.. Р-рота, подъем!!..

Солдаты горохом посыпались с нар, едва натянув сапоги, опрометью бросались в уже распахнутые ружейные комнаты, разбирали винтовки и с топотом выбегали во двор строиться. Через семь минут весь полк стоял в строю. Командарм взглянул на часы.

— Неплохо... Неплохо...

— Товарищ генерал, что в том толку, что мы за семь минут построились, — приложив руку к козырьку, заметил Петров. — Я все равно не успею вывести полк из крепости. Нужны вторые ворота и второй мост.

— Знаю. Я тебе что, по щучьему велению их сотворю?! Вот вернется инженерный полк с работ и все сделает. А пока объявляю благодарность всему личному составу. Спасибо, товарищи!

— Служим трудовому народу! — не совсем стройным хором прокричали бойцы.

Комиссия отправилась к палаткам, где жили прибывшие в пополнение азиаты. Дневальный заорал, будто укушенный гюрзой:

— Смир-р-р-на-а-а!

На его крик вышел лейтенант, командир роты приписных.

— Что мне с ними делать? — пожаловался он Петрову. — Они только две команды знают — «обед» да «отбой».

— Пачиму две! Я четыре команды знаю, — обиделся черноволосый боец.

— Представляться сначала надо! — недовольно посмотрел на него лейтенант. — Как зовут?

— Абдрахман.

— По фамилии!

— Кутабов.

— Ну и какие команды ты еще знаешь?

— «Вольно!» «Разойдись!»

— Молодец! Командиром отделения будешь!

Майор Петров невольно улыбнулся, подозвал ротного:

— Всех разбейте по группам. Первая группа — знающие русский язык. Вторая — знающие, но плохо. Третья — по-русски только смеются. С ними позанимается моя Анна Кондратьевна. Она у меня школьный учитель, правда по биологии, но это не принципиально... А к вам, Алексей Павлович, просьба от офицерского состава. Все знают, что вы из Москвы, и у всех много вопросов по международному положению. Общий сбор в клубе в 20-00.

Иванов поспешил в клуб. Едва поднялся к себе, как зазвонил полевой телефон.

— Слушаю. Иванов.

Голос Заны звенел обиженно и резко:

— Я больше не буду ходить на ваши уроки!

— Почему, Зана?

— А так... Не люблю немецкий. Язык фашистов!

— Ты не права, а Гете, а Маркс, а...

Но Зана бросила трубку. Иванов обескуражено повертел свою и швырнул ее на аппарат.

В фотоателье «Рембрандт» один за другим зашли Ванда, затем Беата с парнем. Адам встретил их и провел в мансардную комнату. Заритовский

принес поднос с кофейными чашечками. Адам расхаживал мимо кресел сидящих гостей:

— Скоро для большевиков в Бресте придет судный час. И тогда они ответят за все, что сделали с Польшей. И с твоим отцом, Ванда... Будем готовиться к этому часу... Как вас зовут, молодой человек? — обратился он к парню.

— Марек Порецкий. Я из группы «живых торпед».

— Замечательно! Вы храбрый человек. На таких, как вы, держится Польша, даже теперь, когда ее нет на географической карте. А ще Польша не сгинела!

Все встали и с большим воодушевлением запели гимн...

Провожая гостей, Адам предупредил всех:

— Адрес следующей встречи узнаете у Ванды. До видзенья, панове!

— Честь!

Ванда вышла, но тут же вернулась.

— Что-нибудь забыла? — спросил Адам.

— Мне некуда идти. Мне кажется, за мной следят. Я второй день не хожу в лавку, и вчера ночевала у Беаты. Но и там мне очень тревожно.

— Хорошо. Оставайся у меня. Здесь ты будешь в безопасности.

— Спасибо.

Они поднялись в мансарду. Адам разлил по рюмкам коньяк.

— Тебя просто колотит. Сними свой страх... Сто лят! Скажи, Ванда, когда ты видела отца последний раз?

— В начале июня. Нам дают одно свидание в три недели.

— Значит, скоро следующее?

— Да.

— Передай ему так, чтобы никто не услышал. Мы скоро будем освобождать тюрьму. Чтобы он не попал под раздачу, пусть намотает на левую руку любую белую тряпку.

— Спасибо, Адам! Вы очень добры к нам...

Адам обнял девушку и решительно притянул ее к себе. Ванда обвила руками его крепкую шею...

Потом они лежали на спине, уставившись в потолок. Адам рассматривал незамысловатую люстру с множеством хрустальных подвесок.

— Хм... Никогда не думал, что у меня здесь будет такая красивая помощница...

Ванда еще крепче прижалась к нему и прошептала:

— О чем ты думаешь, милый?

— О Тересполе, — усмехнулся Адам. — Милый городок. Он мне ужасно понравился. Когда все закончится, мы будем жить с тобой там.

— А как тебе удалось перейти границу?

— Смешно. Но сейчас об этом можно рассказать. Сюда из Тересполья отправили девять гробов для останков солдат Первой мировой. В один из них лег я...

— Господи, какой страх! И ты не побоялся?!

— Да, это было небольшое удовольствие...

Адам ясно припомнил сцену, которая произошла на пограничном переходе. Грузовик окружила досмотровая группа советских пограничников.

— Что у вас в кузове? — спросил лейтенант через переводчика.

— Гробы. Везем для погребения эксгумированных останков немецких солдат.

— Откройте крышки!

Открыли один, второй, третий... Наконец подошли к последнему гробу, где под грудой тряпья затаился Петрофф. Открыли.

— А это что?

— Здесь саваны, ленты, венки...

Петрофф перестал дышать.

— Хорошо. Закрывайте.

Взревел мотор грузовика, и Петрофф с облегчением выдохнул: «Пронесло!..»

Офицеры полка собрались в бывшей трапезной костела. Разглядывая своды храма, с которых еще не стерли лики святых, Иванов невесело подумал: «Ну и как тут вести атеистическую работу?!» Он поднялся на балкончик амвона, где стояла конторка докладчика, и начал читать лекцию:

— Товарищи офицеры, современная международная обстановка характеризуется тем, что в Европе идет Вторая мировая война, которая вступила в равновесную стадию. Враждебные силы пытаются втянуть в нее и СССР, но...

Вдруг из первого ряда поднялся майор Петров и сделал останавливающий жест:

— Алексей Павлович, в целом международная обстановка всем понятна. Но у многих есть конкретные вопросы. Если не возражаете, мы с них и начнем.

— Согласен!

Из зала посыпались вопросы.

— А почему мы с Англией и Францией союзнический договор не подписали, а подписали с Германией?

— Мы уже подписывали с ними договор в 1913 году, — ответил Иванов. — И что получили? Россию объявили проигравшей стороной и обошлись с ней весьма унижительно.

— Польша тоже подписывала с Гитлером договор о ненападении. И что получилось? Договор есть, а Польши нет. Может, и у нас так же выйдет? Покажет нам Гитлер свою «козью морду»?

— Польша подписала договор с Гитлером, когда еще в Европе не было Второй мировой войны. И в войне с Польшей фюрер получил только намек на Западный фронт. А сегодня Гитлер уже третий год воюет с Англией. И если он начнет войну еще и с нами, то это будет война на два фронта. Гитлер же, как здравомыслящий человек, на такое не пойдет.

— Ну, нашли здравомыслящего! Его же недаром называют бесноватым фюрером.

— Согласен. Но у него есть здравомыслящие генералы, которые хорошо помнят завет Бисмарка, что война на два фронта для Германии губительна. Да и сам фюрер не раз зарекался от войны на два фронта. Поэтому пока он воюет с Британией, на нас он не нападет. Победит Англию, будем считать, что для нас наступил угрожаемый период.

— Тогда зачем немцы стянули столько войск к нашим границам?

— Официальная версия: Гитлер якобы выводит свои войска из зоны действия британской авиации. Неофициальная версия: Германия стягивает ударный кулак для массированного удара сразу же, как только Лондон капитулирует.

— Товарищ комиссар, а вы не могли бы высказать свое личное мнение? Мы все читали заявление ТАСС о провокационных слухах, как говорится, одобряем его. Но все же зачем Рудольф Гесс полетел в Англию? Чтобы договориться о секретном мире? Тогда где же мир? Не договорился?

— Мое личное мнение, подчеркиваю — личное: Гесс прилетел к Черчиллю, чтобы развязать Гитлеру руки на континенте, договориться о том, что Британия не будет воевать в Европе, пока Гитлер не завоюет, как ему кажется, СССР. Он просит фору, как минимум, на полгода. И Британия весьма заинтересована в такой согласии — если Германия нападет на СССР, она получит жизненно важную передышку.

— А если они там обо всем договорились, война ведь может начаться и без разгрома Англии?

— Может.

— Так, значит, они могут и завтра напасть?

— Давайте не будем гадать на кофейной гуще, — прервал дискуссию Петров. — Ясно, что мы должны быть готовы к войне в любой момент, в любой день. Не так ли, товарищ комиссар?

— Точно так!

— Тогда лекция объявляется закрытой. Все свободны в виду субботнего времени.

Перед отъездом из Бреста Анна Кондратьевна с Заной уговорили главу семейства сделать общее фото на память. Втроем они пришли в фотоателье «Рембрандт», где их встретил подменявший на время хозяина Адам, он же лейтенант полка специального назначения «Бранденбург» Михель Петрофф. Живописно расположив клиентов на фоне полотна со старинным замком, фотограф выкатил павильонную камеру, накрылся черным покрывалом и стал наводить на резкость по матовому стеклу. Зана сидела в кресле, а родители стояли за ее спиной, положив ей руки на плечи.

— Чуть выше голову, товарищ майор! Попрошу даму стать ближе, еще ближе... Вот так! — руководил Адам из-под черного покрывала. Наконец он вставил кассету с пластинкой, и еще раз осмотрел семейную группу. — Замечательно! Смотрим на меня, чуть улыбаясь... Так... Снимаю!

Разумеется, фотограф ни сном ни духом не ведал, что снимает родного отца и сводную сестру. Но это было именно так. И только Анна Кондратьевна, когда они вышли из ателье, заметила:

— Послушай, этот фотограф очень похож на тебя в молодости.

— А ты меня в молодости-то и не видела, — усмехнулся Петров.

— Как это не видела?! Мы познакомились, когда тебе было двадцать шесть лет. И этому парню, наверное, столько же.

— Знаешь, сколько твоих и моих двойников бродят по белу свету?

— Но не до такой же степени они похожи. У него даже родинка на правом виске как у тебя.

— Ладно, не морочь мне голову! Я вот проводить вас не смогу. Давайте здесь попрощаемся!

Петров подозвал извозчика, в коляску положили чемоданчик и саквояж. Анна Кондратьевна тяжело вздохнула:

— Господи, теперь тебе и за нас ответ держать придется. Скажут, семью отправил подальше от границы — паникер. Я ведь знаю, что было указание не отправлять семьи на восток.

— Семь бед, один ответ! У меня алиби есть — отправил дочь в Минск для сдачи экзаменов в университет. А ты поехала, чтобы ей помогать. Прорвемся! Пишите мне каждый день и звоните по возможности. Давайте, все будет хорошо!

Анна Кондратьевна всплакнула, Зана обняла отца.

— Сдашь экзамен, поезжайте к бабушке в Новочеркасск. Отдохнешь немного.

— Хорошо, папочка. Не скучай без нас.

— Где уж тут скучать? Проводить и то не дают. С пополнением столько возни... Таких аксакалов прислали... Эх!

Майор вернулся в крепость и, сразу направившись в клуб, поднялся на хоры в комнату Иванова.

— Зря ты так разоткровенничался, — урезонивал он комиссара. — Кто-нибудь обязательно на тебя стукнет, мол, твое личное мнение идет вразрез с политикой партии и правительства. Вон на меня уже сколько писали. Мол, поддерживает панические настроения и все такое прочее. В понедельник будут на дивизионной парткомиссии разбирать. А я тут еще масла в огонь подлил, семью в Минск отправил.

— Зану? Анну Кондратьевну?!

— Ну да. Зачем же я их буду делать заложницами нашей миролюбивой политики? Мое дело — воевать. Их дело — выживать и жизнь давать другим... У тебя выпить есть?

— Боюсь, что нет, разве что от Муравьева полбутылки осталось. Коньяк вроде...

— Наливай! Заодно и его помянем. Жаль Муравьева... Мне с комиссарами как-то везло. Вот и с тобой повезло. Вижу, нормальный человек, не шкуродер, не выжига, хоть и генеральский сынок. Не обижайся. Это я так сначала думал... Жаль, что послужить вместе не удастся. Снимут меня, Палыч, снимут, как бог свят!

— Вот это и называется паническое настроение! — Иванов еще раз наполнил рюмки. — Не снимут. У меня кое-какие связи в Москве остались.

— Спасибо на добром слове... Давай! За мир во всем мире! Но никакие связи в моем деле не помогут. Тут такое открылось... Врагу не пожелаешь... Сообщили мне в 3-м отделе, что мой сын от первого брака в Германии обнаружился и даже в вермахте служит. Офицером. Я его и в глаза не видел. Первая жена еще в утробе увезла его из Питера к сестре во Франкфурт. Она наполовину немкой была. А я в это время шашкой на фронтах махал... От голода увезла. И с концами... А теперь вот сынок объявился. Фамилию мою носит... Что я Анне Кондратьевне скажу, Зане?

— Они умные женщины, все поймут. Время такое было...

— Они-то поймут. А сколько вокруг таких, которые на этом факте чины себе сделают, ордена выбьют: нашли, уличили, разоблачили... Эх, политики, крапивное семя!... Пойдем на вышку, глянем на супостата... Ты сегодня про Гесса красиво обосновал... В любой день могут ударить, сволочи...

Оба спустились с хоров в клуб, где шла репетиция художественной самодеятельности. Немолодой старшина-хохол перебирал гитарные струны:

*А кони воду с Буга пьют,
И у реки не видно дна.
И пушки снова бьют и бьют,
Идет война, идет война...*

— Смотри, Житенко, — окликнул певца Петров, — накличешь еще!..
Давай что-нибудь повеселей!

Они поднялись на смотровую площадку, устроенную на крыше высокой Тереспольской башни. Майор достал бинокль, Иванов сделал то же самое, оба направили оптику в сторону границы. С той, немецкой стороны, их тоже рассматривали в биноккулярные трубы. Оптические взгляды уперлись друг в друга. Петрову подумалось, что его сын, быть может, сейчас тоже разглядывает их. Но сын находился в Бресте...

В темноте фотолаборатории «Рембрандт» Адам при красном свете проявлял пластинку, сделанную утром. На ней проступали контуры семьи майора Петрова: он сам, Анна Кондратьевна и Зана. Едва не засветив пластинку, в лабораторию неожиданно заглянула Ванда:

— Адам, я должна сбежать к себе домой. На пять минут. Заберу свои вещи и тут же обратно.

— Прошу, не делай этого!

— Я только кое-что из белья заберу, косметику...

— Мы купим все новое!

— Там и альбом остался наш, семейный... Мама, бабушка, отец, я маленькая...

— Альбом никуда не денется. Заберем его через несколько дней.

Ванда обняла Адама и выбежала из ателье. Оглядевшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, она вошла в свой подъезд, быстро поднялась на второй этаж, отперла дверь квартиры. Бегло осмотрела комнату — все в порядке. Открыла сумку и стала складывать туда нижнее белье, косметику...

— Зубную щетку не забудьте! — раздался вдруг за спиной незнакомый мужской голос.

Ванда обернулась: в прихожей стоял офицер, а за ним еще кто-то, кого она не смогла разглядеть. Девушка тут же все поняла, вскрикнула и рухнула на тахту. Перенапряженные нервы не выдержали, и она зарыдала...

Следственная тюрьма для особо опасных и политических преступников находилась на территории Северного острова крепости в зданиях бывшего женского монастыря святой Бригидты и называлась попросту «Бригидтки». Именно сюда доставили Ванду на первый допрос.

Первым делом следователь показал ей фотографии Муравьева и Коптева.

— Вам знакомы эти лица?

— Первый раз вижу.

— А этот человек вам знаком? — Следователь положил перед ней фотографию офицера в польской форме.

— Это мой отец!

— Вы знаете, что он находится здесь? От честности ваших показаний будет зависеть не только ваша, но и его судьба.

— Что вы от меня хотите?

— Чтобы вы назвали ваших сообщников.

— У меня нет никаких сообщников! Я ни в чем не замешана!

— Вы думаете, я ожидал услышать от вас нечто иное? Считайте, что эти слова уже записаны в протокол. Может быть, вас уже отпустить? Под честное слово? Почему вы молчите?

— Потому что вы надо мной издеваетесь.

— Ну, это еще не известно, кто над кем издевается... Итак, вас видели в ресторане с двумя нашими командирами. Куда вы потом пошли?

— Мальчики провожали нас домой.

— Мальчики! Но ваш дом находится совсем в другом месте... А потом на вас напали. Вы знали нападавших?

— Нет.

— А если подумать?

— Там было темно.

— Но ведь именно вы повели их в ту сторону.

— Я не знала этой дороги. Я ничего не знаю! Я выпила много шампанского. Я ничего не помню!

— Ну что ж, у вас будет время подумать и вспомнить. Посидите, голубушка, в камере, соберитесь с мыслями — на трезвую голову... Увести!

Брестский вокзал всегда поражал проезжающих пассажиров своим вычурным архитектурным великолепием.

Анна Кондратьевна и Зана рассовывали по полкам вещи.

— Просьба провожающих покинуть вагон! Отправляемся! — заглянула в купе проводница.

Зана поднялась с места и пошла на выход.

— Зана, ты куда? — воскликнула Анна Кондратьевна.

— А я — провожающая. Я тебя провожала.

— Как провожающая?! Вот твой билет!

— Оставь его себе. Я выхожу!

— Но папа строго-настрого приказал нам ехать!

— Папа может приказывать своим солдатам. А я ему не солдат.

— Зана, погоди! Зана!.. О, господи!

Паровоз дал прощальный гудок, и лоснящийся стальной локоть сдвинул с места огромные колеса... Поезд медленно тронулся.

Анна Кондратьевна, оттолкнув проводницу, закрывавшую дверь, успела выскочить на перрон.

— Ненормальная! — крикнула та и выбросила на перрон чемодан ненормальной пассажирки.

— Ну, пошли домой! — тяжело вздохнула Анна Кондратьевна.

— Мамочка, какая же ты прелесть! — обняла ее строптивая дочь.

Тем временем по комнатам фотоателье «Рембрандт» метался встревоженный Адам. Он тормозил вернувшегося хозяина.

— Где Ванда? Куда она могла деться? Ее нет уже два часа!

— Может, она пошла в свою лавку? — пожимал плечами Заритовский.

— Что ей там делать?! Она сама говорила, что за лавкой установили слежку. Она собиралась домой, но, не дай бог, если она это сделала... Вы были на почте?

— Да, пришла бандероль на мое имя.

— Давайте!

Адам вскрыл бандероль и извлек из нее пластинку.

— «Гольфстрим», — прочитал он на этикетке. — Фокстрот... Ну, вот и пришел заветный день...

Под нервные рулады новомодного фокстрота он переоделся в форму советского командира, натянул гимнастерку с петлицами старшего лейтенанта, поправил перед зеркалом пилотку.

— Ну, как, похож?

— Матка Боска Ченстоховска! — перекрестился Заритовский.

В эту субботу, последний мирный день, одна из рот полка майора Петрова заступала в суточный наряд. На правом фланге выстроились караулы, а затем дежурный по парку, дежурный фельдшер, дежурный по КПП, дежурный по штабу полка, дежурные по ротам, посыльные, дежурный по столовой, пожарный наряд, дежурное подразделение и дежурный сигналист-барабанщик...

Командир и комиссар наблюдали за разводом караула.

Дежурный по полку скомандовал:

— Наряд направо! На ремень!

Под бой малого ротного барабана колонна двинулась мимо командира полка, взявшего под козырек.

Полковой оркестр грянул марш: «Мы — красная кавалерия, и про нас...»

Чеканя шаг расходились по своим местам караулы, наряды, дневальные... Знали ли они, что это их последний развод?

Ничего они не знали...

Гремел лихой конармейский марш:

*... Про то, как в ночи ясные,
Про то, как в дни ненастные
Мы гордо и смело
В бой идем!
Идем!*

Звуки марша перелетали через близкую границу и слышны были в Тереспеле, где с железнодорожных платформ уже сползали гусеницы сверхтяжелых артиллерийских мортир, названных в честь древнегерманских богов «Тор» и «Один».

Майор Скорцени ехал на своем любимом мотоцикле. Он не признавал легковых машин. Солдаты посыпали улицу, ведущую к Пограничному острову, песком.

— Зачем вы это делаете?— притормозил он рядом с саперным офицером.

— Звукомаскировка. Чтобы подковы солдатских сапог не брякали о камне мостовой. Тут все так слышно!

Скорцени прислушался и услышал звуки марша, который ветер приносил из-за Буга.

— Поразительная безмятежность!

Он дал газ и вскоре выехал на холм, густо заросший травой и мелким кустарником. Навстречу ему — почти из-под земли — вышли два автоматчика. Они узнали командира и приняли стойку.

— Ну, что ж, пора зажигать свечи на рождественском торте, — распорядился Скорцени.

И тут же на самой вершине холма запылала рига, крытая речным камышом. Пламя поднялось высоко в вечернее небо. С сопредельной советской стороны тоже вспыхнул огонь — там загорелась брошенная хибара. Скорцени развернул мотоцикл и помчался в город...

Из крепости по-прежнему доносились мирные звуки. По всему Центральному острову, охваченному кольцевыми казармами, крутили фильмы. Красноармейцы сидели перед натянутыми простынями и упивались сценами гражданской жизни, хохотали над комедийными выходками или же кричали «механика на мыло», если рвалась лента.

— Муля, не нервируй меня! — несло с экрана. Эта реплика очень понравилась зрителям, они повторяли ее друг другу и хохотали.

Иванов тоже сидел среди своих бойцов и тоже хохотал... □

Окончание следует.

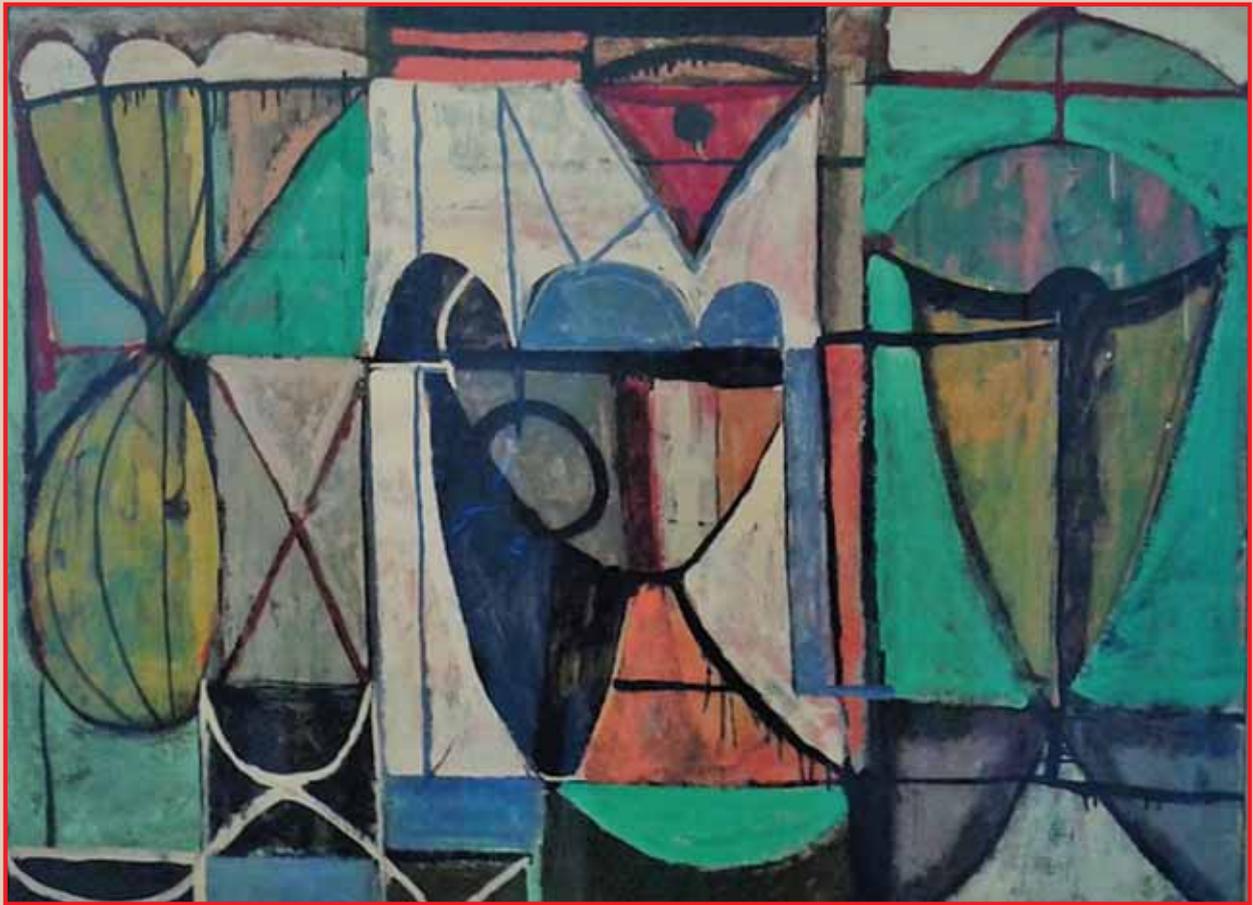
Ирина Опимах

Пегги Гуггенхайм

СОБИРАТЕЛЬНИЦА КАРТИН И МУЖЧИН

Эта женщина не написала ни одной картины, но ее вклад в современное искусство невозможно переоценить. Без нее, без ее поддержки не состоялись бы судьбы очень многих кумиров прошлого столетия, и только благодаря ей Венеция сегодня может похвастаться самым лучшим собранием живописи XX века.

Ее звали Пегги Гуггенхайм. Она родилась в 1898 году, в очень известном нью-йоркском семействе. В начале XX века в Нью-Йорке все знали Гуггенхаймов — во-первых, они были невероятно богаты, а во-вторых, занимались не только зарабатыванием денег (что у них получалось блестяще), но и покровительствовали искусствам. Так, один из дядюшек Пегги (а их у нее было 7!), золотопромышленник и владелец угольных шахт Соломон многие годы коллекционировал живопись, и именно он создал в 1937 году известный ныне во всем мире музей, который так и называется — Музей Соломона Гуггенхайма.

Отец Пегги был не столь богат, как его братец, однако и он далеко не бедствовал. Да и женился он на весьма не бедной девушке — звали ее Флоретт, а была она родом из семейства Селигманов. Во время Гражданской войны Селигманы шили обмундирование для армии федералов, а потом дед Пегги стал известным банкиром.

По-видимому, Бенджамин Гуггенхайм был не очень привязан к своей жене, иначе как объяснить, что в 1911 году он вдруг отправился в Париж — якобы начинать новый бизнес. И действительно, он организовал компанию, которая строила лифты для Эйфелевой башни. Вес-

ной 1912-го, прожив во французской столице восемь месяцев, он решил все-таки вернуться домой. И вот как порой случайность определяет судьбы людей: поначалу Гуггенхайм забронировал билеты на одно судно, но плавание отменили из-за забастовки кочегаров, и тогда он приобрел билет на лайнер «Титаник», о котором тогда все только и говорили. Красивый, роскошный, самый быстрый и самый надежный... После кораблекрушения, вошедшего в историю, из 2800 пассажиров «Титаника» спаслись лишь 800. Среди этих счастливиц Гуггенхайма не было. (Говорили, что он уступил место в шлюпке своей любовнице.)

Для юной Пегги — ей было тогда всего 13 лет — смерть отца стала

страшным ударом. Поначалу ей помогла религия, однако боль утраты, уход отца, столь трагический, столь неожиданный, оставили в ее сердце глубокий, неизгладимый след.

Во время учебы в школе — а это была, конечно же, лучшая в Нью-Йорке женская еврейская школа Джекоби — Пегги много болела, занималась сама, чтобы не отстать от одноклассниц, и много читала. Причем читала она не любовные сентиментальные романы, которые обожают девушки в таком возрасте, а серьезные книги — Ибсена и Харди, Тургенева и Чехова, Толстого и Стринберга, Уайльда и Шоу.

Летом 1919 года она стала уже достаточно взрослой, чтобы вступить

в наследство. Обретя независимость, Пегги тут же отправилась в путешествие по Америке — Чикаго, Ниагарский водопад, Йеллоустон, Скалистые горы, Гранд-Каньон... Она узнавала свою страну, и ей эта страна нравилась.

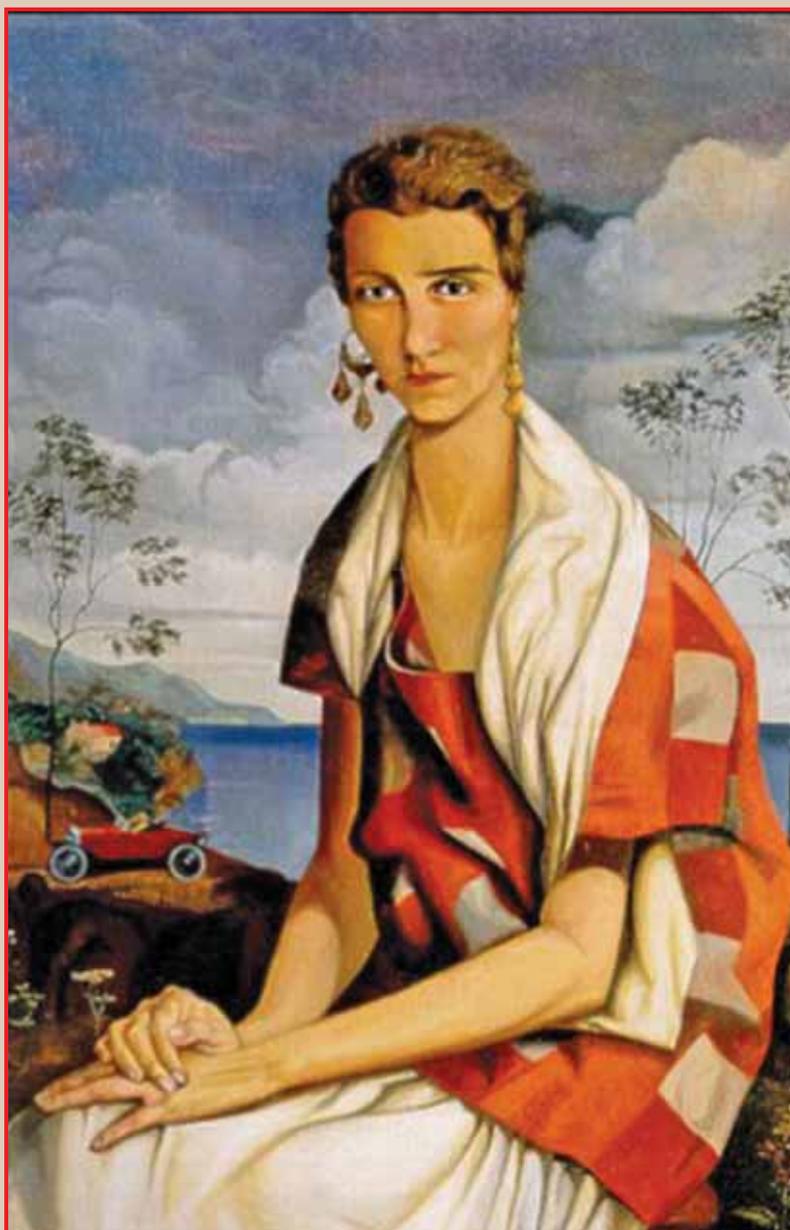
А потом Пегги решила, что должна работать, и устроилась в книжный магазин своего кузена Гарольда Леба. Она была кассиршей, продавщицей, выписывала чеки. Все это было довольно скучно, а ей даже не платили зарплату, зато снижали цену на все книги, которые ей хотелось купить, и Пегги читала запоем лучших писателей того времени. А еще в этот магазинчик, славившийся атмосферой свободомыслия, заходили всякие знаменитости, к примеру, уже известный Скотт Фитцджеральд и выдающийся фотограф Альфред Стиглиц, владелец знаменитой нью-йоркской галереи, где Пегги впервые увидела картины Сезанна, Пикассо и Матисса, а также будущей жены Стиглица, талантливой американской

художницы Джорджии О'Киф. Там же, в магазине, Пегги встретила молодого писателя Лоуренса Вейла, который позже стал ее мужем.

А потом она отправилась в Париж. Париж, центр мировой культуры, город, в котором рождались все течения искусства XX века... Богатой и хорошенькой (ее портил только довольно большой нос, но все, кто любил Пегги, утверждали, что он придает ей особый шарм), к тому же совсем неглупой были рады во всех кругах парижского бомонда. Ее друзьями становились ярые ниспровергатели всех норм — и морали, и традиций. В Париже Пегги провела почти 22 года — иногда уезжая, но всегда возвращаясь. Она всей душой полюбила искусство. Ради того, чтобы увидеть и завладеть новой картиной художника, который ей нравился, была готова ехать в любое место, даже самое далекое и труднодоступное.

Там же, в Париже, Пегги вышла замуж за Лоуренса Вейла. У них ро-

*Альфред Курме.
«Портрет
Пегги Гуггенхайм»*

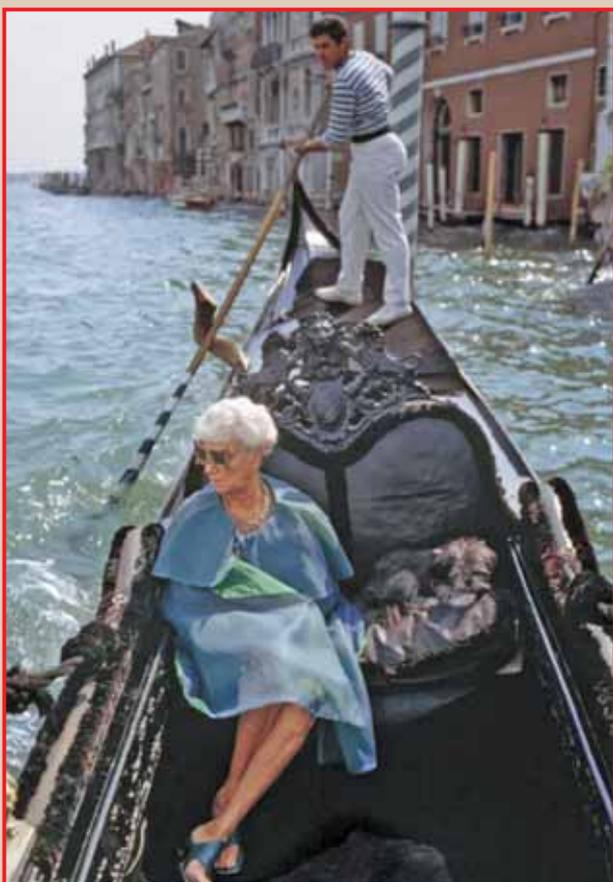
дились сын Синбад и дочь Педжин. Вскоре вокруг молодых супругов сформировался кружок самых экстравагантных, самых дерзких художников и писателей, среди которых были писательница Джуна Барнс, скульпторы Константин Бранкузи и Марсель Дюшан.

А потом Пегги бросила Вейла — в 1928 году она страстно влюбилась в другого писателя, интеллектуала и героя войны Джона Холм-

са. Правда, и этот брак долго не продлился — Холмс был настоящим истериком, пил, бывал очень груб с Пегги. Так, она вспоминает в своей автобиографии, как он заставлял ее за какие-то прегрешения стоять обнаженной перед открытым окном — и это в декабре! Нужно заметить, что и Вейл отличался этакой «театральностью» — когда она объявила ему, что уходит к Холмсу, он облил ее волосы джемом. Вот такие

пылкие темпераменты были у ее мужей!

В 1936 году любители живописи с восторгом говорили о выставке нового сюрреалистического искусства в Берлингтонской галерее — правда, пресса сделала вид, что не заметила ее, зато посмотрел эти невероятные картины, наверное, весь Париж. И тогда подруга Пегги, тоже Пегги, Уолдхайм сказала ей: «Знаешь, ты должна делать что-то серьезное в жизни — к примеру, основать картинную галерею и литературное агентство, помогать молодым художникам или писателям, делать что-то такое, что позволит тебе развиваться и совершенствоваться». Слова подруги были сказа-

ны в правильное время и правильному человеку. Пегги уже давно думала о собственной галерее. Собирая картины и живя в Париже, а еще имея деньги, невозможно не мечтать об этом. И Пегги решила, что в ее галерее будут выставляться ее любимцы, несомненно, одаренные, но еще никем не признанные. Благодаря своему первому мужу она уже была знакома со многими молодыми талантливыми художниками, и Пегги решила — пусть ее дядя Соломон собирает старых мастеров, она же будет собирать творения современных, сегодняшних. С помощью своих друзей Хамфри Дженнингса и Марселя Дюшана она выбрала замечательное место — Лондон, дом номер 30 на Корк-стрит. Между делом друзья Пегги давали ей уроки — к примеру, учили отличать сюрреализм от абстракционизма. Особенно в этом ей помог Сэмюэль Беккет, который в то время жил в Париже и работал у Джеймса Джойса секретарем. Они встретились в 1939 году на обеде, который давал Джойс. И именно Беккет окончательно убедил Пегги забыть о старых мастерах и сконцентрироваться на современном искусстве.

А потом Дюшан познакомил Пегги с Жаном Кокто. И вот, 24 января 1938 года в Лондоне открылась первая галерея Пегги, названная галереей Гуггенхайм-младшей. На ней были представлены 30 рисунков Кокто. Позже тут впервые были показаны работы Кандинского, Генри

Мура, Ганса Арпа, Бранкузи, Колдера и Певзнера.

Пегги покупала работы своих любимых художников, не думая о цене, правда, в те годы они стоили немного, их слава — и высокие цены на

аукционах — еще были впереди. Так, в ее коллекции появились работы Дали, Брака, Пикассо, Мондриана, Леже, Миро, Макса Эрнста.

Мир жил в предчувствии страшной войны, а все мысли Пегги были

Наверху:

Пегги Гуггенхайм с картинами Джексона Поллока, Венеция

заняты только галереей, картинами и ее художниками. Однако война все-таки вмешалась в ее жизнь. В июле 1941 года она бежала из оккупированной Франции в свой любимый Нью-Йорк, а сопровождал ее известный сюрреалист Макс Эрнст. (Потом он стал ее мужем — но ненадолго, на два года.)

В Нью-Йорке она времени зря не теряла, и уже в октябре 1942 года на Манхэттене открылась ее вторая галерея — под громким названием «Искусство этого века». Пришедшие на вернисаж могли увидеть сокровища Пегги — картины и скульптуры, созданные кубистами, абстракционистами и сюрреалистами. На открытии на Пегги были удивительные серьги — одна, сделанная Кольдером, а другая — Ивом Танги. Так Пегги демонстрировала свою приверженность любимым течениям в искусстве.

А потом на долгие годы ее любимчиком стал Джексон Поллок. Только благодаря ей (ну и, конечно, Ли Краснер, жене художника) Поллок стал тем Поллоком, который сегодня продается на аукционах за сумасшедшие суммы. Поговаривали, что Поллок и Пегги были любовниками, но, скорее всего, это не так — уж слишком художник много пил. Однако Пегги верила в него и даже предоставила ему ежемесячную стипендию и продавала его работы.

Она показывала свою коллекцию во Флоренции и Милане, Амстердаме, Цюрихе и Брюсселе. Статус ее собрания с каждым годом становился все выше и выше. Она стала авторитетом в мире искусства.

После войны Пегги открыла для себя Италию. Особенно ей нравилась Венеция. В 1948 году ее коллекция была показана на Венецианской биеннале. Венеция так вошла

в душу Пегги, что в 1949 году она даже купила палаццо на Гранд-Канале, а в саду перед домом устроила выставку скульптур. В 1951 году, собрав все свои сокровища в Венеции, она позволила публике посещать галерею в летние месяцы. Ей было хорошо в этом удивительном городе, пропитанном искусством. Она купила себе гондолу и плавала в ней в сопровождении свиты, одетой в бирюзовые одежды. Еще 30 лет Пегги покупала картины для своего собрания, а потом подарила и палаццо, и коллекцию картин Фонду Соломона Гуггенхайма.

Ей удалось-таки создать свою галерею, а вот семью — нет. Детям своим она уделяла гораздо меньше времени, чем картинам и подопечным живописцам, да и волновали и беспокоили они ее гораздо меньше. А сын и дочь изо всех сил старались завоевать ее любовь. И даже оба попробовали стать худож-

никами. Однако таланта у них не оказалось, и только алкоголь помогал переживать детские и взрослые комплексы...

Перед смертью Пегги написала удивительно откровенную автобиографию, которая была переведена на многие языки. Называется эта книга «На пике века». В ней живут ее любимые герои, творцы культуры XX века, для которых она стала всем — и моральной поддержкой, и, что не менее важно, финансовой.

Пегги Гуггенхайм умерла 23 декабря 1979 года. Ее прах похоронен в саду ее венецианского дома, рядом похоронены ее 14 любимых собачек.

Сегодня каждый год эту галерею посещают около 400 000 любителей искусства. Здесь они могут увидеть произведения таких ярких мастеров XX века, как Марсель Дюшан, Рене Магритт, Пит Мондриан и Джексон Поллок. Дело Пегги Гуггенхайм продолжает жить, о ней помнят. □

Музей Пегги Гуггенхайм в Венеции

К Анастасия Королькова

Молодая актриса Анастасия Королькова достойно продолжает известную актерскую династию. Окончила она Щепкинское театральное училище, где училась на курсе Юрия Соломина. Служила в театре им. Вахтангова, а сейчас много снимается в кино. Зрители знают ее по фильмам: «Победитель», «Хозяйка моей судьбы», «72 часа», «Лорд. Пес-полицейский», «Выжить после-2», «Верность», «Оптимисты», «Склифософский» и другим.

**«Все мое существо
рвется на сцену...»**

— Анастасия, что нового сегодня происходит в вашей творческой жизни?

— У меня появилась вторая профессия. Мне посчастливилось оказаться на

съемочной площадке в совершенно неожиданной роли — в качестве второго режиссера, и это хороший опыт для меня, актрисы. Сегодня я вижу творческий процесс изнутри и участвую в нем. Раньше я никогда не задумывалась, что означает фраза: «меняем объектив», а сейчас в этом разбираюсь, и многое понимаю, например, как нужно существовать актеру при разных крупностях, в различных условиях тайминга и других специфичных для кинопроизводства процессах. Я работаю как второй режиссер в группе киностудии «Solofilm» — они снимали картины: «Брестская крепость», «Батальон», «Чкалов», «Захват», «Без права на ошибку», «Каникулы строгого режима», но как актриса я с ними не пересекаюсь — это мое правило.

Основные направления деятельности «Solofilm» — производство полнометражных фильмов и сериалов, киностудия специализируется на производстве военных и исторических проектов.

— Когда вы впервые вышли на съемочную площадку ?

— В девять лет вместе с актером Геннадием Корольковым снялась в приключенческом фильме «Ночь на кордоне». Дедушку пригласил сниматься режиссер Василий Степанович Панин, в фильме играли актеры Раиса Рязанова и Василий Лановой, и на площадке я была героиней Раисы Рязановой — в юном возрасте.

Перед каждой сценой дедушка говорил со мной, объяснял, каким должен быть образ, поэтому я была абсолютно подготовленной.

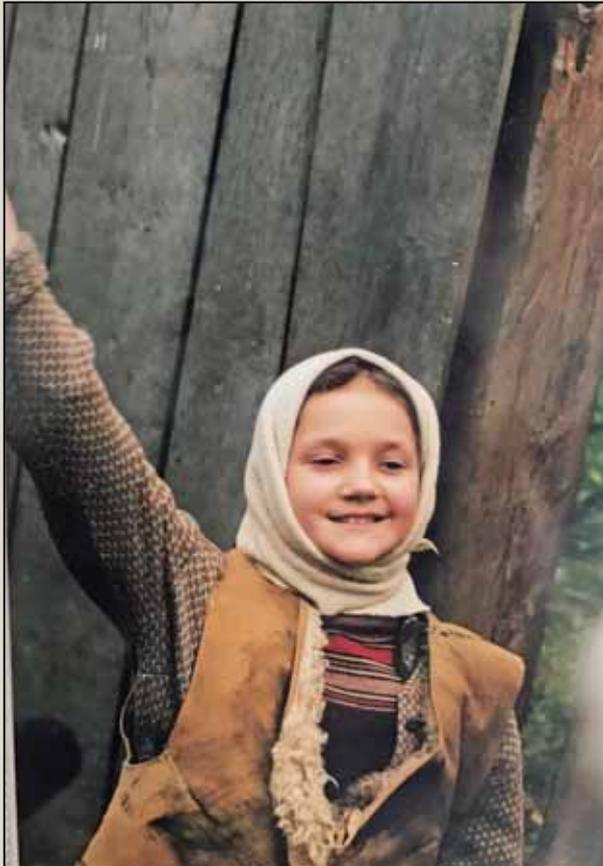
В основе картины — события 1942 года, и это моя первая работа в настоящем кино, да еще и с дедушкой...

— Геннадия Королькова зрители многих поколений знают по сериалу «Тени исчезают в полдень», фильмам «Черный принц», «Трактир на Пятницкой», «Кольцо из Амстердама», «Коней на переправе не меняют», «Батальоны просят огня»...

— Совершенно верно, дедушка служил в Ленкоме, много снимался в кино, у него богатая биография.

— С выбором профессии вы определились, наверное, еще в детстве... Дедушка — знаменитый артист, бабушка — Фатима Клодо — актриса, педагог, преподавала сценическую речь и актерское мастерство во ВГИКе...

— С раннего детства я впитывала творческую атмосферу. Мои родители не сразу поддержали мое решение связать свою жизнь с актерской профессией, хотя они сами тоже актеры — мама, Елена Сергеева, работала в театре «Сатирикон», выпускница знаменитого курса Александра Калягина, из которого вырос театр «Et Cetera», папа, Антон Корольков, — служил в МХАТе, под руководством Татьяны Дорониной...

Со временем к родителям по разным причинам пришло разочарование в театре, и они оба завершили свою карьеру... Сейчас мама — прекрасный художник, работает в собственной мастерской с деревом, а также режиссирует детские спектакли, папа очень талантливый человек, пишет стихи, находит творчество во всем... Но жаль, успешной карьеры не сложилось...

В 2011 году я окончила Щепкинское театральное училище — курс Юрия Мефодьевича Соломина, и по его окончании, по приглашению хореографа Анжелики Холиной, пришла в театр им. Вахтангова. Прослужила в этом театре шесть лет.

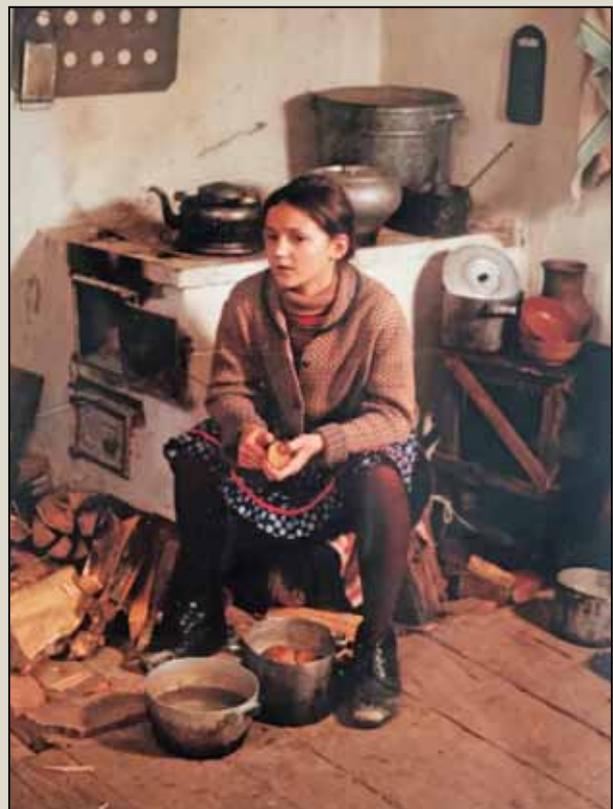
Много работала с артистами как балетмейстер, вела репетиции, де-

лала вводы в спектакли — помогала Анжелике.

У Анжелики Холиной есть свой театр в Литве — A|Ch, и когда она не могла присутствовать в своем театре, то доверяла мне работать с ее литовскими актерами.

В театре Вахтангова Анжелика поставила хореографические спектакли: «Анна Каренина», «Берег женщин», «Отелло», как режиссер-хореограф принимала участие в создании спектаклей «Евгений Онегин», «Минетти» — Риминаса Туминаса.

— Вы очень отличаетесь от многих отечественных актрис — умеете хорошо танцевать, занимаетесь акробатикой и гимнастикой, играете в волейбол, теннис и бадминтон, увлекае-

тесь йогой и фитнесом. Катаетесь на роликах, сноуборде, велосипеде... А где вы научились профессионально танцевать?

— Я окончила Школу Современной Пластики Марины Суворовой с красным дипломом, являюсь по образованию педагогом, хореографом и танцором эстрадного танца. Десять лет обучалась!

— Замечательно! Два профессиональных образования в арсенале актера — это сегодня редкость... Почему вы ушли из театра?

— Не было никакого движения, а мне очень хотелось играть в драматическом спектакле. Ну, сколько можно ждать роль? Время идет, а актеру время очень дорого ...

Сегодня я играю в спектакле народного артиста Федора Добронравова — «Чудики», в основе спектакля восемь рассказов Василия Шукшина. Это постановка про вечные ценности: свободу, добро, светлых людей, про нравственность... Замечательный актерский состав: помимо Федора Добронравова играют его сыновья — Виктор и Иван Добронравовы, Александр Чернявский, Наталья Назарова, Ольга Лерман. Режиссер-постановщик спектакля Александр Назаров, он очень известен широкой публике как главный режиссер сериала «Не родись красивой».

Еще я играю в замечательном антрепризном спектакле — «Юпитер смеется» в постановке Антона Завражнова.

— Родители ходят на спектакли с вашим участием?

— Мама никогда не пропускает премьер и следит за моей работой, поддерживает, и мне это очень дорого, а папа ни разу не был ни на одном спектакле... никогда не видел меня на сцене. Долго не понимала, почему так. И когда папа, известный артист, чье мнение мне всегда было особенно важно узнать, не пришел и на мой последний выпускной спектакль — то горькие слезы моей героини лились не только по сценарию, но и от настоящей обиды... У меня есть несбыточная мечта — увидеть однажды папу в зрительном зале.

— Какую роль хотелось бы сыграть?

— Очень хотелось бы сыграть Бекки Шарп в «Ярмарке тщеславия» Уильяма Теккерея.

— То есть антигероиню — везде, где Бекки появляется, происходит разрушение...

— Под маской невинности она особенно опасна, и мне интересно проследить, почему же она такой стала — откуда истоки столь коварного поведения.

— Вы сыграли Елизавету Воронцову в сериале «Екатерина», как работалось над ролью?

— Было страшно, потому что на площадке я была самой неопытной молодой актрисой, рядом — известные, медийные актеры. До первого съемочного дня сидела и смотрела,

как работают артисты, ходила в павильоны. Мне очень помог, сам того не зная, актер Александр Яценко, сделав мне на съемках резкое замечание: «Хватит болтать! Думай!» От обиды я закрылась и действительно перестала разговаривать на площадке — только короткими ответами по делу, а потом поняла, что он мне сделал бесценное замечание.

— Вам самой сериал понравился?

— Очень! Но не могу быть объективной в своих оценках.

Были определенные сложности, уже в середине съемок сериала неожиданно поменялся режиссер, я приехала в Чехию, а там уже другой мастер — Александр Баранов. Но для меня это стало очень хорошим опытом.

— Вы любите читать?

— Не могу сказать, что я очень читающий человек. Летом, желая исправить этот недостаток и привить себе привычку жить с книгой, бросила себе вызов — читать хотя бы пятьдесят страниц в день. В игровой

форме такой самодисциплины к пятидесяти страницам в день добавила еще и пятьдесят приседаний — для стройности и красоты фигуры. Даже выкладывала свои достижения в инстаграм. (#НКСказаноСделано).

— Вы любите путешествовать? В каких странах уже удалось побывать?

— Мне нравится путешествовать одной. Я владею французским языком, в школе, где я училась, ряд предметов преподавали на этом пре-

красном языке — математика, страноведение, мировая художественная культура, и, конечно, каждый день были уроки французского, поэтому мне не сложно отправиться за рубеж одной. По окончании школы я сказала маме, что уезжаю во Францию, на ПМЖ, на ее вопрос: «Могу ли я тебя остановить?» — ответила отрицательно и улетела. Приехала в город Бордо, отправилась в театральную академию, но оказалось, что после Русской театральной школы там делать нечего. Программа двухгодичного обучения совсем примитивна. Но мне все равно нравится Франция, я чувствую ее, и, возможно, когда-нибудь у меня будет там свой домик.

Люблю Гоа, многие наши кинодеятели ездят туда в зимнее время, по своей атмосфере место это уникальное, можно часами сидеть на берегу океана и есть манго. Романтика!..

В детстве часто ездила в Крым, а недавно, спустя двадцать лет, побывала там вновь. Какая же красота, магия, атмосфера в любое время года! Мой папа ездит в СТД на пляж Мисхора в дом отдыха «Актер» каждый август на протяжении всей своей жизни (вот уже 51 год), для нашей семьи Крым — особенное место.

— У вас есть домашние питомцы?

— Собака Муха, моя крошка, мой маленький друг, который невероятно скучает и плачет в разлуке! Придется брать ее с собой в поездки, она для

меня уже как «дочка». А сколько я делаю актерских наблюдений благодаря ей!

— Какие качества вы больше всего цените в людях?

— Честность. В этом году я потеряла подругу, с ней дружила девять лет. Одна неправда или затаенная обида рождает другую, а та третью, и так это постепенно превращается в снежный ком. Очень важно разговаривать друг с другом и быть честным. В прошлом году я пережила развод — и в очередной раз убедилась, что честность — наивценнейшая вещь в любых отношениях. Вранье — любое, даже во благо — для меня это точка невозврата.

— Бог любит правду. Так гласит пословица...

— ...и с этим нельзя не согласиться.

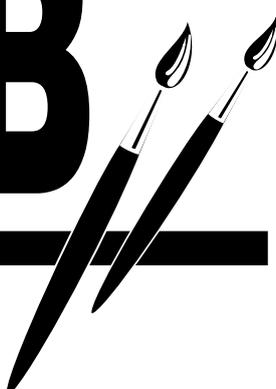
— Можно сказать, что вы уже состоялись как актриса, как личность. А есть ли у вас какая-то мечта, которую еще надо воплотить в жизнь?

— У нас с другом была попытка создать на свои деньги театр, но пришлось столкнуться с реалиями... и пока — это только мечта. Я очень надеюсь и верю, что звезды сойдутся! Все мое существо рвется на сцену — пробовать себя и проживать разные судьбы. □

Беседовала **Елена Воробьева**

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

17

Еще один памятник — теперь уже не «рукотворный», писательский — создал Илья Сергеевич Глазунов, написав большую по объему, а главное, глубокую по содержанию книгу «Русь распятая». Действительно, если человек велик, то во всем! В самом популярном и сегодня из всех «толстых» журналов «Нашем современнике», редактируемым классиком современной литературы Станиславом Юрьевичем Куняевым, тоже великим патриотом земли русской, рукопись этого выдающегося произведения была радушно встречена и сразу же напечатана в нескольких номерах. В результате чего в бездуховные, лихие девяностые тираж журнала не только удержался на высоком уровне, но и значительно увеличился, найдя живой

отклик в душах многих и многих читателей.

В течение короткого времени это произведение выдержало уже несколько переизданий, стало буквально настольным путеводителем по истории России и откровением удивительной биографии автора для истинных патриотов земли российской. Пройдя долгий жизненный путь, наполненный, как хороший роман, до предела подвижнической деятельностью, встречаясь со многими сильными мира сего, художник накопил огромный животворящий материал для написания своих мемуаров. И это не просто волнующие душу и сердце великого художника вдохновенные воспоминания, это галерея в слове выдающихся лиц современной мировой истории! Читая эти замечательные мемуары, многие профессиональные писатели разделились на два лагеря: одни справедливо хвалят, по достоинству воздают автору за его труд литератора и историка, другие, в пер-

Продолжение. Начало в №№11–12, 2018
и №1–4, 2019

вую очередь из числа завистливых художников, понимая, что написать на таком же высоком художественном уровне у них кишка тонка, поносят автора, как только могут! В связи с этим вспоминается одна известная крепкая пословица: «Собаки лают, а караван идет!»

Когда-то под впечатлением от общения с великим художником в моей душе родилось стихотворение «Мастер», там есть такие строчки: «Учитель, — воспитай ученика, / иначе он убьет тебя уродством!..» Если рассматривать исключительно с патристических, гражданских позиций эти строки, то я действительно считаю, что из всех глазуновских гениев, самый значительный для России, ее будущего — это преподавательский! Еще возглавляя в Суриковском институте мастерскую портрета, Глазунов понял, что, несмотря на стоящее на дворе более чем страшное время, которое принято называть перестройкой, а, на самом деле, ни чем иным, как только катастрофой для России, назвать нельзя, ибо к полному государственному развалу она и привела, ему пришлось столкнуться с закостеневшим в социалистическом реализме обучением студентов, тех самых, некоторым из которых в будущем свыше суждено своими яркими произведениями снискать славу Отечеству! И он раньше всех осознал, что без создания нового, еще одного высшего учебного заведения, не отягощенного никакими пороками нравствен-

ного и финансового порядка, в котором можно было бы приступить к возрождению глубинных форм организации всего огромного творческого процесса, быстрейшему успешному возвращению к классической школе европейской и российской живописи, будущего у представителей творческой талантливой молодежи нет. Вот так — ни больше ни меньше!

И он был совершенно прав, поскольку уже к тому времени институт имени Сурикова и репинская Академия в образовательном, прежде всего по профессиональным специальностям, процессе с каждым годом все дальше и дальше, словно во вред российской культуре, неумолимо скатывались с высоких позиций классической, реалистической живописи в трясины так называемого западного «левого» искусства, а попросту — авангарда, а еще проще — к обыкновенным, пресловутым, так называемым «кубикам рубикам» в виде измятого цинкового ведра...

А Глазунову к тому же вполне справедливо хотелось, чтобы созданная новая Академия живописи, ваяния и зодчества разместилась бы в здании, построенном по проекту великого русского архитектора В.И. Баженова в конце восемнадцатого века, чтобы таким образом народно подчеркнуть преемственность всех национальных художественных идеалов и принципов, ибо это здание по распоряжению императора Николая I было специально у частного богатого лица выкуплено

царским правительством для размещения в нем созданного в 1843 году Училища живописи, ваяния и зодчества. Сегодня мы с гордостью проносим имена учившихся и преподававших в этом храме прекрасного — великих художников В.Г. Перова, А.М. Васнецова, В.А. Серова, М.В. Нестерова, А.К. Саврасова и И.И. Левитана и многих, многих других.

К сожалению, с захватническим приходом к власти большевиков славное учебное заведение было поспешно ликвидировано, словно учившиеся в нем молодые дарования могли чем-то всерьез угрожать построению мифического коммунизма! Много позже — в годы Великой Отечественной войны — здание, в котором оно размещалось, было сдано в аренду более чем двадцати государственным учреждениям, конечно же, никакого отношения к живописи не имеющим!

Удивляет не только сам факт грандиозного глазуновского замысла, но и то, что к реализации его художник принял твердое решение приступить в предпенсионном возрасте, а конкретно — в 56 лет, когда большинство людей стараются не обременять себя многими хлопотными заботами, подспудно и не спеша готовясь к заслуженному пенсионному отдыху! Сам Илья Сергеевич в своей большой итоговой вступительной статье к юбилейному изданию академического альбома об этом вспоминает так: «Когда я

пришел на очередное занятие к студентам (а ходил я очень часто, чуть ли не каждый день), меня попросили зайти к ректору, скульптору Павлу Ивановичу Бондаренко. Он уважительно терпел мое присутствие в своем институте, но мы не были с ним в близких отношениях. Он предложил мне сесть за свой ректорский стол и приступил прямо к делу:

— Илья Сергеевич, что ты хочешь получить: insult или инфаркт?

Я искренне не понял его вопроса:

— Как понять ваши слова, Павел Ильич?

— Я прослышал, что ты даже благое дело задумал, раз тебя, как, впрочем, и меня, во многом не устраивают государственные порядки нашего суриковского. Такие люди, как Вучетич и Томский — мой учитель, гиганты, не чета нам, пытались вернуть этот дом художникам, — он язвительно засмеялся, — ничего у них из этого не получилось: не смогли они выкурить 22 учреждения, в одном из которых еще Сахаров работал.

— Павел Иванович, — сказал я решительно, — я сделаю все, чтобы их вышибить и вернуть это здание молодым художникам.

Мой ректор улыбнулся:

— Давай, давай. «Безумству храбрых поем мы песню!»

Я сам — по первой профессии строитель — мог бы при случае похвастаться, что по моим проектам в родной Якутии построено более

пятидесяти объектов промышленного и гражданского назначения, но тем не менее вслед за П.И. Бондаренко не могу не удивляться тому, что свое слово Глазунов сдержал! Действительно, высшее руководство советского государства, в лице М.С. Горбачева, Е.К. Лигачева и А.Н. Яковлева, подписало в августе 1986 года соответствующее постановление о создании Российской академии живописи, ваяния и зодчества, что, может быть, даже явилось в их правление единственным благим делом, о котором не позорно вспоминать! Все 22 государственных учреждений были в короткие сроки переселены по другим адресам и на деньги, выделенные по конкретному распоряжению Н.И. Рыжкова, тогдашнего председателя Совета министров, итальянская фирма «Кодест» начала производить реконструкцию интерьера по глазуновским эскизам. В результате всего этого, как пишет сам ректор: «Из аварийного состояния я создал тот храм русского искусства, о котором мы все мечтали».

О высоком уровне сплотившегося вокруг гражданина-гения преподавательского состава, о глубокой содержательности учебных планов, в результате чего Академию имени Глазунова заканчивают молодые художники, готовые к написанию значительных полотен всех выработанных в течение многих столетий художественных жанров, известно во всем мире. Неслучайно в ее стенах

оттачивают свой природный талант молодые дарования из многих зарубежных стран, в том числе и Китая. Немаловажен и тот факт, что если, к примеру, работникам администрации президента или депутатам необходим для подарка портрет, они, не раздумывая, заказывают его у кого-нибудь из преподавателей именно глазуновской академии. Невольно вспоминается необычный рассказ Ильи Сергеевича: «В один из дней своего председательства в Совете министров академию посетил Виктор Степанович Черномырдин. Я, уважительно встретив его, провел по всем коридорам заведения, на стенах которого развешаны многие дипломные работы выпускников. Узость коридоров, их слабое освещение не помешало председателю правительства хорошо рассмотреть художественные работы, и прийти в искреннее удивление:

— Илья Сергеевич! Вы что, специально к моему визиту каким-то образом умудрились привезти картины из Третьяковской галереи?

— Виктор Степанович! Упомянутый вами музей никакого отношения не имеет к вашему знаменательному посещению стен академии. Все картины, которые были представлены вашему взыскательному взору, являются дипломными работами наших талантливых выпускников! Но, как вы убедились, это же непорядок — в лучшем случае развешивать такие замечательные работы

в коридорах, а в худшем — складывать штабелями в складских, не пригодных для хранения помещениях. Им место в музее, кстати, который в царское время был построен, а в советское, извините, разрушен. Развалины его, как немой укор, извините, «темного» прошлого нынешнему «светлому», бесформенной горой до сих пор лежат во внутреннем дворе, можете убедиться, просто взглянув в окно. — А почему до сих пор не восстанавливаете или не строите новое здание для столь необходимого академии музея?

— Так все дело, как в железобетонную стену, упирается в отсутствие соответствующего, крайне необходимого государственного финансирования, дорогой Виктор Степанович!

— Хорошо! Вопрос о выделении необходимых средств академии для восстановления музея я лично поставлю на ближайшем заседании правительства. Думаю, решение будет положительным, — твердо пообещал премьер».

Однако, как показало скорое время, данное слово он, увы, увы, не выполнил! И продолжают по сей день руины бывшего музея свидетельствовать о черствости и недалекости нынешних власть предержащих. А все новые дипломные, прекрасные работы, в связи с тем, что свободных мест не осталось и на коридорных стенах, теперь просто складываются штабелями где только можно. Горько и обидно! Доколе?!

В годы, когда Илья Сергеевич преподавал в Суриковском институте, заведывая мастерской портрета, существовала порочная система наборов молодых людей, пожелавших овладеть профессией художника. Во все союзные министерства образования, за исключением российского, спускалась пресловутая разнарядка, молодые люди, включенные в нее, чуть ли не автоматически становились полноправными студентами, если даже экзамены по общеобразовательным предметам сдавали на пресловутые тройки. Абитуриентам из России, особенно живущим в глубинке и по этой причине не имеющим возможности закончить созданную при институте среднюю художественную школу, можно было поступить только в двух случаях — если молодой человек обладал талантом не ниже Федора Васильева или по звонку самого министра образования СССР!

Илья Сергеевич об этом вспоминает так: «Началась перестройка, но все шло по-старому, и я помню, как во время защиты дипломов на живописном факультете Суриковского института даже многие «интернационалисты» крикнули: «Господи, — Кипр, африканцы, корейцы, азербайджанцы, когда же русские дипломники появятся!»

В академии своего имени ректор очень придирчиво относился к подбору преподавательского состава.

И сегодня, в основном, в нем числятся выпускники мастерской портрета Суриковского института, то есть его непосредственно лучшие ученики. Но Глазунов смотрел дальше — специально с целью пополнения и обновления преподавателей по его обстоятельной просьбе министерство образования создало при академии аспирантуру, куда после строгого экзаменационного отбора зачислялись самые талантливые выпускники. После окончания многие из них становятся преподавателями родного учебного художественного заведения и уже сами передают молодым талантам секреты мастерства живописи. И не только. Для Ильи Сергеевича очень важно, чтобы его питомцы являлись настоящими патриотами Отечества. При этом ректор понимает, как важно для укрепления международного авторитета России работа его учеников и за границей. Он с гордостью говорит об Алексее Стиле, возглавившем Общество реалистов американского Лос-Анджелеса, об Олеге Супереко, которого итальянцы называют современным Тинторетто, о Царьковой, главном художнике Ватикана.

Поэтому-то Глазунову нестерпимо больно, когда талантливые ученики ради денежного достатка предадут принципы патриотизма, полученные от самого учителя, и не дают истинных знаний молодежи с пылким сердцем. В этой связи нельзя не привести интересный и поучительный случай. В один из августовских

выходных дней звонит Илья Сергеевич и очень расстроенным, как всегда, хрипловатым голосом просит меня подъехать. Как всегда, отзываюсь и быстро приезжаю. Глазунов тут же ведет меня в библиотеку, где глазами показывает на художественный альбом внушительного объема, в суперобложке, и раздраженно, с обидой говорит:

— Полюбуйтесь!

— Чем любоваться-то? Альбом как альбом!

— Да нет, Иван Иванович, сильно ошибаетесь! Это не простой набор репродукций — это мой горький позор!

После таких слов, конечно, я уже не мог не подойти к столу и не взять внушительный по объему альбом в руки. На лицевой стороне обложки, на фоне здания созданной моим другом академии, красуется фотография Михаила Шанькова, заведующего кафедрой рисунка.

— Иван Иванович, вы не качественно оформленной обложкой любуйтесь, а откройте этот так называемый альбом там, где я специально для вас закладку заложил! — нервно произнес Глазунов.

Послушно открываю, смотрю и чуть не в крик ахаю:

— Мать честная, ваш-наш Шаньков сдурел, что ли!?

— Нет, он сознательно, вернее, за паршивые американские доллары предал меня, предал родное отечество! — восклицает Илья Сергеевич.

— Согласен, ибо добровольное, да еще и за деньги, написание весьма большой картины о панически бегущих, наголову разгромленных под Нарвой русских войсках, с картинно торжествующим на переднем плане шведским королем Карлом XII, заклятым врагом России, иначе как последним предательством назвать нельзя!

Скорее всего, я бы об этом не вспомнил, если бы в самый разгар учебного года в очередной раз не был приглашен на ректорский просмотр. Специально приехав немного раньше назначенного времени, захожу в Академию и сразу же от двери вижу одетых в костюмы с иголки, строго выстроившихся в ряд перед раздевалкой преподавателей — все ждут ректора. Ровно в два часа Илья Сергеевич порывисто открывает дверь и, для своих преклонных лет очень даже молодежато спустившись по ступенькам в холл, подходит к нам, каждому доброжелательно жмет руку и тут же без лишних слов приглашает следовать за ним. Знаменитый ректорский просмотр начался! Но в этот раз, к своему сожалению, я, как создатель галереи современной классической живописи, смог отметить про себя только один портрет, видно, очень талантливой студентки, и два пейзажа, тоже сполна даровитой девушки. При просмотре еще в то время не законченных полностью дипломных работ Илья Сергеевич вдруг строго спрашивает

автора большого по размеру портрета:

— Скажите, пожалуйста, а почему вы решили написать именно этого артиста, пусть и удостоенного высокого звания, кажется, народного?

— Потому что он мне внешне нравится, — после задумчивого молчания, несколько сконфузившись и зардевшись, просто и откровенно отвечает художница.

— Хорошо! Тогда назовите хотя бы один созданный им вдохновенный и правдивый образ, которым могла бы гордиться Россия! А еще лучше будет, если вы расскажете о его человеческой судьбе!

Застигнутая врасплох бесспорно талантливая выпускница как с мыслями ни собиралась, ничего конкретного ответить ректору не смогла. Тогда он поучительно сказал: «Нельзя приниматься за написание портрета, глубоко не познакомившись ни с жизнью портретируемого, ни с его вкладом в национальное искусство! В противном случае вы никогда не напишите его взгляда, как известно, говорящего о человеке и об его отношении к жизни больше и красноречивей всяких слов! Но главное — вы не создадите художественного образа, ради чего и взялись за кисть!»

В мастерской исторической картины Глазунов, быстрым оценочным взглядом обведя выставленные на просмотр картины, неожиданно проявил интерес к дипломной работе на библейские мотивы.

Автор ее, сухощавый, нервно комкающий в руках тряпку со следами свежей краски молодой человек, начал было рассказывать о замысле картины, но Илья Сергеевич вежливо его остановил, неожиданно, по крайней мере, для меня, быстро снял пиджак, завернул до локтей сверкающие белизной рукава накрахмаленной рубашки и, ничего не говоря, широкой кистью стал очень быстрыми движениями вносить исправления в картину, но, конечно, в своей манере письма. И после окончания, так сказать, мастер-класса дипломная работа преобразилась! Выпускнику академии теперь оставалось только сфотографировать ее и, смыв краску, нанесенную мастером, уже в своей технике, сверяясь с фотографией, переписать исправленные места. Я был потрясен и тем, как с одного взгляда Глазунов выявил неверно написанные куски полотна, и тем, как быстро, пусть и в своей манере, исправил их!

После окончания просмотра ректор быстрыми шагами направился в свой кабинет, чтобы там вместе с преподавателями подвести итоги просмотра: кого-то похвалить, а кого-то и доброжелательно пожурить. На лестничной площадке я остановился и стал пропускать вперед художников, старающихся не отстать от Глазунова. И вдруг слышу у себя за спиной голос Михаила Шанькова: «Володя, ты понял, насколько низкого качества работы молодых? Так что нам с тобой можно спокой-

но еще несколько лет не опасаться никакой конкуренции со стороны студентов...»

Я повернулся и увидел, что Шаньков обращался к Владимиру Штейну, очень талантливому художнику, настоящему современному классику отечественной живописи. Он, встретив мой осуждающий взгляд, немного смутился, зато его друг-коллега смотрел на меня наглым, самоуверенным взглядом зажавшегося, а, значит, ну совсем немного человека. Мне очень многое хотелось сказать по поводу его дикого высказывания, но я только презрительно бросил в лицо Шанькову: «Мерзавец, причем конченный!»

И правда, о чем можно рассусоливать с преподавателем, который после просмотра должен был бы обливаться горькими слезами глубокого искреннего раскаяния, ибо его прямой долг вдохновенно учить с самого первого курса талантливую молодежь, уже хотя бы потому, что деньги за это получает. Впрочем, чему может научить молодых художников человек, сам до конца так и не ставший настоящим мастером?! Оказывается, по обиде, высказанной вслух одной студенткой, он известен еще и тем, что присваивал чужие творческие замыслы. К примеру, эта же обиженная художница уверяет, что картина о молодом Пушкине списана заведующим кафедрой рисования с ее этюда. Говорят, недавно Михаил Шаньков выпустил отдельной книгой свои мемуары-воспомина-

ния. Интересно было бы почитать. Хотя — нет! Что путного может написать человек, предавший свое Отечество, великого мастера, который столько духовных сил вложил в его, как оказалось, гнилую душу? Так, насквозь лживое самолюбование, теперь уже не через кисть, а посредством слова — и только!

19

Но описанный случай свидетельствовал не об единственной измене, которая потрясла меня до глубины души... При очередном, в этот раз вместе с женой Светланой, посещении академии Ильи Сергеевича сам лично проводил нас в мастерскую, как он сказал, очень талантливого художника Павла Рыженко, познакомил нас — и тотчас оставил наедине. Для чего он это сделал, для меня до сих пор остается загадкой, ибо им самим мне было разрешено беспрепятственно заходить ко всем преподавателям-художникам в любое время, включая и выходные. Может, этим самым хотел подчеркнуть свое пошатнувшееся доверие к преподавателю, талант которого сам, образно говоря, огранил до такой степени, что он засверкал?!.. Как показали дальнейшие события, в этом непростом вопросе я был недалек от истины... Тем более что во время показа некоторых законченных картин Павел, как мне показалось, вполне искренне поведал,

что после окончания под руководством Ильи Сергеевича академии он, по примеру некоторых других своих предшественников — искателей удач вдали от родовых корней, решил попытаться художественного счастья в Америке, но из этого предприятия ничего хорошего не получилось, и вернулся в родное отечество практически без гроша в кармане. Но и на Крымском валу, в приютившихся на задворках Центрального дома художника деревянных палатках, написанные картины если и продавались, то очень плохо и до обиды дешево. Вырученных денег едва хватало, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Вдруг судьба подарила ему встречу с учителем, и тот, узнав о бедах ученика, тут же пригласил его в свою академию на должность преподавателя, и даже выделил отдельную мастерскую. В общем, Илья Сергеевич теперь до конца дней — его благодетель. Нам с женой оставалось только похвалить художника за такое благодарное отношение к ректору.

Но и в это же первое наше с женой посещение Павел Рыженко о других своих коллегах по академии говорил так нагло, настолько самоуверенно, что, как ни крути, а получалось, как будто одаренней его в академии никого нет. Слушать такое было, мягко говоря, неудобно. И мы с женой, в душе сильно озадаченные, покинули мастерскую. Однако, несмотря на это, я, привыкший

отделять семена от плевел, решил заказать художнику достаточно высокую в плане художественного исполнения картину «Муравейник». Но когда в оговоренный заранее с Павлом срок пришел за законченной работой, то увидел, что ему активно помогает писать новое историческое полотно один очень талантливый студент старшего курса. Я этому так откровенно удивился, что тотчас в лоб задал вопрос:

— Павел, ты что, взял себе соавтора?

— Да, нет! Молодой человек просто помогает...

— Как помогает? Краски смешивает, холст на подрамник натягивает? Нет же! Он на моих глазах пишет самые главные куски в картине! Это, извини, не помощь, а самое настоящее соавторство!

И тут «гениального» «благодарного» художника, словно земляную плотину в весенний паводок, прорвало:

— А вы, Иван Иванович, неужели действительно наивно думаете, что Глазунов сам написал свои огромные последние картины?

— Конечно, сам! Кто же еще? — раздраженно произнес я.

— В таком случае, вы глубоко ошибаетесь — это мы, преподаватели академии, приходим к нему в мастерскую и усердно пишем. Сами посудите, что путного можно написать в таком преклонном возрасте!

— Слушай, Павел, ты в своем уме? — вскипел я. — Или у тебя вко-

нец крыша поехала от персональных выставок, успешно прошедших, но которых без помощи, как ты говоришь, благодетеля, не было бы никогда?! Да я и сам свидетель того, что с возрастом талант Илья Сергеевича не только не ослаб, но и еще более окреп. Свинья ты, Паша, больше никто!

И, хлопнув дверью так, что тонкие стены мастерской содрогнулись, я, с багровым лицом, с колотящимся от возмущения и обиды сердцем за своего друга, стремительно вышел, чтобы уже никогда не заходить в эту напроць оскверненную подлостью мастерскую!

Есть еще один непризнанный «гений», Константин Мирошник, больше всего известный среди художников тем, что уговорил свою жену Наталью Кургузову, действительно очень даровитую, с блеском окончившую академию, подписывать все работы, неважно кем из супружеской четы они написаны, сначала им, а потом уже ею. Необходимость этого он, как говорят знающие люди, объяснил трудностью в наше тяжелое время женщине получить заслуженную известность, а вместе с ней и более высокую оплату за исполнение художественных работ. Наталья, женщина по своей натуре семейная, очень покладистая, доброй души, конечно, не смогла отказать своему чересчур напористому супругу. Но ведь, по большому счету, кроме позора это ничего Мирошнику принести не может, ибо каждому

даровитому художнику от природы присущ свой стиль, свой мазок, вернее, своя техника писания, которые с годами все больше и больше углубляются, делая работы мастера неповторимыми. И человеку, хоть немного разбирающемуся в современной живописи, достаточно одного внимательного просмотра даже невооруженным взглядом той или другой работы, чтобы безошибочно определить, кем именно они написаны!

Со всей ответственностью можно сказать, что в данном случае Мирошником в первую очередь двигала не забота об известности любимой жены, не семейное благополучие, а буквально сжигающая его страсть во чтобы-то ни стало, пусть и за счет чужого таланта, как-то притушить свою бездарность в написании даже обыкновенных пейзажей, ибо у него, к сожалению, напроць отсутствует крайне необходимое для этого прирожденное чувство цвета — все его, скажем так, художественные попытки выглядят жалко, в полной дисгармонии с изображаемым тем или другим предметом! В старину обычно о таких говорили: «Вот тоже человек — со свиным рылом, а в калашный ряд лезет!..»

Знакомясь с талантливыми выпускниками глазуновской академии, я, естественно, не мог обойти стороной и творчество Натальи Кургузовой, пусть и добровольно принесенное после окончания академии

в жертву липовой известности супруга. К тому времени она с мужем и маленькой дочерью уже жила в собственной квартире, состоявшей из столовой-гостиной, которая из-за нехватки площадей использовалась как общая мастерская, и двух совсем небольших комнат, отведенных под две спальни — детскую и супружескую. По телефону заранее договорившись о своем визите, в один из выходных дней на своем верном и работавшем, как часы, «саабе» я приехал к ним. Сразу скажу, что супруги-художники приняли меня с нескрываемым радушием — хотя до обеда было еще далеко, усадили за обильно заставленный всякими хлебосольными угощениями круглый стол, теснившийся между посудной стенкой и перегородкой-этажеркой, как бы отделяющей кухню от остальной площади гостиной. Еще не успели до конца управиться со столь ранним обедом, как Константин взял гитару и, с явным желанием понравиться мне, начал одну за другой, замечу, неплохим голосом исполнять песни из репертуара барда-певца Александра Барыкина, якобы своего друга, а, может быть, и на самом деле таким ему являвшимся. Вскоре у меня стало невольно складываться впечатление, что Мирошник напроць забыл об оговоренной заранее по телефону важной для нас всех цели моего воскресного приезда, и когда я вежливо напомнил ему об этом, то не без удивления услышал:

— Смотреть картины? Успеем!

Он, видимо, хотел продолжить очень уж нравившееся ему музыкально-вокальное занятие, но я демонстративно встал, поблагодарил Наталью за щедрое угощение и, решительно подойдя к картинам, стоявшим в добротных дорогих золоченых рамах почти вдоль всех стен гостиной, начал их, одну за другой, рассматривать, отмечая про себя: «Ага! Этот натюрморт, хотя и подписан супругами, но по письму явно полностью исполнен Натальей — с присущей ей тонкой академической манерой. А этот скучный, однообразный, да еще и «пережаренный» в подборе красок пейзаж — ну, точно дело рук ее разлюбезного супруга! Отодвинем-ка его подальше, как не стоящего серьезного коллекционного внимания, не то, что приобретения даже и за совсем грошовые деньги!..»

Константину ничего не оставалось, как только, недовольно отложив любимую гитару, присоединиться ко мне, а вот Наталья, словно ее возможная продажа собственных картин совершенно не интересовала, продолжала заниматься своими сугубо женскими делами — тщательно мыла посуду в раковине. И даже тогда, когда я, выбрав для своего собрания несколько работ явно ее очень высокого исполнения, завел непростой разговор о цене, она и тут лишь повернула голову в мою сторону, мол, это не по моей части. Зато Константин мгновенно преобразился

из музыканта в ловкого торговца: названную мной сумму за все работы посчитал низкой для так мастерки исполненных картин, при этом еще и самоуверенно заявил, что ничего подобного сегодня никто из современных художников, увы, не напишет. Но наконец поняв, что я или куплю по своей цене, или, круто развернувшись, уйду, со вздохом произнес:

— Ну, коли приобретаете сразу несколько работ, да еще без дорогого багета, то пусть будет в этот раз по-вашему!

На это я строго заметил:

— Извини, но почти каждое воскресенье я у других художников, в их мастерских, просматриваю и выбираю столько первоклассных работ, что могу тебе по-доброму посоветовать: «Спесь-то уйми!..»

— Зачем вы так резко, Иван Иванович!

— Прости, как есть, так и говорю!..

А про себя справедливо подумал: «Если бы в наше время государство было по-настоящему, со знанием дела всерьез озабочено проведением ежегодных художественных всероссийских выставок, пользующихся таким же уважительным авторитетом у искусствоведов и любителей живописи, как в царское время знаменитых передвижников, то где бы ты был со всеми своими неумелыми, беспомощными пейзажами, на каких задворках? Впрочем, о чем я спрашиваю! — да тебя вообще не допустили бы на столь знаменательное и ответственное мероприя-

тие!.. Что верно, то верно, — играешь на гитаре неплохо, голос тоже вроде имеешь, ну, так и пой в свое удовольствие, сколь душа пожелает! Глядишь, и на эстрадно-вокальном поприще сыщешь свою, а не украденную известность!»

И все же на прощанье я подарил гостеприимной чете свой сборник избранных стихов, совсем недавно изданный, совершенно не подозревая, что это обернется для меня еще одной неприятной неожиданностью!

Через некоторое время, в один из зимних вечеров, ко мне в домашний кабинет-библиотеку, где я увлеченно работал над еще одним рассказом, буквально влетела старшая дочь Вера с удивленным криком: «Папа! Папа! Я только что по Интернету слышала написанные на твои слова песни в исполнении какого-то незнакомого мне вокально-инструментального ансамбля!»

— Как это?! — с трудом отрываясь от работы над рукописью, недоуменно спросил я, еще не сознавая до конца, о чем идет речь.

А когда осознал, то сначала подумал: «Это, наверное, мои старые знакомые еще по сибирской жизни, музыкально одаренные друзья, организовавшие свою группу и вот уже несколько лет с успехом игравшие в известном на всю Москву ресторане «Александр Блок». Видать, им настолько приглянулись по душе собственные песни, действительно, по согласованию со мной, написанные на мои стихи, что они решили

с ними выйти для своей дополнительной раскрутки в Интернет...» Но потом в голове как-то разом, словно по воле свыше, мгновенно вспыхнула догадка-мысль: «Уж не шустро ли Мирошника это рук дело?!..» Тотчас попросил дочь показать мне интернетовский ролик — и едва на экране появилась картинка, как я сразу же острым взглядом выхватил из музыкальной группы Константина, собственной персоной, бойко играющего на гитаре! Невольно воскликнул: «Ну и прохвост!..» — набрал его домашний номер. Едва он в ответ на мое суровое приветствие произнес веселым, беззаботным голосом: «А, Иван Иванович! Здравствуйте!» — я без всяких окольных предисловий, как говорится, в лоб, раздраженным голосом, в котором ясно звучали металлические нотки, спросил:

— Молодой человек, как ты посмел без необходимого разрешения использовать тексты моих стихов для написания своих пусть и талантливых песен?! Или тебе, соломенная голова, не известно, что за нарушение авторских прав действующим Законом предусмотрено суровое уголовное наказание с выплатой морального ущерба?»

Мирошник, вопреки моему ожиданию, не растерялся — лишь на секунду-другую замолчал, а потом быстро-быстро стал отвечать:

— Иван Иванович, так песни же написаны в ваших интересах, поскольку, прозвучав по Интернету,

который сегодня редко кто не просматривает, делают вас на всю страну еще более известным, что каждому творческому человеку должно быть весьма приятно!

— Даже так! — грубо оборвал я Константина. — Вот спасибо-то! Только я совершенно не тщеславный, но по отношению к таким наглецам, как ты, справедливо суров! Надеюсь, тебе это понятно?!

— А у меня к вам вопрос есть. Можно? — вдруг вместо ответа услышал в трубке совершенно невозмутимый голос Мирошника.

Меня эта скрытая наглость настолько сбила с толку, что я, как на автомате, согласно произнес:

— Какой? Задавай!

— Иван Иванович, вы были на последней выставке Павла Рыженко?

— Нет, не был! — раздраженно ответил я, продолжая не понимать, к чему вдруг сменил тему разговора художник-музыкант.

Словно не уловив тон моего голоса, Константин продолжил:

— Какая жалость! Ведь другого более талантливого живописца, равного в настоящее время Рыженко, по моему глубокому убеждению, нет!

Я, теперь уже зная человеческие качества Мирошника достаточно хорошо, не стал вступать с ним в бесполезный спор. А все еще находясь в большом раздражении от того, что позволил ему увести себя от темы «пиратства» своих стихов, напрямую спросил его:

— Тогда, сделай милость, ответь, может ли вообще любой ученик, пусть даже однажды подло предавший своего учителя, быть не то что настоящим художником, а просто порядочным человеком?

Прекрасно понимая, о каком великом учителе идет речь, и точно зная о нашем разговоре с Рыженко о преподавательской помощи в написании эпохальных картин современности, тем не менее, Константин, видимо, даже не моргнув глазом, тут же твердо ответил:

— Конечно, может!

Мне ничего не оставалось, как только сказать:

— В таком случае прошу тебя больше мне не звонить, а если мы однажды где-нибудь в обществе настоящих художников окажемся, то проходить мимо меня, ибо я никогда не подам тебе руки! Будь здоров!..

Положив, как мне показалось, раскалившуюся от моей напряженной речи трубку, я с горечью и с сожалением подумал: «Почему и этот человек, исключительно благодаря доброму сердцу Ильи Сергеевича, а не своему таланту, в конце концов, получивший диплом художника, несет, можно сказать, полную чушь? Завидует всемирной славе гения? Конечно, нет! Просто — зажавшийся неудачник. За примером далеко ходить не надо. Возьмем ту же нашу писательскую среду. Кто из действительно настоящих поэтов, прозаиков, да и критиков занимается подлыми делами: многолетним

неправым сутяжничеством со своими коллегами, написанием на них бесконечных клеветнических доносов в разные инстанции, в том числе и в правоохранительные, в газетных публикациях или в телевизионных выступлениях, ради «прихватизации» общеписательского имущества, нагло белое называет черным, а черное белым? Никто!

Потому, что для настоящих, божьей милостью, писателей главное есть и будет всегда — создание высокохудожественных произведений! А тут, кроме таланта, еще необходимо и наличие таких качеств, как порядочность, совесть, человеколюбие и, конечно же, трезвый разум! Но те, у кого с этим просто беда, кто посмел называть себя писателем в результате наглого использования своего служебного или кумовского положения, чувствуют себя в этих мерзких делишках, как рыба в воде.

Тут к месту и ко времени вспомнить современного классика, однажды сказавшего в своих замечательных стихах: «Добро должно быть с кулаками...» Да, должно! Ради того, чтобы мерзкое зло окончательно не погубило прекрасное, иначе добру ну никак нельзя!

А своего друга, гениального современного художника Глазунова, я мысленно попросил даже тогда, когда он будет там, на небесах, помнить мои слова, откровенно сказанные ему сразу же после открытия государственного музея его имени: «Илья Сергеевич, дорогой, мне ка-

жется, что большего безусловного признания ваших заслуг и родным народом, и государственной властью, чем воздвижение и открытие прижизненного памятника, быть не может! Что же касается ваших злопыхателей, то где вы, а где они? Вы — на самой высокой в мире, сияющей в лучах всемирной славы вершине, а они — в такой глубокой пропасти безвестности, что вам даже при помощи самого мощного телескопа их не углядеть».

20

К большому сожалению, я по образованию — не искусствовед... Но в Государственном музее имени Ильи Глазунова, как в любом другом подобном заведении, на почетном месте возлежит толстенная книга отзывов, в которую каждый желающий посетитель после знакомства с многогранным творчеством художника записывает свое мнение. Вот и я тоже попытаюсь максимально беспристрастно высказать свои впечатления — хотя как истовому поклоннику великого таланта это будет сделать нелегко. Но коли я посмел взяться за гуж, то и нечего говорить, что не дюж, тем более обижаться в определенном плане на судьбу! Всегда, когда бываю в музее, стараюсь уделить хоть немного времени, чтобы попристальней ознакомиться с записями, сделанными в книге отзывов. Скажу сразу, подавляющее большинство из них если

не восторженные, то справедливо воздающие хвалу художественному гению художника. Есть и довольно прохладные, а то и вообще повражески злобные! Но, как говорится, на вкус и цвет товарищей нет. По-другому, в соответствии с человеческой природой, и быть не может, да и не должно быть! Иначе мы, люди, будем представлять собой как бы однородное и напрочь бездумное животное стадо, лишь с тупым, жалким желанием наесться от пуза! С одной из, скажем так, антиподниц глазуновского творчества мне даже удалось, пусть совершенно случайно, но очень занимательно поговорить, вернее, слегка поспорить. В свое очередное посещение музея, войдя в один из самых больших залов, где сразу на левой стене висит, на мой взгляд, одна из лучших работ зрелого мастера — «Автопортрет», я увидел пожилую женщину, одетую в черную жакетку, из-под которой выглядывала красная в горошек блузка. Она очень внимательно не просто рассматривала широко известную картину, а, как мне со стороны показалось, даже говорила вслух с ней. Подойдя поближе, я и в самом деле ясно услышал:

— Да, Илья, ты, к сожалению, так и не научился писать!

— Что вы говорите! — не извиняясь за свое бесцеремонное вмешательство в односторонний разговор женщины с портретом, воскликнул я.

Женщина резко повернула ко мне свое мгновенно ставшее строгим лицо и стрельнула подведенными черной тушью глазами:

— А у вас, молодой человек, другое мнение?

— Конечно! И прямо противоположное вашему!

— Интересно, интересно! А вы разве не видели работ настоящего портретиста современности Александра Шилова, музей которого находится всего в каких-то двухстах метрах отсюда?!

— Не только видел, но однажды, сразу по приезду на постоянное место жительства в Москву, даже хотел у него купить для своего собрания несколько портретных работ. С этой благородной целью я, поверьте, не один раз посетил музей его имени, но, увы, так ничем и не был вдохновлен, за исключением, пожалуй, нескольких портретов, написанных художником в зрелом возрасте, когда только — дерзать и дерзать! Но, согласитесь, представлять в серьезной коллекции, которой посвятил почти всю жизнь, творчество художника одной или даже несколькими, пусть и написанными с блеском, работами не годится.

— Чем же, по вашему мнению, шиловские работы уступают глазуновским? — удивленно спросила женщина.

— Вы, уважаемая, имеете в виду портреты?

— Но о каких еще другого плана работах можно вести речь, если

Александр Шилов как мастер в основном пишет портреты?!

— В основном — да! Но иногда он, как я понимаю, с удовольствием занимается созданием и пейзажей, а еще чаще — натюрмортов, которые действительно стоят того, чтобы о них серьезно говорить! Что же касается портретов, то, уважаемая, — я специально не стал спрашивать ее имени и отчества, чтобы подчеркнуть, что чье-либо мнение, кроме положительного по отношению к Глазуновским портретам, может быть только глубоко ошибочным, — есть слово «красота» и производное от него — «красивость». Красота — это правда, а вот красивость — это ложь, но подаваемая зрителям в яркой обложке! Так вот портретные работы Ильи Сергеевича Глазунова — истинная красота! А Александра Шилова, вы уж меня извините, в большинстве случаев если не ложь, то в угоду портретируемого все же мастерски приукрашенная действительность! И вы должны знать, что художник никогда, тем более ради славы или денег, не должен идти на сделку со своим творческим «я»! Понимаете, никогда!

— Какую же глупость вы сказали, молодой человек! Даже и не знаю, стоит ли вообще на нее отвечать!

— А мне и не интересен ваш ответ! Хотя бы потому, что, как говорится, сколько людей, столько и мнений! И ничего в этом плохого нет. Но, из-

вините, мне надо идти! Всего вам хорошего! — несколько вызывающе закончил я наш разговор. Да простит меня Господь за это.

В продолжение шиловско-глазуновской темы хочу привести один разговор с государственным чиновником, человеком честным, справедливым, но и строгим. Как-то в одну из наших встреч он обратился ко мне с очень странной просьбой:

— Иван Иванович, вы не подскажете, как поступить в той, на мой взгляд, сложной ситуации, в которую я попал со своим портретом, написанным и подаренным мне Шиловым?

— А более конкретной можете сказать?

— Если конкретной, то дело в том, что, когда я принес портрет домой, вся семья в буквальном смысле подняла меня на смех, мол, как можно было принять даже в дар портрет, где, по выражению жены, я похож на размалеванную куклу! Вот и не знаю — отдать работу художнику или оставить дома, убрав ее подальше от глаз?

Тут я вспомнил своего институтского руководителя поэтическим семинаром, выдающегося русского поэта, на чьих проникновенных классических стихах выросло и воспиталось не одно поэтическое поколение, к сожалению, слишком рано ушедшего из жизни Юрия Кузнецова. Однажды, когда я принес ему для печати в журнале «Наш современник» целый ворох своих но-

вых стихов, он при мне не спеша отобрал самые лучшие, а в отношении других сурово посоветовал: «Оставшиеся стихи ты, Иван, никому не показывай, а лучше — вообще их выбрось!..» Вот я и посоветовал своему хорошему знакомому:

— Не знаю, прислушаетесь ли вы ко мне, но я, будь на вашем месте, просто выбросил бы не понравившийся и висящий на душе тяжким грузом портрет! Глупо захламлять квартиру вещью, то и дело глядя на которую, только лишний раз в душе глубоко огорчаешься.

— Сложную, может быть, даже и не разрешимую психологическую задачу вы передо мной поставили, Иван Иванович! Но из сложившейся ситуации действительно надо каким-то образом выходить!

Выражать свое мнение о творчестве Шилова, которое кажется мне в самом деле настоящим, вдвойне трудно, ибо лет двадцать назад, когда я еще жил в далекой Якутии, в одной из передач центрального телевидения художника спросили: «А что вы можете сказать о сегодняшнем состоянии России?» Он немного помолчал, а потом ответил: «Знаете, есть такой поэт Иван Певреверзин, стихотворением которого лучше и емче на ваш вопрос не ответить!» — и прочитал по памяти на всю многомиллионную российскую телевизионную аудиторию, да и не только, эти стихи! Не скрою, мне было приятно слышать такое высокое мнение о моем поэтиче-

ском творчестве! Но любая правда в любых обстоятельствах должна оставаться правдой! И только правдой, как она ни горька!

Наверное, почти все любители живописи, начиная знакомиться с творчеством их великого современника, обращают внимание в самом первом небольшом зале музея на тщательно проработанный этюд к портрету «Старик с топором», написанный еще совсем молодым, девятнадцатилетним художником. Из всех работ в этом зале он выделяется, прежде всего, мастерством, с каким написаны руки, глаза, уши, седая борода, да и тот же топор, отливающий в солнечных лучах кованым металлом, насаженный на деревянное топориче. Все, что касается образа изображаемого пожилого человека, от первого и до последнего мазка, сделано настолько материально, так правдиво, что остается только диву даваться! Не зря его любимый дядя Миша, которому показал свой этюд молодой Илья, повесил его среди картин великих и любил, как пишет сам автор, дразнить гостей: «А это — угадайте кто?» Гости делали разные предположения, называли многие имена известных художников. «А вот и не угадали! — победоносно провозглашал дядя Миша. — Это мой племянник, единственный наследник рода Глазуновых!..»

Искусствоведы называют разные сроки становления Ильи Сергеевича как художника, чаще всего оттал-

киваясь в своих мнениях от первой персональной выставки в ЦДРИ, в Москве, в 1957 году, когда Глазунов был еще студентом Ленинградского института имени Репина. Лично по-моему мнению — становление выдающегося мастера началось именно тогда, когда и был написан вышеуказанный этюд к портрету «Старик с топором»! Каждая последующая работа только подтверждала это, естественно, сделанная с еще большим мастерством! Скажу даже больше — именно эта небольшая картина во многом определила и всю дальнейшую творческую судьбу Глазунова как несравненного портретиста современности! И все-таки в этом жанре живописи что конкретно выделяет его из небольшого ряда больших художников? Я, на чьих глазах Ильей Сергеевичем вдохновенно писались мои портреты, со всей уверенностью отвечаю: «Тем, что мастер не копировал слепо человека с натуры, а создавал тот образ, который характеризует его как неординарную личность! Если говорить проще, то пишет не просто глаза, а живой взгляд, в котором, как известно, фокусируется вся душа человеческая! Сделать это настолько невероятно трудно, что требует не одной усидчивости, но, в первую очередь, божьей милости самобытного таланта! Поэтому тех немногих, кому в творчестве покоряется такая сверкающая лучами признания вершина, справедливо называют гениями!»

Совсем не удивительно, что, будучи еще студентом, за социально значимое полотно, посвященное последним дням кипучей жизни Юлиуса Фучика и специально показанное на международной выставке молодых художников в Чехословакии, он получил наивысшую премию Гранпри. Иначе и быть не могло, поскольку с талантом от бога Глазунов данной работе, как всегда, отдал всю душу, ведь для него содержанием портрета была печальная тема «поэт в тюрьме». Более трагичной ситуации для любого настоящего свободолюбивого от природы поэта быть просто не может! И молодой гений проникся ею, словно предчувствуя время своего скорого вынужденного одиночества, вплоть до обречения на безвестность.

Но не зря в народе неустанно говорят, нет худа без добра! Из своей, можно прямо сказать, суровой ссылки, как в свое время великий Александр Сергеевич Пушкин, Глазунов вернулся если еще не полным триумфатором, то заявившим о себе на весь мир как выдающийся портретист — это уж точно! В то далекое советское время в СССР было немало художников, обладавших незаурядным портретным мастерством! Но честь писать портреты таких выдающихся деятелей, как Индира Ганди, президент Урхо Калева Кекконен, королей Карла XII Густава, Хуана Карлоса I, папы Иоанна Павла Второго и, конечно, всемирно известной итальянской актрисы Джини Лол-

лобриджида, а также многих, многих других, выпала именно Глазунову! Великая актриса после написания портрета на обратной стороне фотографии, подаренной автору, по-женски трогательно написала: «Я встречала многих художников, но никому из них не удалось поразить меня, как Илье Глазунову, своим трогаящим душу великим искусством: пусть же хранит он память обо мне и мою любовь». А вот что вспоминает сам автор знаменитой работы: «Около полусотни

художников мира были счастливы оставить изображение знаменитой своей красотой актрисы. В каком платье писать портрет? Платьев так много. Наконец мы останавливаемся на одном, в котором она снималась в последнем фильме из времен Наполеона. Фон я решил сделать светло-жемчужным. «Браво, — одобрила Лоллобриджида, — так более современно и лаконично». □

Продолжение следует.

ОГОНЬ, ВОДА

Вот представьте: лето, время после полудня. Тьмутаракань — Тамань. Справа Азовское море, слева — Черное, между ними бесконечные виноградники. Небо над головой выцветшее, тугое. Громкие звуки — рокот мотора трактора и голоса сборщиков винограда, стук молотка

и визг пилы — отскакивают от него и с удивительной точностью падают прямо на голову. Ах, где мой кондиционированный кабинет с удобным креслом у компьютера?

Мы с пиарщиком винодельни «Фанагория» идем к небольшому одноэтажному зданию с громким названием «Бондарный цех». Вокруг высятся штабеля коротких досок и кучи рогоза. Скромным подобием небесного светила золотится «солнышко» наполовину собранной бочки.

— Наш Владимир Григорьевич — очень опытный бондарь! — оживленно рассказывает пиарщик. — Самый известный в нашей стране мастер, можно сказать, Главбондарь Всея Руси! Вот сейчас мы зайдем в цех...

Мне уже сказали, что женщин-бондарей в природе не бывает, не дамское это дело, но хотя бы гендерного равенства ради я хочу разобраться в процессе. Теоретически, разумеется. К практике я решительно не готова.

Вообще-то я очень мало что знаю про бочки. Всего три факта, если честно. Первый: в пустой бочке жил Диоген. Второй: в засмоленной бочке путешествовал князь Гвидон с матушкой. Третий: в бочке с мальвазией был утоплен некий английский вельможа.

— Кстати, чтобы вы знали, Диоген жил вовсе не в бочке, а в глиняном сосуде для вина! — словно подслушав мои мысли, говорит пиарщик. — У древних греков не было деревянных бочек.

— И бондарей, — с пониманием киваю я.

И некому было присвоить почетное звание Главбондарь Всея Древней Греции...

— Знакомьтесь: Владимир Григорьевич Присяжнюк! — торжественно объявляет пиарщик и куда-то исчезает.

Вместе с забортной жарой и моим раздражением.

Я смотрю на бондаря. Бондарь смотрит на меня. Не знаю, что думает он при виде блондинки в шортиках, а я думаю, что Диоген тут и в самом деле лишний. У бондаря мудрый взгляд настоящего философа, постигшего все возможные виды дзена без отрыва от производства. Бондарь благообразен, доброжелателен, спокоен и держится с таким достоинством, что в другой обстановке я приняла бы его за университетского профессора. Он как-то сразу располагает к себе, с ним хочется делиться сокровенным, и я с разбегу каюсь:

— Я ничего не знаю про бочки!

— Сейчас я вам все расскажу и по возможности покажу, — абсолютно невозмутимо реагирует на мое шокирующее признание добрый бондарь.

А ведь про бондарей я, признаться, знаю даже меньше, чем про бочки. Главным образом, то, что бондарь, он же бочар — вымирающая профессия, которая в былые времена была одной из наиболее востребованных. Об этом ясно говорит тот факт, что в рейтинге «Топ-500 самых распространенных фамилий» Бондарев занимает 292-е место, а Бочаров и вовсе 255-е. Представьте, сколько на Руси было бондарей, если их потомки распространились так широко.

— Бондарем может стать каждый, — говорит Владимир Григорьевич. — Тут никакие особые таланты не нужны. Было бы терпение. Терпения нужно много. — Он делает паузу, задумчиво добавляет: — А еще нужна крепкая спина, — и проводит для меня экскурсию, в ходе которой я понимаю, что в работе бондаря умственный и физический труд сочетаются куда гармоничнее, чем в деятельности журналиста.

Теперь я простыми, доступными каждому словами вкратце изложу рецепт изготовления бочки, как сама его поняла.

Для начала возьмите здоровый и крепкий кавказский дуб в возрасте

от 70 до 130 лет. Вам понадобится часть идеально прямого ствола между корнем (пилите на полметра выше него) и первыми сучками (пилите на полметра ниже). Дубовый чурбак строго по сердцевидному лучу распилите или расколите на длинные плашки — клепки и оставьте их сушиться на воздухе года на полтора, хотя можно и лет на двадцать. Созревшие дощечки обстругайте, отшлифуйте, выберите 30 максимально близких по толщине и соберите по диаметру обручей в остов. Сначала у вас получится нечто растопырчатое, отдаленно напоминающее ромашку — это нормально. Потом, когда вы продемонстрируете

похвальную крепость спины и слаженность действий с помощником и перевернете эту громоздкую конструкцию, не рассыпав ее, деревянный «букет» с помощью обручей (их нужно 8) примет должную форму. Добавьте донья. Залейте бочку мягкой водой, несколько раз прополощите, потом добавьте щелочь и пропарьте. Да, чуть не забыла! Бочку еще нужно обжечь изнутри на открытом огне. После обжига — стягивание, затем обработка на станке, чтобы крепкая бочка стала еще и красивой.

Несложно ведь, да? Шучу.

Как он все это делает, я так и не поняла. Мистика какая-то! Мастер выявляет достоинства и недостатки дерева, заготовок, бочки на разных стадиях сборки по звуку, каким живое дерево отзывается на стук по стволу, по желтизне опилок, по аромату дуба, по цвету и толщине колец на срезе, на глаз, интуитивно и волшебю. Инструменты и приборы в процессе, конечно, тоже используются, но мне показалось, что мнение мастера имеет наибольший вес.

— Владимир Григорьевич, а как же вы говорите, что бондарем может стать каждый? — спрашиваю я недоверчиво. — Вот этой вашей магии — посмотрел и как просканировал, стукнул и по звуку все понял — разве можно научить?

— Я же научился!

— А как научились и у кого?

— Был у меня дядька, а у него столлярная мастерская. Он там бочата ремонтировал, кадки, всякую кре-

стьянскую утварь. Пришел я к нему еще пацаном и попросил: «Дядька Данила, сделай мне лыжи!» А он мне: «Лыжи тебе? Хочешь лыжи — пойд и сделай!» Пришлось учиться — пилить, строгать, шлифовать... Как я мучился, чтобы сделать лыжам загнутые носы. Для этого в один технологический процесс пришлось объединить чугунок с вареной картошкой, веревку и металлические прутья кроватной спинки...

Я пытаюсь все это себе представить, но выходит какая-то художественная инсталляция, поэтому просто спрашиваю:

— Получились хоть лыжи-то?

— Получились.

— А дальше тоже было по принципу дядьки Данилы? «Хочешь бочку — пойд и сделай!», да? Вы свою первую бочку помните?

— Помню. Бочка была на четыреста литров, для коньячного спирта.

— А вообще судьбу своих произведений знаете? — у меня после всего увиденного язык не поворачивается назвать бочку изделием.

— В основном, да. Я у людей, которые купили бочку, всегда через какое-то время интересуюсь, получили ли они в результате то, что задумывали, не хотят ли что-то изменить. Люди охотно рассказывают, часто даже привозят попробовать продукт, который вызрел в нашей бочке.

Кстати, про продукт. Несмотря на то, что прогрессивное человечество во множестве производит пластиковые, стеклянные и эмалированные

емкости, деревянную бочку списать на свалку истории никак невозможно. Высококачественное вино, бренди, виски, коньяк и другие благородные спиртные напитки должным образом «дышат» и созревают только в дубовых бочках. Именно дуб придает напиткам нужные оттенки вкуса.

При этом из всех сортов дуба для бочек годятся только три, среди них — наш, кавказский. Поэтому бочки Владимира Присяжнюка из мастерской разъезжаются чуть ли не по всему миру. Например, прямо сейчас в этих бочках в далекой Шотландии сонно дышит виски Гленморанджи и Вильям Грантс.

— Мы поставили в Шотландию две партии наших бочек, — рассказывает Владимир Григорьевич. — К сожалению, потом начались санкции, и наше сотрудничество прекратилось. Но сейчас мы при поддержке российского консульства в Шотландии хотим восстановить деловые отношения, готовимся проехать по вискокурням, показать свою продукцию.

— Неужто в Шотландии нет своего дуба?

— Дуб — он всюду разный. Тот, что растет в предгорьях Кавказа, очень ароматный, насыщенный. Французы, испанцы, итальянцы покупают именно этот дуб.

— На дегустации мне сказали, что кавказский дуб по характеру как мужчина-горец: темпераментный, дружелюбный, очень-очень общительный...

— Тогда французский дуб, получается, среднего рода! Вежливый, но

безразличный, — смеется мой собеседник. — Но доля правды тут есть: кавказский дуб действительно очень богат танинами и активно делится ими с содержимым бочки.

— Получается, все бочки штучные, у каждой свои характеристики?

— Нет. Вся ценность нашего производства — в стабильности. Мы стараемся каждую бочку выдать с определенными параметрами. Это очень сложно, конечно. Мы привозим примерно пятьдесят кубов древесины в круглом виде. Один дуб рос ближе к воде, другой на почве, богатой минералами. Мы приводим их по возможности к общему знаменателю — выпариваем лишние танины.

— Сами-то пользуетесь своей продукцией в быту?

— Пользуюсь. Дома в Апшеронске подвальчик сделал. Правда, дома-то я только в выходные бываю, всю неделю — здесь, на производстве. Работы очень много, я тут с утра до вечера. Порой и в выходные, потому что надо постоянно что-то думать, совершенствовать, отслеживать тенденции, искать новые приемы и методики, чтобы не выпасть из колеи.

— Парадокс получается, — замечаю я. — Профессия вымирающая, а отрасль активно совершенствует технологии?

— Кто это тут вымирающий?! — обижается мастер. — Вот вы сейчас у нас в мастерской. Вы разве заметили, что мы вымираем?

— Так мне же ваши пиарщики и маркетологи уже раз пять сказали:

«Бондарь — вымирающая профессия»!

— Пиарщики-маркетологи? Такие люди, которые при словах «естественные химические процессы» представляют себе зеленый листик с капелькой росы? Они все упрощают, — машет рукой Владимир Иванович. — Я же не последний бондарь на планете. На самом деле, за те почти двадцать лет, которые я этим делом занимаюсь, через мастерскую немало ребят прошло. Все обучились и где-то работают. Один парень из наших в Питер уехал и там аж две бондарных мастерских обнаружил. Правда, специалистов действительно мало, поэтому мы всегда рады друг другу, охотно общаемся, обмениваемся опытом.

— А что записано в трудовых книжках у бондарей?

— Станочник деревообрабатывающего оборудования. Бондарь в едином тарифно-квалификационном справочнике есть, но это человек, который обслуживает бочки, а не делает их.

— А есть ли у вас, так сказать, бочка мечты? Такая, какой еще не было, а хочется сделать?

— Самая главная наша цель — создать бочку для сухого вина. Это очень непросто из кавказского дуба, но у нас уже кое-что получается. Так что работа у бондаря есть, желание отлично ее сделать тоже есть... Авось, не вымрем! □

Беседовала **Елена Логунова**

Марина Зайцева (Тольберг)

ИЮНСКИЙ МОТИВ

Стремительный, как шквал, июньский дождь —
И долгожданный! — хлынул во всю мощь.
Но тучи распластались над землей,
И дождь продлился — нудный, затяжной.

Три дня он льет над полем и над садом.
Восторг уже сменяется досадой.
Ему, и впрямь, пора уgomониться.
Нахохлившись, молчат на ветках птицы.

Прохожие, сутулясь под зонтами,
Форсируют шумящие потоки.
Газоны, как намокшие татами,
Напомнят, что живем мы на Востоке,

Где климат, как всегда, непредсказуем —
Партнер такой — понять его непросто.
Где оптимизм порою наказуем, —
Когда забудешь, что такое Остров!

Но ты ведь знаешь: самый долгий дождь
Имеет свойство все же прекращаться.
И потому не стоит огорчаться,
Что чуть не вплавь по улице бредешь.

Сергей Лемешев

Евгения Белогорцева

Народный Ленский Большого театра

В пятидесятые существовало слово, почти забытое сейчас, — «сырихи». Означало оно поклонниц, преследовавших своих кумиров — артистов, певцов. «Сырихами» их называли потому, что дежурили они чаще всего на углу улицы Горького (нынешней Тверской) и Георгиевского переулка, где находился магазин «Сыр». Туда-то в морозные дни они и забегали погреться по очереди. Но почему дежурили они именно тут? Ответ прост — неподалеку жил знаменитый оперный певец Сергей Лемешев, за которым и следили барышни. Верхом удачи было увидеть, как он садится в машину после спектакля (для этого нужно было караулить у одного из многочисленных подъездов Большого театра) и как выходит возле своего дома. Самого Лемешева эти дамы, конечно, раздражали. Ходили даже слухи, что это он дал им такое несимпатичное прозвище. Об этом теперь уже не узнать, зато можно вспомнить, каким же человеком был Сергей Яковлевич, один из самых прославленных оперных певцов своего времени.

Родился Сергей в 1902 году под Тверью, в селе Старое Князево. В семье постоянно пели — и у отца, и у матери был отличный слух. Поженились Яков Степанович и Акулина Сергеевна без родительского благословения, ни приданого, ни земли не получили, поэтому жили очень бедно. Отец семейства регулярно отправлялся на заработки в Тверь, а матери приходилось практически одной поднимать троих детей.

Сам Сережа тоже постоянно пел, но, стесняясь своего этого увлечения, пел в основном в лесу — собирая грибы и ягоды, да еще на рыбалке.

Когда ему исполнилось десять лет, умер отец, и вопрос помощи ма-

тери встал еще более остро. Где мог, Сергей нанимался на работу — молотить хлеб или сторожить лошадей в ночное время. По правилам тех лет, в четырнадцатилетнем возрасте дядя отвез его «в люди» — учиться в Санкт-Петербурге сапожному делу. И хотя ремеслом много было не заработать, большой город сделал свое дело — мальчик впервые увидел театр, оперу, кинематограф и понял, что пение может быть не только увлечением, но и профессией.

Во время революции оставаться в столице было небезопасно, и Сергей с дядей вернулись в родную деревню.

И тут у него волей случая появилась возможность обучаться пению. Дело в том, что бывшие хозяева барской усадьбы, Квашнины, не противились советской власти, а потому имели возможность помогать своим бывшим работникам и их детям. Николай Квашнин, по профессии инженер-строитель, а в душе страстный театрал и любитель музыки, услышав, как за работой поют Сергей и его брат Алексей (у того тоже был отличный голос), пригласил юношей учиться в домашней школе. И если брату это показалось блажью, то Сергей со всей серьезностью взялся за учебу.

Учила ребят жена Квашнина, Елена Николаевна. Сама она когда-то окончила Саратовскую консерваторию, так что могла преподавать и вокал, и нотную грамоту, и литературу, и языки. Именно благодаря этому,

*Сергей Лемешев
и Зоя Федорова
в фильме
«Музыкаль-
ная история»*

почти семейному, обучению Лемешев разучил партию Ленского, сыгравшую в его жизни важную роль.

Постепенно музыка становилась все более значимой частью жизни Сергея. И вот однажды он, подобно Ломоносову, «по морозу пошел к своей мечте». Правда, в отличие от архангельского паренька, пройти ему пришлось «всего» сорок верст до Твери. Остановившись у знакомых, Лемешев явился в городской клуб самодеятельности и предложил показать свой репертуар. Исполняемые им песни понравились руководителю клуба — Николаю Сидельникову, и тот позволил молодому человеку выступить вечером.

Успех ошеломил Сергея. Ему аплодировали, советовали непременно продолжать обучение, однако реально помочь пока никто не мог.

И он... отправился обратно домой. Но мечта о пении сидела в нем так глубоко, что через полгода он нашел-таки способ вернуться в город: поступил в кавалерийское училище, получив тем самым жилье, питание, форму и даже пособие. Все свободное время он посвящал посещению театров и концертов, на одном из которых смог даже услышать своего кумира — Леонида Собинова. Если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что не пройдет и десяти лет, как он будет петь Ленского в Большом театре, как пел Собинов, и будет знаком со знаменитым тенором, Сергей едва бы поверил.

Когда появились деньги, он пошел учиться в школу к Сидельникову, а через полтора года смог поехать в Москву, где поступил в консерваторию. На момент его поступления конкурс составлял около 500 чело-

*Сергей Лемешев
на сцене*

Справа:

*с женой Ириной
Масленниковой*

век на всего лишь двадцать пять мест. И Лемешев с успехом обошел всех конкурентов.

Однако поступление было только половиной успеха. Внезапно Сергей обнаружил, что пел все это время неправильно, и нужно заново ставить голос, учиться верно его использовать и дышать. Он вспоминал: *«Я считал, что учиться пению просто и приятно, а это оказалось столь мудро, что и осилить-то почти невозможно. Я никак не мог понять, как надо петь правильно! То упускал дыхание и напрягал мышцы горла, то мне начинал мешать язык. И все же я был влюблен в свою будущую профессию певца, которая казалась мне лучшей на свете».*

Попутно с обучением в консерватории Лемешев учился сценическому мастерству у Константина Сергееви-

ча Станиславского, чтобы уметь не только исполнять оперные партии, но и драматически их отыгрывать. *«Под непосредственным руководством великого мастера русской сцены я приступил к изучению своей первой роли — Ленского. Конечно, всю пушкинскую характеристику Ленского, как, впрочем, и весь роман, я знал наизусть и, мысленно твердя его, непрестанно вызывал в своем представлении, в своих чувствах ощущение образа юного поэта»*, — писал потом сам артист.

По окончании учебы Лемешев решил дать концерт для широкой публики. Несмотря на всю амбициозность такого решения, его ждал оглушительный успех. На гонорар от этого выступления он купил матери новый дом.

Ему грезились Большой театр, однако после прослушивания ему были

предложены роли второго плана — пока. А вот директор Свердловского театра оперы Арканов предложил выпускнику первые, но — в Свердловске. И Лемешев согласился, отложив пока главную сцену на будущее.

Эти пять лет — с 1926 по 1931 год — прошли не только в Свердловске. Лемешев гастролировал по всей стране и за ее пределами, два сезона и вовсе провел в Харбине, а завершил свое триумфальное шествие в Тифлисе.

Этого было более чем достаточно, чтобы его приняли в Большой театр и сразу дали петь ведущие партии. Наряду с Иваном Козловским он стал звездным тенором театра. У Козловского «сырих» было не меньше, и девушки эти порой вступали в настоящие битвы, доказывая, кто из их ку-

миров «лучший Ленский». Однако на дружбе двух певцов это не сказывалось — друг к другу они относились тепло и однажды — на юбилее Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой — даже вместе спели.

Однако это были совершенно разные, с точки зрения исполнения, певцы — более ироничный, резковатый Козловский, и лиричный, нежный Лемешев. Именно его называли продолжателем собиновской певческой традиции.

В Большом театре Сергей Яковлевич нередко выступал на сцене, когда за пультом стоял Борис Эммануилович Хайкин. Вот что говорил дирижер о своем партнере: *«Я встречался и выступал со многими выдающимися артистами разных поколений. Но среди них есть только один,*

Справа:
с женой
Верой
Кудрявцевой

которого я особенно люблю, — и не только как товарища по искусству, но, прежде всего, как артиста, оза-ряющего счастьем! Это Сергей Яков-левич Лемешев. Его глубокое ис-кусство, драгоценный сплав голоса и высокого мастерства, результат большой и упорной работы, — все это несет печать мудрой просто-ты и непосредственности, проникая вам в сердце, задевая сокровенней-шие струны. Где бы ни появилась афиша, извещающая о концерте Ле-мешева, заведомо известно, что зал будет переполнен и наэлектризован! И так на протяжении пятидесяти лет. Когда мы с ним выступали вместе, я,

стоя за дирижерским пультом, не мог отказать себе в удовольствии украдкой посмотреть в боковые ло-жи, доступные моему взгляду. И я видел, как под воздействием высо-кого артистического вдохновения одушевлялись лица слушателей».

За двадцать пять лет в театре Сергей Яковлевич спел множество партий как из русской, так и из ми-ровой классики: Герцога в «Риголет-то», Альфреда в «Травиате», Рудоль-фа в «Богеме», Ромео, Фауста, Вер-тера, а также Берендея в «Снегуроч-ке», Левко в «Майской ночи», Вла-димира Игоревича в «Князе Игоре» и Альмавиву в «Севильском цирюль-

нике». Своего любимого Ленского Лемешев спел в Большом пятьсот раз. И специально — в пятьсот первый, на собственном юбилее в 1972 году.

Постоянно он работал здесь до 1957 года, впоследствии иногда возвращаясь, но большую часть своего времени все же посвящая режиссуре и педагогике: преподавал в Московской консерватории и поставил две оперы — «Травиату» и «Вертера».

Своего образования он никогда не прекращал. Осваивал и эстрадный репертуар, и камерные партии, и романсы — Лемешев пел все романсы Чайковского, общим числом — около ста.

Один раз в жизни Лемешева случился кинематограф — в 1939 году он снялся в картине «Музыкальная история», где партнершей его стала Зоя Федорова. Безусловно, фильм добавил ему популярности, однако сни-

маться Сергей Яковлевич больше не захотел: *«На экране — не в театре, здесь ничего не исправишь».*

Во время войны Лемешев не отправился в тыл, а оставался в Большом театре, продолжая петь своего Ленского, тем самым поддерживая город и жителей, оставшихся в нем. Однажды спектакль «Евгений Онегин» пришелся как раз на время бомбежки. И пока на сцене шла дуэль Онегина и Ленского, в небе над Москвой сражались советские и немецкие самолеты. Публику трижды отправляли в убежище, но затем спектакль продолжался, артисты не могли не довести его до конца. Генерал Иван Журавлев говорил Лемешеву: *«Как это хорошо, что вы остались! Сейчас так важно, чтобы Большой театр работал. Ведь это символ нашего города. Символ непобедимости».*

*Сергей Лемешев
на сцене*

Выступая с фронтовыми бригадами, Сергей Яковлевич сильно простудился, и врачам даже пришлось «отключить» одно легкое. Выступать ему, разумеется, было запрещено, да и много ли споешь вполсилы? Но Лемешев не был бы собой, если бы не стал разрабатывать оставшееся легкое, чтобы лишь им исполнять весь свой репертуар: *«Поначалу я не мог петь, задыхался — ведь работало только одно легкое. Врачи разрешили одно-два выступления в месяц, однако я приспособился и пел три-четыре спектакля в месяц до 1948 года».*

Несмотря на популярность, в работе Лемешев всегда оставался человеком трудолюбивым и, как ни странно, скромным. Однажды в Советский Союз приехали мировые знаменитости — солисты парижской

«Гранд-опера»: сопрано Жори Буэ и баритон Роже Бурден, — петь Татьяну и Онегина. Ленского пел Лемешев. Никто не предупредил французов, что будет, когда на сцене появится Лемешев. Зал взорвался такими аплодисментами, что пришлось приостановить спектакль. Французы даже испугались — ведь их тут знают мало, отчего такие овации? Когда им все объяснили, француженка изумленно воскликнула: *«Кто бы мог подумать? Ведь Лемешев на всех репетициях держал себя так скромно».*

Личная жизнь певца была бурной — только официально он был женат пять раз. Женщины Лемешева обожали — ведь он не только обладал волшебным голосом, но и был очень хорош собой. Будучи к тому же чрезвычайно влюбчивым, он словно давал каждой из ожидавших его

у дверей театра поклонниц шанс быть когда-нибудь замеченной.

Первой женой артиста была Наталья Соколова, дочь его учителя, второй — Алиса Корнева-Багрин-Каменская, третьей — актриса Любовь Вазер. Они расстались с Лемешевым из-за его постоянных увлечений другими женщинами.

Только в четвертом браке — с певицей Ириной Масленниковой — у Сергея Яковлевича родилась дочь Мария, которая пошла по стопам родителей. С 1943-го, когда они впервые встретились, и до 1950 года Ирина Ивановна была постоянной партнершей Лемешева почти во всех постановках. *«Петь с ней было очень удобно. Мы подходили друг другу по лирическому звучанию голосов и по внешним данным. Это был подлин-*

ный ансамбль, который принес мне много творческой радости», — вспоминал впоследствии Лемешев. Однако через несколько лет этот брак тоже распался.

Пятой супругой — на долгие двадцать пять лет — стала оперная дива Вера Кудрявцева. С ней Лемешев проживет до самой своей кончины. Когда вышел в свет сигнальный экземпляр его книги «Путь в искусство», Сергей Яковлевич лежал с инфарктом в больнице. Там, на больничной койке, он сделал в книге такую надпись: *«Моему дорогому и верному другу, помощнику и советчику во всех моих делах. Любимой жене моей Вере. Сергей».*

Лемешева не стало 26 июня 1977 года, похоронен он на Новодевичьем кладбище. □

«Я проснулась»

24 дня назад

— Олег, взгляни, что это? — Рабочий в замызганном комбинезоне дважды ударил ломом по чему-то твердому и обернулся. Его напарник охотно отбросил совковую лопату, которой грузил землю на носилки, и, подойдя, наклонился:

— Черт его знает. Вроде, плита, — пожал он плечами. — Возись, блин, теперь с ней! — и с досадой пнул находку грязным сапогом. — Вручную не справимся, тут бульдозер нужен. Или хотя бы пара лебедек. Короче, Славина звать придется, пусть решает.

— Тогда я схожу, позвоню, а ты пока расчищай.

Спустя два часа плиту подкопали, обвязали тросами и с трудом сдвинули с места. Протащив метра два, остановились. Теперь в подвале было уже шестеро рабочих, но тяжесть и для них была огромная — тесаный каменный монолит. Плюнуть бы, да оставить у стены. Но хозяин велел вытаскивать — будет сооружать сауну с бильярдной, и никакие уродские плиты с такой затеей не сочетаются.

— А это что за хрень? — Олег ковырнул ногой мягкую землю на том месте, где лежала плита. — Тазик, что ли? Фарфоровый, вроде. А в нем тряпки гнилые.

— Да и плита непростая, какие-то буквы не наши на ней выбиты. И не английские, а то я бы узнал. — Совсем молодой парнишка с выбритым затылком наклонился, обмахивая почерневший камень брезентовой рукавицей. — Может, ученых позвать?

— Каких ученых?! — заорал Славин, тощий и нервный бригадир строителей. — Вытаскивайте эту дрянь отсюда и в машину! На свалку, чтобы и духа ее не было!

— Как скажешь, — пожал плечами Олег, поворошив истлевшие лоскутья. Под ними была какая-то прелая труха, больше ничего. Нет, что-то еще звякнуло — почерневший, смятый кусок металла. Едва взглянув, он сунул находку в карман. — На свалку, так на свалку.

Первый день

Дина сложила мокрый зонтик и потянула на себя дубовую дверь. Та распахнулась на удивление легко и плавно, словно ждала именно ее, Дину Логунову, ответственного и трудолюбивого сотрудника. Вернее, пока еще только соискателя, но почему-то именно эта солидная и податливая дверь вдруг вселила уверенность, что ее возьмут на работу. Не могут не взять.

Из фирмы, где она проработала без малого два года, Дине пришлось уйти, потому что вновь назначенный начальник оказался из породы непробиваемых кобелей, считающих всех работающих под его чутким руководством девушек и женщин чем-то вроде личного гарема. В общем, противный тип распустил волосатые ручки, схлопотал по физиономии, и Дине пришлось уволиться, хотя должно было быть как раз наоборот. Ага, размечталась!

Рассылка резюме, телефонные переговоры и собеседования — не слишком веселое занятие. И все было не то. Вот только сейчас вдруг появилось ощущение, что поиски завершены: она будет работать тут, в двухэтажном особнячке с чисто вымытыми окнами, с латунной ручкой на двери и с мрачным секьюрити за стойкой, перегораживающей холл. Парень взглянул на Дину и вопросительно поднял бровь.

— Я к заместителю директора. Логунова Диана Михайловна.

— Второй этаж, там увидите приемную, — кивнул охранник.

— Спасибо.

Она поднималась по лестнице, спиной чувствуя его взгляд. Не обычный, вдоль и поперек оценивающий, а какой-то грустный и даже тоскливый. Сочувствующий, что ли. И еще странная вещь — в холле около лестницы на полу валялись розы. Живые розы со слегка увядшими лепестками, и отдельно — лепестки. Казалось, что по цветам ходили. Что за ерунда, уборщицы у них нет, что ли?

Секретарша в приемной не заставила ее ждать, сразу указала на дверь:

— Входите, Илья Викторович у себя.

Собеседование прошло почти молниеносно. Впрочем, вчера она уже разговаривала по телефону с менеджером по кадрам, так что только по-

казала документы, на которые работодатель глянул лишь краем глаза. Хотя мог бы быть и повнимательнее — вдруг к нему явилась авантюристка с поддельным дипломом. Довольно молодой и импозантный мужчина выглядел каким-то затравленным и замученным и почти не смотрел на Дину. А она так старалась: волосы укладывала, костюм выбирала, даже очки новые купила. Деловая женщина без всяких признаков охотницы до адюльтеров, но со стройными ногами и острым умом. Да-с! И по такому ценному приобретению лишь скользнуть совершенно незаинтересованным взглядом?

Хотя, дружок, ведь ты и хотела, чтобы никаких неприличных поползновений? Ну, так получите желаемое! Выглядел заместитель директора так, словно один-одинешенек пахал за целую фирму без сна и отдыха. И при этом все время боялся сделать что-то не так. Кстати, а почему у него такие тени под глазами? Впрочем, до теней под чьими-то глазами Дине не было дела. Главное, ей сказали, что она принята, и завтра может приступить к работе. Остальное — к Ивану Сергеевичу.

Удивительно, но Иван Сергеевич, тот самый, которому она вчера звонила, выглядел не лучше своего босса — что-то мямлил, дергался и все время потел. Наконец, почувствовав, что Дина впадает во все большее недоумение, он ее просто выставил, сказав, чтобы завтра в девять приходила в пятую комнату. Тогда заодно все и оформят.

Дина вышла в коридор, постояла, задумчиво потирая переносицу, и отправилась на первый этаж искать пятую комнату. Надпись на двери гласила: «Группа рекламы и маркетинга». Судя по размерам помещения, вся группа должна состоять из полутора человек, потому что увалень, сидевший за компьютером и флегматично гоняющий шарики в «Лайнс», занимал как раз две трети пространства. А крошечный столик в углу, очевидно, предназначался новому сотруднику, то есть ей, Дине Логуновой.

— Привет! — Девушка вошла и закрыла за собой дверь. — Давайте знакомиться, я с завтрашнего дня буду тут работать. — Она кивнула на пустой стол и представилась: — Диана Михайловна Логунова. Можно просто Дина. Не выношу, когда меня называют «леди Ди».

— Ага, — подумав, ответил увалень. — Привет, привет! Работать, значит? — Он вздохнул и добавил: — Ну-ну.

— Что значит «ну-ну»?! — рассердилась Дина. Почему бы хоть кому-то не проявить положительные эмоции при ее появлении, черт подери! — Или тут у вас делать совершенно нечего?

— Ну почему, нечего? — вздохнул парень. — Делать всегда есть чего, да только кому это теперь надо?

— В смысле? — от изумления Дина плюхнулась на стул. — Мне сказали, что «Альтаир» — фирма стабильная, с хорошей репутацией и перспективой.

— Ну да, репутация... Да. Меня Женей зовут, — непоследовательно сообщил увалень.

На вид ему было под тридцать, но Дина дала бы меньше. Круглое равнодушное лицо, маленькие глазки и безвольный рот. Типичный пофигист-переросток, дитя компьютера. Не слишком ей повезло с соседом, что ни говори.

— А вообще, чем конкретно заниматься приходится? — поинтересовалась она, покосившись на кипу бумаг, складированную на журнальном столике. Судя по кофейным пятнам, бумаги лежали нетронутыми довольно давно.

— Реклама, маркетинг, пресс-релизы, прайсы, буклеты... — уныло перечислил Женя. — Ничего особенного.

— Ну ладно, тогда я пойду, — не выдержала его тоски девушка. — До завтра.

— До завтра, — буркнул в ответ будущий сосед, водя мышкой. — И это... чашку с ложкой принеси, иначе кофе пить будешь из одноразовых стаканчиков.

— Кофеварка или растворимый?

— Кофеварка. Эта... эспрессо. До кофе-машины еще не доросли.

— Пойдет.

— Вот и хорошо. Счастливо!

В холле было все так же пусто, только унылый охранник и умирающие под ногами розы. Стараясь не наступить на цветы, Дина простучала каблучками к выходу и испытала непонятное облегчение, когда распахнула дверь, и влажный ветер швырнул ей в лицо дождевые капли и растрепал волосы.

За удаляющимся силуэтом девушки из-за забрызганного дождевыми каплями стекла равнодушно следили глаза. Только на миг веки опустились, а когда опять взметнулись, показались янтарные радужки, перечеркнутые вертикальными зрачками.

Следующий взмах аккуратно покрытых тушью ресниц погасил медовый свет, такой неуместный в стильном бело-сером интерьере офиса.

24 дня назад

Илья стоял у раскрытого окна, покачивался с пяток на носки. Вуалехвост в цилиндрической емкости тарацил глаза и толстыми губами делал глотательные движения. Эту линияло-оранжевую брюхастую рыбу Илья не слишком любил. Но она, вкупе с аквариумом и пластиковой фиолетовой веткой, изображавшей водоросль, служила элементом декора кабинета.

Вот если бы элемент этот еще не глядел на окружающих с таким тупым презрением...

— Подвал очистили, Илья Викторович, — повторил Славин, видя, что Илья не реагирует на его слова. — Пол до «минус три» опустили, под конец какую-то дрянь выковыряли, мусор убрали. Можно яму под бассейн копать.

— Ну, так копай, — пожал плечами Илья. — А что за дрянь отрыли?

— Да так, плита какая-то, гнилье. А вот это я после у одного парнишки отобрал.

По буковой столешнице покатился кусочек черного металла.

— Что за фигня?

— Мы так и не поняли, безделушка какая-то. Металл белый, мы скоблили. В общем, выкинули бы, да решил вот вам показать.

— Ладно, спасибо за сувенир, — поморщился Илья, давая понять, что разговор окончен. — Завтра спущусь, посмотрю, как у вас там.

Вуалехвост лениво пошевелил хвостом и снова зашлепал губами. Илья покрутил в пальцах металлический комок. Больше всего он был похож на клубочек алюминиевой проволоки, обгоревший в костре, только тяжелый. Размером чуть побольше лесного ореха. А вот тут...

— ... би-и-рюзовый перстенок, — фальшиво пропел Илья и оглянулся, не слышит ли кто его бездарный вокализ.

Да, похоже, когда-то это было перстнем, серебряным или мельхиоровым, с камешком. И вид у него такой, словно его, по меньшей мере, танком переехали, а потом в печь швырнули. От камня не осталось и следа, а вот ложе для него и согнутые зубчики, которыми он удерживался, можно разглядеть. Черт, как же они называются? Неважно, вещица копеечная, хотя, возможно, и старинная. Особняку, арендуемому их фирмой под офис, почти двести лет — построили его после войны с Наполеоном.

Илья Викторович Селиванов, заместитель генерального директора ЗАО «Альтаир» по общим вопросам, бросил находку в пепельницу и вышел, чувствуя спиной равнодушный рыбий взгляд.

В приемной сидела Ираида, печатала для шефа какие-то справки. На площадке перед лестницей ругались два менеджера. Нашли место для выяснения отношений!

Из женского туалета выскочила Наталья, числившаяся веб-дизайнером, но занимавшаяся всем чем угодно, только не своими обязанностями. Завидев Илью, ринулась к нему, потрясая мокрыми руками:

— Сушилка опять сломалась, чтоб ей пусто было! Завтра день рождения Лорочки, Илья Викторович. Не забыли?

Всем в их дружном коллективе было известно, что Илья неравнодушен к хорошенькой, кудрявой, как овечка, Лоре Никольской.

— Не забыл, — буркнул он и нахмурился: — Вы это... когда новые каталоги на сайт зальете?

— Вот прямо сейчас и залью, — мгновенно соврала Наталья. — Можете считать, что они уже там!

Морщась, словно от зубной боли, Илья Селиванов проводил взглядом нерадивого веб-дизайнера и вернулся в кабинет. Там он достал из пепельницы грязный кусочек металла, сунул его в карман и, бросив на ходу Ираиде:

— Ушел на встречу с заказчиком, — покинул офис.

Как все же хорошо работать не в спальном районе у черта на куличках, а практически в центре — миновав стоянку, Илья вышел за ограду территории и направился через дворы в сторону оживленной улицы. Где-то там он видел маленькую неприметную вывеску. Почему бы не попробовать? Лорочка любит всякие серебряные побрякушки, так что есть реальный шанс соригинальничать и сделать по-настоящему эксклюзивный подарок. А не выйдет — черт с ним, выкинет да и все.

Зрительная память не подвела — «Металлоремонт и изготовление ключей» было написано на аккуратном пластиковом квадратике, висящем на столбике кирпичной ограды. И стрелка, указывающая во двор. Под стрелкой синим маркером приписано: «Также ремонт бижутерии». Илья быстро отыскал в торце ближайшего дома дверь в полуподвал и спустился по выщербленной, но чистой лестнице в небольшую каморку.

За столом, уставленным какими-то приспособлениями и заваленным инструментом, сидел усатый старик в синем халате. Он что-то тщательно записывал в потрепанную амбарную книгу. Услышав шаги, отложил ручку и опустил на крупный бугристый нос очки.

— Здравствуйте! — Илья не стал тянуть и выложил на стол металлический комок. — Скажите, с этим что-то можно сделать?

— Здравствуйте, — ответил старик, двумя пальцами взял вещицу, поднес к очкам и принялся вертеть перед ними. — Перстень. Был. Ну, сделать-то можно — распрямить, отшлифовать... А вот тут оплавилось, но подрезать не проблема. Старинное изделие. Когда-то я ювелиркой занимался немного, да и сейчас иногда — бабки то брошку сломанную тащат, то... — Он еще раз взгляделся в металлический катышек и хмыкнул: — Но даже если приведу в порядок, то стоит вряд ли будет больше, чем за работу отдадите.

— Не проблема, — пожал плечами Илья. — Вот только... мне завтра утром уже надо, часов в девять. Успеете?

— Завтра? — Старик пошевелил губами и кивнул: — Успею. Бессонница у меня, почему же не сделать? Но за срочность... в общем, сто долларов. Согласны?

Илья тут же полез за бумажником.

— Э, нет! — протестующе поднял ладонь старик. — Завтра и заплатите. Вдруг не понравится.

Он развернулся к стоящему у него за спиной небольшому станку и принялся крутить на нем какие-то рукоятки.

Поняв, что аудиенция окончена, Илья молча вышел из мастерской. Перстень, конечно, дело хорошее, но надо бы подстраховаться и купить что-то еще — на случай, если из артритных пальцев старика выйдет нечто несуразно-аляповатое, духи, например, или игрушку какую-нибудь. И цветы по дороге на работу. Лорочка — очень милое существо, веселое и домовитое, именно такая жена нужна Илье, хватит, надышался воздухом свободы, пора о семье и наследнике подумать.

От этих мыслей Илья Викторович Селиванов пришел в отличное расположение духа и отправился искать подарок.

А старик, сдвинув на лоб очки, склонился над кусочком почерневшего металла, зажатым в крошечных тисочках...

Мягкой лапкой по стеклу, размазать влажные потеки, нарисовать смешную мордочку и стереть. Я была ребенком, всего лишь ребенком. А детей нельзя заставлять страдать. Слышите?! Даже таких, как я.

Но мне дали еще одну жизнь — за гранью той, которую отняли. И я пытаюсь понять, зачем. Ответ пока один — заставить других пережить мою боль и ужас. И неважно, кого заставить — пусть ответят те, кто тут сейчас.

Огромный алюминиевый глаз Луны тонет в наползающих облаках, меркнет и пропадает.

Знаете, на что похожа смерть? Нет, не на падающую тьму и забвение. Смерть похожа на долгий удар током, на страшный озноб. И после этого озноба очень трудно проснуться.

Но я — проснулась.

Второй день

Утром новое место работы поразило Дину еще сильнее, чем вчера. Первое, что она увидела в холле, была крышка гроба. Охранник выглядел не столько мрачным, сколько востроженным и потерянным.

— Привет! — Девушка кивнула на прислоненный к стене зловещий предмет: — Кто-то умер?

— А? — Парень был явно не в своей тарелке. — Вы разве не знаете? Хотя откуда... Козловского сегодня хоронят. — И, подумав, добавил: — Нет, уволюсь я, к чертовой матери, сил уже нет на все это смотреть! Хоть

бы в церкви все это устраивали или в крематории... А то прямо отсюда носят, блин. Царствие им небесное...

— Как носят? — уставилась на несчастного секьюрити Дина. — Этот... Козловский, он что, не первый умер?

— Пятый. За две недели. Нет, за шестнадцать дней. Первым завхоз был, Фалалеев. Или Наталья? Да, кажется, она на день раньше Фалалеева. Потом подряд две бухгалтерши, я уже и фамилий не помню. За ними представился менеджер по рекламе, Шевченко Вадик. Вчера хоронили. Хороший парень был, давал мне книжки почитать и вообще. Родители увезли гроб хоронить в Тулу, поэтому кладбища и поминок, слава богу, не было, только панихида... Нет, уволюсь я, не могу больше! — Охранник нервно почесал шею и взглянул на Дину так, словно она могла ответить на вопрос, что за мор напал на сотрудников «Альтаира».

— Интересно получается, — растерялась Дина. — Их что, убили? У вас маньяк завелся?

— Да нет, все умерли от естественных причин. Один — от инфаркта, двое — от саркомы, Козловского удар хватил. Инсульт. Три дня в коме пробыл. А бухгалтерша одна — от тромба в сердце. Операцию недавно ей делали, вот тромб и образовался. Я раньше в мединституте учился, со второго курса ушел, так что понимаю, что никакая это не эпидемия и не убийства. Но страшно — просто до дрожи. Никогда так не боялся.

— Тебя как зовут? — сочувственно спросила Дина.

— Роман я. Извини, совсем голову потерял. И знаешь, я бы тебе не советовал сюда устраиваться. Черт его знает, что тут творится. Я уже и с дозиметром по зданию прошелся, и знакомых парней из СЭС уговорил наведаться, радон или пары ртути какие-нибудь поискать. Говорят — чисто. А мы тут все только и смотрим друг на друга: кто следующий. Пятеро уже уволилось.

— А сколько всего человек тут работает?

— Сорок восемь... было. Осталось тридцать восемь, — мгновенно ответил Роман. Ты — тридцать девятая.

— М-да... — Дина почувствовала, что ей становится очень неудобно в этом славном особнячке. — А гендиректор что говорит?

— Уехал, — почему-то шепотом сообщил охранник. — Взял отпуск и укатил. Перед тем, как Вадик... То есть, дней пять назад. А заместитель его Селиванов упорно делает вид, что ничего не происходит. Дескать, стечение обстоятельств. Правда, Ираида сказала, что он велел Ивану Сергеевичу, чтобы больше никаких гробов в офисе. После Козловского. Ну, хоть так...

— Значит, пятеро умерли. А еще пятеро сбежали...

— Уволились, — кивнул Роман. — И я их понимаю. Условия тут, конечно, хорошие, платят нормально. Но жизнь дороже. Мы тут сутками по-сменному дежуриим, так ночью даже у меня мурашки по коже.

Дина в задумчивости отправилась в комнату, которую теперь ей предстояло именовать своей. Проходя мимо приоткрытой двустворчатой двери, она с любопытством заглянула в нее. И тут же пожалела об этом — на большом столе, завешенном черным шелком, стоял открытый гроб. Плавно и неслышно передвигающаяся девушка расставляла рядом с ним вазы для цветов, а у стены потерянно топталась заплаканная женщина и двое мужчин. Одним из них был уже знакомый Дине Иван Сергеевич.

Бросив взгляд на видневшиеся из гроба пергаментно-желтые лоб и нос, Дина тут же тихо прикрыла дверь и на цыпочках помчалась прочь со всей возможной в такой ситуации скоростью.

Шмыгнув за дверь «Группы рекламы и маркетинга», она перевела дух. И тут же услышала мрачное карканье, скрежет и жуткий стон.

Сегодня Женя играл в «Готику». Нашел время...

Вяло поприветствовав Дину, он снова отвернулся к монитору и приглушил звук.

— И кому в голову пришло возить сюда покойников? — шмыгнув в свой угол, поинтересовалась Дина. — Эй, ты меня слышишь, коллега? Алле!

— А? — Увалень повернулся к ней и пожал плечами: — Понятия не имею. Вроде, так положено. Разве нет?

— Никогда с таким не сталкивалась. Обычно в крематории прощаются. Или на кладбище.

— Мы все тут одна семья! — с пафосом процитировал парень. — И в радости, и в горе! Корпоративный дух — форева!

— Тьфу ты, — расстроилась Дина. — Значит, так всем колхозом и дружите?

— Лично я сам по себе, — отрезал Женя. — Это все Натальины идеи были, царствие ей небесное.

— Она что, тоже умерла? — Дина едва не выронила извлеченную из пакета чашку с изображением весеннего пейзажа.

— Ага. Первая. Ну, то есть первая в этой серии.

— Что?! Тут и до этого вот так, пачками на тот свет отправлялись? — с ужасом спросила девушка.

— Ни боже мой! — Женя даже играть перестал и крутанулся в кресле. — Я тут два года вкалываю, так за это время всего двое упокоились — один парень на машине разбился по пьянке, и главбухша, милейшая старушка. Но это давно было, больше года назад. Так что не понимаю, с чего это у нас нынче такое. А Наталья была чем-то вроде общественницы — все всегда организовывала: банкеты, вечеринки, культпоходы какие-то... Вот директор сдуру и решил устроить с ней прощание. Ну а следующего — уже по инерции. Дурная традиция образовалась. Козловский теперь. Вот сижу и думаю — кто будет следующий?

Дина промолчала. Потом включила компьютер и принялась передвигать на столе телефонный аппарат, клавиатуру и черный органайзер с ножницами и скрепками, освобождая рабочее пространство. На стене перед ней висел календарь с симпатичной картинкой — зеленый тропический лес и невесомый прозрачный водопад на фоне скалы. Дата 13 мая была обведена жирным черным маркером. А сегодня — двадцать девятое...

— Она что, тут работала?! — после нескольких секунд размышлений и подсчетов взвилась девушка. — Наталья за этим столом сидела?!

От неожиданности Женя вздрогнул и уронил блокнот. Полез за ним под стол и прохрипел оттуда:

— Ты чего?! Ну, сидела. И что теперь?

— Да ничего, — смутилась Дина. — Просто предупредить надо.

Она встала и сердито сорвала приклеенный скотчем календарь. Смяла его и запихнула в корзину для бумаг. Сосед с любопытством наблюдал за ее действиями.

— Ты что, суеверная?

— Нет, но согласишься, если внезапно узнаешь, что человек, еще недавно сидевший на этом месте, — похлопала она по спинке офисного креслица, — умер, это как-то... впечатляет.

— Да успокойся, она больше языком в курилке работала, чем тут. Или с сисадмином в его кабинете чаи гоняла. А от него шла к Ираиде обсуждать — кто с кем, когда и почему.

— Слушай, я смотрю, вы тут не слишком утруждаетесь. И как на это начальство смотрит?

— А начальство наше считает, что уважающая себя фирма должна иметь рекламно-информационную службу. Вот и завели сайт в Интернете, покупают рекламные места в журналах, акции проводят. Только все это давно отлажено, вот и сидим тут, потихоньку ковыряемся. Осенит их идея — сделаем и дальше сидим. Меня лично устраивает, я карьеру делать не рвусь. Вот Вадик рвался...

В этот момент распахнулась дверь, и в комнату заглянула высокая брюнетка в строгом темно-сером костюме и черной блузке. Окинув Дину любопытствующим взглядом, она сообщила:

— Евгений, прощание с Козловским уже начинается, — и тут же исчезла.

— Ирка зовет, придется идти, — вздохнул Женя и с кряхтением выбрался из-за стола. — Тебе, наверное, можно и остаться, ты же его при жизни не знала.

Дина, поколебавшись, тоже встала.

— Буду привыкать к корпоративному духу. Пошли!

Двадцать три дня назад

Ровно в пять минут десятого Илья подъехал к мастерской. Старик уже ждал его, хотя делал вид, что опять пишет в амбарной книге. Черт его знает, может, и вправду, пишет — историю своей жизни, к примеру. А почему бы и нет?

— Доброе утро, — поздоровался Илья и выжидающе уставился на стол.

— Доброе, — отозвался мастер, не спеша отложил свою писанину, полез в карман халата и достал перстень. — Вот что удалось сделать.

А ведь неплохо получилось — отшлифованный серебряный ободок венчали распластанная змейка и гроздь мелких ягод. Вместе они создавали ассиметричное обрамление для красного с брусничным оттенком непрозрачного камешка.

— Я кусочек коралла вставил. Возражать не будете? — спросил старик, шевеля пальцами. — Уж не знаю, что за камешек тут раньше был, но у меня только этот по размеру подошел, валялся в коробке со всякой мелочью. Вот и пригодился. Но вы можете позже заменить его на что-нибудь другое. Опал бы, конечно, более соответствовал, но, увы... — развел он руками, наблюдая за Ильей.

Тот явно остался доволен — перстень выглядел весьма стильно, и было видно, что это не какой-то современный ширпотреб, а старая, даже старинная вещь. Он достал из кармана бумажник и положил на стол сто долларовую купюру.

— Спасибо. Ничего менять не буду — выглядит очень красиво. Сколько вам за камень еще должен?

— Да бросьте, все равно коралл старый, мне он от профессорши достался — у нее серьги были, и один камешек потерялся. Пришлось менять на топазы. Так что без дела лежал. А без камня вроде бы заказ отдавать неудобно.

Не слушая его возражений, Илья добавил еще двадцатку и поспешил распрощаться. Усевшись в машину, достал из кармана купленную накануне изящную вишневую коробочку в виде сердечка. Перстень лег на пурпурный шелк так, словно упаковка была создана именно для него. Замечательно! Лорочка, несомненно, оценит этот милый пустячок. А белый пушистый медвежонок и букет кремовых роз... Илья радостно щелкнул пальцами, предвкушая, какое впечатление произведут на девушку его подарки.

Старик аккуратно спрятал деньги в потертый портмоне. Неплохо день начинается. Потом он вспомнил, что забыл сказать заказчику о клейме, которое обнаружил на внутренней стороне перстня — два зигзага, похожие на танцующих змей.

Ну ладно, не сказал, что поделать. Тем более что такое клеймо никогда раньше старику не встречалось, а значит, мастер не из известных.

Я — дитя змеи.

Я — колдовское отродье.

Не нужно было им это мне говорить. Потому что последние слова помнятся всегда, даже там, где ничего нет. Особенно там.

Я ушла и вернулась с этими словами. И неважно, что до этого меня называли иначе — котенком, ласковым солнышком, непоседой. Помнятся — последние слова.

И просыпаешься именно с ними.

В зале собрались явно не все — Дина, осторожно поворачивая голову, насчитала всего человек двадцать-двадцать пять. Пришедшие проститься с коллегой стояли вдоль стен, женщины повязали черные шарфики, кто-то даже траурные шляпки с вуалями надел. Мужчины — в черных костюмах и галстуках. У многих в руках были цветы — пара роз или хризантем. Тягучий цветочный запах, плывущие волны «Реквиема», портрет с черной лентой над гробом. На нем Козловский, блондин средних лет и довольно заурядной внешности, выглядел довольным жизнью и даже веселым. У гроба стояли двое мужчин с черными креповыми повязками на рукавах, сидели родственники — заплаканные, потухшие.

Отзвучала музыка, и заместитель генерального директора приступил к траурной речи. Дина не вникала в слова о том, каким замечательным человеком и специалистом был покойный, ее взгляд скользил по лицам. И первое, что бросалось в глаза — подавленность. Застывшие лица, поджатые губы, а в глазах растерянность. Особенно заметна она была у теребящих стебли цветов девушек.

После Селиванова говорил кто-то еще, с надрывом, со слезой в голосе. Потом все по очереди стали подходить к гробу, класть цветы, возникла волна какой-то поспешности и неуклюжести. Кто-то старался выйти из зала, кто-то, наоборот, отходил и замирал у входа.

Снова зазвучал «Реквием». Вынос гроба Дина смотреть не стала, тем более не собиралась она ехать на кладбище и поминки, о которых ей в дверях сообщила все та же высокая брюнетка. Кивнув ей, девушка проскользнула мимо и потихоньку вернулась в свою комнату. Компьютер Жени «уснул», а ее продолжал светиться синим экраном монитора.

Машинально она ввела пароль, написанный на приклеенном к монитору стикере. Это сисадмин постарался. Надо бы с ним познакомиться. А для начала взглянуть, что тут, внутри.

Внутри было много всего — Дина обрадовалась, обнаружив знакомые графические программы, вместительный жесткий диск и массу нужных вещей. Похоже, что машину подбирали и оснащали грамотно и для высококлассного специалиста. Но вот использовали ее... Хмыкнув, она просмотрела файлы в рабочей папке — эскизы и презентации на уровне начинающих дизайнеров, какие-то простенькие таблицы, папки с прайс-листами. По датам их создания было видно, что делалось все это время от времени, большинство файлов было годичной и даже двухгодичной давности.

Потом она влезла во внутренности сайта и удивилась еще больше — сделано все профессионально, и очевидно, стоило немалых денег, но вот поддержка велась спустя рукава. Новости давно устарели, каталоги тоже. Данных, что ли, Наталье не давали? Не может такого быть.

Пошарив в локальной сети, Дина отыскала там папку Натальи. Вот оно где все! И с этим придется срочно разбираться. Не от излишнего усердия, просто потому, что это нужно сделать.

А для начала хорошо бы понять, чем конкретно занимается «Альтаир».

Дина вздохнула и отправилась за кофе в небольшую комнатку, которую использовали в качестве столовой и кухни — там, кроме кофеварки, стояли холодильник, микроволновая печь и тостер. У окна — застеленный яркой скатертью стол и стулья. А у них тут весьма миленько и уютно.

Если бы не валяющиеся в коридоре увядшие розы.

С чашкой горячего кофе в руках она выглянула в холл. Вместо Романа у двери скучал другой парень, поменьше габаритами и стриженный почти под «ноль». Увидев девушку, он поздоровался, но в разговоры вступать не стал.

Ну что же, есть возможность спокойно поработать. А об остальном думать пока не хотелось.

Легкие шаги пробежали по второму этажу.

Ветер взметнул листву во дворе.

Когда меня оставляют одну, мне хорошо. Даже если меня нет. Пока еще нет.

Можно побегать и посмотреть, как гаснут лампы, можно поиграть разноцветными карандашами, я умею рисовать.

Можно побыть самой, даже если меня пока еще нет.

Но я уже проснулась.

Двадцать три дня назад

Лора подъехала к офису в самом радужном настроении. Как прекрасно, что ее день рождения в мае, когда все начинает зеленеть. Короткие до-

ждики сменяются солнцем, все радуются жизни... Припарковав свою серебряную «букашку» на служебной стоянке, она вошла в здание. Голубой брючный костюм, строгое лицо, даже смешливые серые глаза прикрыты очками. Бизнесвумен, как и требуется.

Но второй, невидимый из холла, пролет лестницы Лора, встряхивая светлыми кудряшками, проскакала, словно озорная первоклассница. Ну что поделать, если жизнь настолько прекрасна, что постоянно думать о чинности и важности просто не получается.

Она влетела в комнату, первым делом стащила проклятый пиджак и, оставшись в белом топики с открытой спиной, облегченно плюхнулась на стул.

— Поздравляем! — гаркнули хором от дверей.

Девушка обернулась и рассмеялась — весь их отдел, с цветами, воздушными шариками и огромным пушистым мамонтенком! Кто-то дудел в пиццалку, кто-то размахивал коробкой конфет.

— Ребята, я вас люблю! — взвизгнула Лорочка, бросаясь всех обнимать.

— А меня?! — раздался рокочущий баритон.

— И вас тоже, Илья Викторович!

Селиванов чмокнул именинницу в щечку и протянул ей цветы и мишку:

— Вот тебе прибавление к зоопарку! И еще... — Он поцеловал хрупкие пальчики Лоры и вложил в них бархатное сердечко.

— Ой, что это?! Какое красивое колечко! Откуда вы узнали, что я люблю именно серебро?

Заинтригованные сотрудники заглядывали через плечо, рассматривая перстень, который пришелся как раз впору на средний палец девушки.

— А ведь это... — радостно захлопала в ладоши Ниночка Кузовлева, подоспевшая из отдела менеджмента, — ...это подарок с намеком! Да, Илья Викторович?

— Обручение, обручение! — загалдели все и почему-то принялись поздравлять уже Илью. Тот смущенно улыбался, заглядывая в глаза Лорочки.

Чтобы скрыть легкое замешательство, девушка принялась открывать конфетные коробки, появилось два огромных торта и целая россыпь пирожных.

— А вечером я всех приглашаю в «Пеликан»! — объявила именинница. — Завтра суббота, так что имеем право оттянуться по полной программе.

— Ура! — выкрикнул Вадик Шевченко с высоты своего роста.

— Ты сегодня удивительно красивая, — шепнул Илья на ушко Лоре. — Тебе действительно понравился мой подарок?

Она еще раз полюбовалась перстнем — крошечная змейка замерла, словно выбирая, какую ягоду ей укусить, — и улыбнулась:

— Прелесть!

Продолжение второго дня

Спустя несколько часов Дина, наконец, оторвалась от работы — в здании царил абсолютная тишина, солнце уже скрылось за соседним пятиэтажным домом, и в комнате стало довольно сумрачно.

Ну вот, сегодня она успела сделать немало и может с чистой совестью отправляться домой. Уже почти шесть часов. Да если бы и раньше ушла, никто бы ничего не сказал — сидят, наверное, сейчас в каком-нибудь кафе или дома у покойного Козловского и заливают собственное беспокойство водкой.

Напоследок она решила вымыть чашку и отправилась в столовую.

Странно, но цветы с пола уже исчезли. Наверное, уборщица постаралась.

Ополоснув чашку и поставив ее в сушилку, Дина внезапно услышала за спиной даже не шорох, а легкое движение воздуха. Оно не испугало, мало ли кто мог зайти сюда, но взгляд, который она почувствовала на своей спине, был не слишком приятен. Выждав секунду, девушка обернулась.

В проеме раскрытой настежь двери стояла маленькая девочка. Длинное платьице из мягкой фланели кирпичного цвета, крошечные туфельки и прямые черные волосы — каре до плеч и скрывающая брови челка. Из-под челки на Дину с любопытством смотрели темные глазенки. Очаровательный ребенок лет пяти или шести.

— Привет, малышка! — сказала Дина. — Ты кто?

Девочка продолжала без улыбки смотреть на нее. И когда Дина уже решила, что надо самой сделать шаг навстречу, взять крошку на руки и отправиться вместе с ней на поиски ее мамы или папы, ребенок внезапно развернулся и убежал. Взметнулась юбка, перехваченная сзади пояском из кожаных тесемок и бусин, сверкнули белые кружева, и маленькая гостья исчезла.

Пожав плечами, Дина вернулась за своей сумкой, заперла дверь и направилась к выходу.

Охранник, сидя на диване в холле, читал книгу.

— До свидания, — пробормотал он, принимая у Дины ключ. И встал с явным намерением запереть за ней дверь.

— А девочка? — спросила она удивленно. — Тут ведь еще кто-то остался.

— Нет, вы последняя, — в свою очередь удивился охранник. — Какая еще девочка?

— Пять минут назад я видела около столовой малышку. Наверное, кто-то зашел с ребенком.

— Никто не заходил. Часа три назад уборщица ушла, а больше ни одной живой души. Сегодня Козловского хоронили, так что все на поминках. А недавно я все помещения проверил, видел, что вы работаете, мешать не стал.

— Вы уверены, что в офисе никого нет?

— Смотрите сами. — Охранник подвел Дину к дверце в стене около входа. За ней был щит, на котором горели шесть крошечных лампочек. — Выключаю свет на втором этаже, — повернул он рубильник под одной из них, и огонек тут же погас. — И на первом. — Погасла еще одна лампочка. — Остаются только сервер, факс в приемной, холодильник в столовой и холл. Ну что, убедились?

— Убедилась, — вздохнула Дина. — Значит, у меня глюки.

— Вряд ли, — улыбнулся секьюрити. — Просто вам показалось. Это бывает. Кстати, меня Тимуром зовут, сокращенно — Тим.

— Очень приятно, а я — Дина. Сегодня первый день тут работала.

— Я знаю. Ну что же, счастливо, Дина.

— Счастливо, Тим.

Она вышла из офиса, и дверь за ней закрылась почти бесшумно. Щелкнул замок. Стоянка справа от входа была пуста.

Странно, что Тим настаивает, что девочка ей померещилась, — она видела ее совершенно отчетливо, слышала звуки ее шагов. Девочка точно есть. Вздохнув, Дина направилась к метро.

Я узнала дом. И он узнал меня, когда я проснулась.

И только одна комната внушает мне страх. Поэтому я туда не захожу, только заглядываю. Там жила нянюшка. Странное слово — ня-нюш-ка. Мягкое и ласковое. Обманчивое.

Но остальных я не вспоминаю, не хочу.

Иногда мне хочется выйти в сад, но когда я выхожу... с другими, мне страшно, и я закрываю глаза. Слишком много шума, незнакомого и неприятного. Я прячусь.

Так что лучше оставаться тут. Особенно, когда тихо.

Может быть, я снова научусь играть?

Двадцать три дня назад

Все получилось как нельзя лучше — после третьего танца Лорочка согласилась в воскресенье съездить с ним в Царицыно. Потом извинилась и сказала, что ей надо в дамскую комнату.

— Вернешься, выпьем на брудершафт, — предложил заместитель генерального директора. — Согласна?

Лорочка улыбнулась и кивнула. Выскользнув из его объятий, она сняла сумку со спинки стула и вышла в вестибюль, на ходу велев официанту:

— Через полчаса подавайте десерт.

В туалете никого не было, можно перевести дух.

Она пока еще не решила, как ей относиться к откровенным ухаживаниям Селиванова. С одной стороны, он довольно симпатичный, умный, галантный. И вообще — мужик что надо, если рассуждать здраво. А с другой... нет в нем огня, пылкости, умения мгновенно вскружить голову. Прогулка в Царицыно, потом наверняка посещение театра или концерта, ресторан, знакомство с мамой... Какая тоска!

Она вздохнула, подкрасила губы и достала сигареты. О том, что она курит, сослуживцы не знали, поэтому она спряталась в кабинку. И правильно сделала — через пару минут слышались голоса и стук каблуков.

— Ну что, девки, прошляпили Илюшку? — раздался знакомый голос. — Вертели, вертели перед ним попами, а наша невинная овечка иным взяла.

— Наташка, не брызгай ядом, — ответил кто-то. — Или ты сама на него виды имела? Так у тебя, вроде бы, муж уже есть.

— Я не о себе, о вас, дурах, — огрызнулась Наталья. — Противно смотреть, что эта коза из себя корчит!

Лора стояла, замерев, почти не дыша. И это говорит Наталья, которая всегда щебетала с ней, как с лучшей подругой!

Дождавшись, когда снова наступила тишина, девушка выскользнула из кабинки и незаметно вернулась в зал. Ее отсутствия не заметил никто, кроме Ильи. Он уже ждал ее с двумя бокалами и бутылкой шампанского.

— Горько! — заорал пьяненький Вадик, когда пузырящееся вино, проливаясь на скатерть, хлынуло в хрусталь.

Селиванов осторожно обвел руку с бокалом вокруг слегка подрагивающего от только что пережитых эмоций локотка девушки, они выпили и поцеловались. Раздались аплодисменты.

И в этот момент она поймала взгляд Натальи — та смотрела, улыбаясь, но в глазах были ненависть и презрение.

Что-то случилось с Лорой в этот момент — голову свело тупой болью, но тут же отпустило. А сознание словно отделилось, уходя в эти отвратительно накрашенные, подведенные бирюзой с перламутром глазницы. Она пошатнулась и только благодаря тому, что Илья успел поддержать ее, не упала.

— Тебе плохо? — испуганно спросил он, но девушка смогла ответить не сразу. И только спустя минуту все стало, как прежде. Не считая Натальи, которая теперь стояла бледная и больше не улыбалась...

Третий день и все остальные

— Зря ты вчера со всеми не поехала, — зевая, проговорил Женя, когда Дина вошла в их кабинет. — Славно вчера посидели. Хоть и повод печальный, но очень душевно было.

— Не могу представить душевные похороны, — покачала она головой.

— Я о поминках. А похороны обычные были.

Он опять включил какую-то игру и углубился в нее. Похоже, на работе кроме игрушек его ничто не интересовало. Дина пожала плечами, открыла сайт и принялась заливать на него приготовленные вчера страницы.

— Женька, ты как сегодня? — заглянула в комнату миловидная кудрявая девушка с какими-то бумагами в руках. — Голова не болит?

— Не болит, с чего бы ей болеть? — отмахнулся увалень.

— А аспирин у тебя нет? Что-то мне не по себе, знобит.

— Не-а, нет и никогда не было. У Ираиды спроси.

— У меня есть. — Дина полезла в сумочку и достала пластиковый флакончик с таблетками. — Вот.

— Спасибо, — улыбнулась девушка. — А ты новенькая?

— Новенькая, — подтвердила Дина. — Второй день работаю. Зовут Диной.

— А меня — Лорой. Пошли чаю попьем, — предложила девушка.

Едва они зашли в столовую, Лора прикрыла дверь и вздохнула:

— Слышала? Сегодня с утра еще трое заявления об увольнении подали. Представляешь? А Никифоров из отдела доставки вчера жаловался на боли в сердце. Интересно, пришел сегодня на работу или нет?... Жуть творится.

— Да уж, весело, ничего не скажешь, — устроиться на работу и узнать, что тут люди мрут как мухи. И все-таки я думаю, что это просто случайность.

— Я тоже, потому что иначе быть просто не может. Не убивают же их — рак, инсульт или инфаркт организовать вряд ли возможно. Тем более — тромб в сердце.

Они обе помолчали, развивать тему никому из девушек не хотелось.

— Какие славные рисунки, — заметила Дина, присаживаясь с чашкой кофе за стол. — Это твой ребенок постарался? — указала она на листы бумаги, которые кудрявая Лора положила у локтя. На верхнем листе тонким красным маркером были нарисованы домик и лошадка с телегой.

— Что? — вздрогнула Лора и, покосившись на рисунок, качнула головой: — Нет, что ты. У меня нет детей, я вообще не замужем. А это... Представляешь, прихожу я сегодня утром, а на столе бардак — скрепки разбросаны, степлер на клавиатуре валяется, и вот это творчество вдобавок. Похоже, что кто-то свое чадо приводил. Я не против, но почему за моим столом? Хоть бы убрали.

Дина взяла листки и бегло просмотрела. На втором был изображен ушастый заяц в юбочке, а на третьем — на этот раз голубым маркером — длинная извивающаяся змея с зигзагами по всему туловищу. Рисовал явно до-

школьник, но довольно умело. Наверное, это та малышка развлекалась, ведь играть ей тут было не с кем.

— Могу я взять рисунки? — неожиданно для себя спросила она.

— Зачем? — удивилась Лора, но тут же махнула рукой: — А впрочем, бери.

Дина собрала со стола рисунки и, поднявшись, проговорила:

— Пойду работать, хочу сегодня сайт обновить. Такое впечатление, что им год никто не занимался.

— Правильное впечатление, — кивнула Лора, — не занимался. Наталья, царствие ей небесное, чем угодно занималась, только не своими прямыми обязанностями! Да и сосед твой тоже хорош — пока Вадик был, еще иногда шпынял Женьку, а сейчас он вообще с утра до вечера баклуши бьет.

Проводив глазами новую знакомую, Лора решила тоже сварить себе кофе. В затылке продолжала глухо пульсировать боль. А что если у нее тоже?.. По спине пробежал холодок, но девушка усилием воли прогнала его. Хотя в последнее время у нее бывали странные ощущения, но поддаваться панике и мчаться к врачам она не собиралась.

Вот сейчас выпьет крепкого кофе и отнесет Ираиде подготовленный отчет. Пусть передаст Селиванову. В последнее время встречаться с Ильей ей совершенно не хотелось, он вызывал у нее какое-то отторжение. И ведь дело было не в нем, совсем не в нем. Никаких изъянов за время их более близкого знакомства она не обнаружила — наоборот, Илья оказался веселым и непосредственным, просто идеал и мечта любой девушки.

Лора подперла щеку ладонью и уныло уставилась в окно. Что ей еще нужно? Красивый, перспективный, не бедный, не дурак... Но вот не лежит душа. Даже подаренный им перстень она надевает все реже и реже. Вчера вот опять сняла, а он, когда на поминки ехали, заметил и спросил, почему. Пришлось врать, что случайно на работе оставила. С утра надела его, и снова душа не на месте.

И огорчать Илью не хотелось — в последнее время в связи со всеми этими смертями он явно был не в своей тарелке и жутко нервничал. В Царицыно они провели чудесный день, гуляли, болтали, потом он осторожно поцеловал ее, и ей понравилось. Так что же теперь происходит? Может быть, все дело в том, что случилось на следующий день? Вряд ли. Тогда это было неприятно, но не более.

После того, что она услышала из уст Натальи в дамской комнате, слух о том, что та в понедельник грохнулась в обморок прямо в приемной, не произвел на Лору особого впечатления. Ну, вызвали «скорую помощь», ну, увезли в больницу. Беременная, скорее всего. Вот и ладно, пусть занимается своим здоровьем, а не лезет в чужие дела.

Но это оказалась не беременность. Нет, конечно, опухоли бывают разные, а опухоль мозга вообще — страшное дело. Но у Натальи оказалась какая-то особо злокачественная, да еще и запущенная. И через пять дней уже пришлось организовывать похороны. Вот так — все считали, что нердивый веб-дизайнер постоянно жалуется на головную боль, чтобы продолжать валять дурака, а на самом деле...

— Лорочка, ты что тут одна сидишь, да еще такая бледненькая? — взглянула в столовую Ираида.

Коротко глянув на секретаршу директора, девушка быстро поднялась, проскочила мимо нее в дверь и почти бегом бросилась к лестнице.

Подумать только, всего пару недель назад она была таким счастливым и беззаботным существом, а сейчас? На ходу она смахнула покотившиеся от обиды и досады из глаз слезы — господи, ну почему все настолько изменилось?!

Оставшись одна, Ираида хмыкнула — ну надо же, эта сопливая выпендреница нацепила цветные контактные линзы. И идут они ей, как корове седло!

Мне все равно, не я выбираю.

Я иначе не могу — я дочь змеи, а змеи не выбирают, кого жалить.

И совершенно неинтересно, что потом происходит с ними — движущимися картинками с резкими голосами. Я хочу одного — чтобы им досталась частичка моей последней боли, отчаяния и падения в долгий страшный сон.

Я проснулась, чтобы убивать.

Илья мрачно сидел в своем кабинете и играл в «гляделки» с вуалехвостом. Победа осталась за ним — в кабинет вошла Ираида в алом шелковом костюме, и рыба отвлеклась на яркое цветное пятно.

— Илья Викторович, почта. Пришел факс из Кемерово, приглашение на выставку, и вот — Никольская для вас передала отчет. — Она положила на стол черную кожаную папку и пластиковый скоросшиватель и замерла едва ли не по стойке смирно.

— Спасибо, Ираида Федоровна, — вежливо кивнул Селиванов. — Заявление никто не забрал?

— Нет. Хотя я уговаривала. Но, тем не менее...

— Понятно. Жаль. Придется опять людей искать... Я до обеда посижу, подготовлю черновики писем, их надо будет сегодня отправить. Директор не звонил?

— Сегодня еще нет, но в Ницце сейчас только раннее утро, так что наверняка позвонит чуть позже.

Илья вздохнул. Судя по всему, Геннадий собирается торчать на Лазурном берегу до тех пор, пока все сотрудники не отправятся на тот свет или не сбегут из «Альтаира».

— Я могу идти? — вывел его из задумчивости голос секретарши.

— Да, конечно.

Селиванов открыл папку, мельком просмотрел ее содержимое и снова закрыл. Вначале — кофе. Крепкий кофе. Ираида такой не делает, щадит его здоровье. А ему сейчас нужен допинг, иначе не выдержать.

Взгляд его снова упал на вуалехвоста в аквариуме. Нет, надо эту тварь кому-нибудь сплавить, а себе завести... Да хоть икебану какую-нибудь или это... бонсаи — лучше смотреть на японское деревце, чем на бесстыжую и наглую рыбу.

Илья вышел в приемную и распорядился, чтобы Ираида нашла для вуалехвоста подходящее место где-нибудь подальше от его кабинета.

Секретарша проводила его задумчивым взглядом. Сдают нервы у руководства, ох, сдают. Что неудивительно в таких обстоятельствах. Она взяла телефонную трубку и поморщилась от внезапной боли под ложечкой. Что это она такое на завтрак съела? Отложив трубку, выдвинула ящик стола и принялась рыться в коробке с лекарствами.

Женя с интересом посматривал, как Дина прикрепляет на место снятого календаря детские рисунки. Полюбовавшись на дело своих рук, девушка уселась к компьютеру и лихо затарахтела клавишами.

Странная девица, похоже, решила годовой объем работы за неделю сделать. А дальше что? Или она таким макаром выслужиться хочет? Забавно.

— У тебя дети есть? — спросил он, кивая на рисунки.

— Нет у меня детей, — не прекращая работу, ответила Дина. — Просто рисунки понравились. Жень, — вдруг резко повернулась она к нему, — а что тут раньше было?

— Где?

— Ну, в этом доме. До того, как офис сделали.

— Понятия не имею. Когда я пришел, тут уже «Альтаир» обосновался. А тебе зачем?

— Просто так, подумалось. Вдруг тут есть нечто такое... — Дина запнулась. — Ну, что-то, что вредит здоровью.

— И что может так вредить, что люди то от инфаркта, то от инсульта мрут? — саркастически хмыкнул Женя. — Я уже прикидывал — если взять каждую причину смерти, то все в пределах допустимой нормы. И только вместе... выходит за рамки. Так что, думаю, мы имеем дело с поразительной, но случайностью.

— Мне бы твою убежденность, — пробормотала Дина. — А ничего особенного перед началом этой случайности не было?

— Вроде бы не было. В начале месяца мы на корпоративный пикник ездили, шашлыки в Серебряном бору жарили. Потом у шефа юбилей отмечали, но все в рамках приличия, никто даже не напился. У Сыроедова двойня родилась, Рита замуж вышла...

Внезапно где-то внутри дома загудел мотор, и что-то завибрировало.

— Во, опять начинают, — досадливо поморщился Женя. — Теперь только наушники спасут. И тебе советую. Я уж думал, закончилась эта маета.

— А что это?

— Великий босс решил, что в подвале надо тренажерный зал и сауну соорудить. Во имя укрепления корпоративного духа и физического оздоровления коллектива. Третью неделю долбят.

С этими словами он водрузил на голову наушники, а Дина отвернулась к монитору. Но не застучала по клавишам, а уставилась на недавно сверстанную таблицу так, словно видела ее впервые.

Мне нравится запах кофе. Я и раньше любила сидеть на кухне, когда его варили в большом блестящем кофейнике.

Но та комната, где теперь им пахнет, меня пугает. Там жила нянюшка.

Когда-то там горела лампада, но в тот день нянюшка погасила ее, и картинку из угла убрала. И долго шепталась с тем стариком, я слышала.

Я сидела на ее сундуке. Дома никого не было. Они смотрели на меня, и от этого было страшно. А потом...

Потом все закончилось.

Меня убили.

Усевшись за свой стол, Лорочка смогла успокоиться и даже в душе посмеялась над собой — тоже нашла проблемы! Да кто угодно скажет, что они и яйца выеденного не стоят. Просто хандра у нее от всех этих гробов и похорон. Хандра, и ничего более. Скажем «нет» депрессии! И сегодня же примем меры — например, прогуляемся после работы по магазинам, купим что-нибудь бесполезное, но греющее душу, и все пройдет.

— Лорка, — сидящая за соседним столом Лена наклонилась к ней и скорчила умоляющую мину, — ты мне на вечер свое колечко не дашь? Ну, то, которое Селиванов тебе презентовал. Соньке же давала поносить. А то у меня сегодня свидание, и оно так здорово подойдет к моему платью. Дашь?

— Дам, — улыбнулась Лора. — А с кем свидание? С Костиком?

— Костик давно в прошлом. Познакомилась я тут на днях с одним. Художник. Вот и собрались вечером с ним на... черт, как же оно называется? На план... плен...

— На пленэр? — усмехнулась Лора. — Пейзажи рисовать? Ладно, только в конце дня перстень возьмешь, а то Илья обижается, если видит меня без него.

Сняв перстень, она положила его перед собой. Красивая вещь, очень красивая. Так почему же не по душе?..

Дина вернулась домой и сразу повалилась на диван. Не хотелось ни есть, ни включать телевизор. Наверное, она просто отвыкла от работы — все-таки почти две недели дурака валяла. Вот сейчас полежит немного, и все...

Проснулась она в три часа ночи от ужасного голода. До нее сразу дошло, что вчера она за весь день выпила только три чашки кофе и съела на обед йогурт с ананасом. Пришлось вставать и лезть в холодильник. Соорудив огромный бутерброд из остатков колбасы, кетчупа, майонеза и сыра, она сунула его в микроволновую печь и заварила чай. Потом с подносом вернулась в комнату.

Сон улетучился, испарился без остатка, а скоро уже начнет светать. И чем прикажете заниматься в такое время?

Дина включила компьютер и вошла в Интернет. Ни в чаты, ни на форумы лезть не хотелось — с некоторого времени она утратила интерес к сетевому общению. Теперь ей нравилось искать во всемирной паутине необычную информацию, редкие книги и картины малоизвестных или забытых художников. Ну, и что будем искать сегодня? Ритуалы африканских колдунов, андерграунд семидесятых годов или...

А руки уже сами набирали в поисковике «Старолистовский переулок, 12» — адрес офиса фирмы «Альтаир». Если она и не найдет разгадку череды смертей, то хотя бы узнает прошлое дома, в котором они происходят. Потому что все они связаны между собой только тем, что умершие люди работали в офисе «Альтаира».

И был тут один нюанс — до того, как не трогали подвал, все были живы и здоровы. Нет ли тут какой-то закономерности?

Первые же открывшиеся ссылки дали искомые сведения о доме.

Дина ожидала увидеть что угодно — в особняке, к примеру, могла размещаться секретная лаборатория, и забывчивые ученые бросили где-нибудь в подвале ядерный реактор, или колбу с бациллой неизвестной болезни, или...

Но ее ждало разочарование — дом, в котором она работала, всегда был жилым. И никаких лабораторий, организаций и даже самых захудалых контор в нем никогда не располагалось. С самого его строительства в 1815 году. Этой информации можно было доверять — особняк Солопова значился в списке памятников культуры, и по нему было составлено достаточно подробное историческое описание.

Итак, некто Солопов Иван Осипович построил особняк в Старолистовском переулке спустя два года после окончания войны с Наполеоном. Очевидно, вернулся в пострадавшую от пожаров Москву и сразу же взялся за обустройство жилья. Так, поэтажные планы, описание фасадов... В доме в разное время бывали выдающиеся личности... к своему удивлению, Дина среди имен ученых и путешественников — Пржевальского, Миклухо-Маклая, Менделеева и Боткина — увидела имена Пушкина и Дениса Давыдова. Интересные люди жили в особняке, раз у них бывали такие гости. Надо будет посмотреть, чем известны эти Солоповы.

После революции дом был разделен на четыре коммунальных квартиры, в конце 90-х годов прошлого века все они были выкуплены, и особняку была возвращена первоначальная планировка и восстановлена лепнина столовой и гостиной, а также произведена реставрация фасадов... Ограждение восстановлено по старым чертежам — добросовестный владелец попался, решил не бодаться с управлением по охране памятников, или как оно там называется, а мирно сделал все, что было предписано.

Ага, вот — в 1995 году по этому адресу было зарегистрировано ТОО «Альтаир», а сейчас — оно же, только уже ЗАО.

Все! На этом история дома исчерпывалась. Ну, разве что прежние хозяева организовали там какую-нибудь подпольную лабораторию. И что? Держали там нечто смертельно опасное, рискуя здоровьем — своим и своих близких? Поверить в такое было просто невыносимо.

Дина принялась искать сведения о Солоповых. Их оказалось несколько. Первый жил еще при Иване Грозном и имел какое-то отношение к опричнине. Его потомки нечасто, но всплывали в русской истории, хотя ничем особо не блистали — дворянский род средней руки. Иван Осипович воевал, был ранен в Бородинском сражении, лишился кисти правой руки. Ага, понятно, почему у него бывал Денис Давыдов. А Пушкин, возможно, приезжал вместе с ним. Так, умер Иван Осипович в 1834 году, и особняк унаследовал его сын... А вот это еще интересней. Денис Иванович Солопов был профессором Московского университета, довольно известным зоологом и естествоиспытателем. Много путешествовал. Родился в 1820 году, умер в 1918, прожив целых девяносто восемь лет. Кстати, мог и не своей смертью умереть, уж больно нехорош был восемнадцатый год для отечественного дворянства.

На этом история рода Солоповых обрывалась. Никаких сведений о потомках Дениса Ивановича не обнаружилось.

Дина полюбовалась на разгорающийся за окном восход и сделала запрос по «особняку Солопова».

Лена напомнила о перстне в конце дня, когда они остались в комнате вдвоем.

— Все, Селиванов уехал, я сама видела. Пора!

— Ну, пора, так пора! — развеселилась Лора, передавая перстень. Он действительно прекрасно сочетался с вишневым строгим платьем. Ленка хоть и глупая, но весьма симпатичная и стильная девчонка. Только с парнями ей не везет — постоянно какие-то дебилы попадаются. Может быть, художник окажется исключением?

— Его зовут Оскар, — сообщила Лена, изящно отводя в сторону руку. Серебряный лак, красный камень — чудненько! — Правда, красивое имя?

— Красивое, — пришлось согласиться Лоре, хотя представить себе положительный персонаж с именем Оскар она затруднялась. — Тебя до точки randevu подбросить?

— Подбрось, — радостно согласилась Лена. — Неохота в метро толкаться.

Высадив подругу где-то в районе Новослободской и дождавшись, пока она не свернула под арку большого дома, Лора отправилась тешить душу и поднимать настроение. Для этой цели сегодня был избран ЦУМ.

Лена же, зайдя во двор, остолбенела.

Нет, Оскар ждал ее, и был по-прежнему хорош — высок, кудряв и богемно одет. Увидев девушку, этот достойный экземпляр оживился и даже сделал движение ей навстречу. Но потом передумал и остался на месте. Он явно ожидал, что Лена по достоинству оценит средство передвижения, на котором он собирался везти ее в волшебную сказку под названием пленэр.

— Что это? — с ужасом спросила девушка, указывая на странный горбатый автомобиль, словно сошедший с экрана фильма о послевоенных достижениях народного хозяйства в СССР.

— Шикарный раритет! — гордо отрекомендовал допотопное чудовище Оскар. — Музейный экспонат. Зяма прямо от сердца оторвал.

— К-какой Зяма? — от растерянности Лена начала заикаться. — К-как оторвал?

— Ну, у кузена я сие авто одолжил. «Победа», между прочим! Таких даже в Москве единицы остались.

Лена не знала, что такое «Победа», но из вежливости кивнула. Наверное, Оскар хотел ее поразить и впечатлить, а она — такая отсталая, ничего в раритетах не понимает.

— Ну, так мы едем?

Лена осторожно опустилась на продавленное сиденье, покрытое засаженным рыжим чехлом, и машина резво помчалась по улице.

— Опаздываем, — пояснил Оскар, — ребята ждут.

— Какие ребята? — спросила Лена.

— Сюзи и Пашка. — Ловко свернув за угол, Оскар затормозил и добавил: — Ты извини, что не предупредил, они в последний момент позвонили. Ага, вот они!

У табачного киоска маячили бородатый тип в странной шляпе и очках и тощая лохматая девица в лиловой хламиде, одетой поверх джинсов и кроссовок. У обоих на плечах болтались огромные этюдники. Загрузив их в багажник, парочка уселась на заднее сиденье и некоторое время с интересом разглядывала Лену.

— Бобруйск, — изрек, завершив осмотр, бородатый. Лахудра в ответ многозначительно хмыкнула.

Лена начала закипать. Что такое Бобруйск, она прекрасно знала, но, в конце концов, какое ей дело до каких-то хиппи или панков, или кого там из себя корчит эта художественная элита? Она с тоской подумала о том, что вечер ей предстоит провести среди этих вонючих снобов. Не так она представляла сегодняшнее свидание, совсем не так.

— Ты чего загрустила, подруга? — весело спросил Оскар и прибавил скорость, пытаясь обойти маршрутное такси.

Лена в ответ кисло улыбнулась. И тут сзади пахнуло дымом.

Первая паническая мысль: «Горим!» — сменилась другой, совершенно нецензурной. Потому что этот сладковатый специфический запах не оставлял сомнений — Сюзи и Пашка окончательно расслабились и закурили анашу. Лена собралась потребовать немедленно остановить машину — всему есть предел, и он наступил — и сердито ткнула локтем в бок Оскара. Парень повернул голову, открыл в изумлении рот и только собрался спросить, что у нее с глазами, как вдруг под ребрами вспыхнула жгучая боль. И почему у Лены глаза... желтая охра?..

А Лена не поняла, зачем они вдруг поехали наискосок через полосы встречного движения, но спросить об этом не успела — все превратилось в грохот и боль.

А потом наступила тишина.

И никаких запахов.

Только темнота.

Запрос на «особняк Солопова» принес совершенно неожиданные ссылки. Если до этого Дина изучала информацию вполне спокойно, то тут просто подскочила на стуле. Нет, первые два адреса опять отправляли ее к описанию памятника культуры, но вот следующая... «Таинственные преступления прошлого» — так назывался сайт, размещенный на одном из самых популярных информационных ресурсов. И какое же таинственное преступление имеет отношение к дому по Старолистовскому переулку, 12?

Девушка в нетерпении грызла палец, пока открывалась нужная страница. Раздел «Исчезновения людей». Статья называлась «Похищение или убийство?»

Глаза Дины забежали по строчкам.

Итак, 13 марта 1865 года в доме Дениса Ивановича Солопова произошло странное и страшное событие — исчезла его маленькая дочь Ирина. В тот день Солопов вместе с женой отправился на званый ужин к некому Михайловскому, оставив ребенка с няней — Пелагеей Свиридовой, пожилой женщиной, прослужившей в доме более двух лет. Свиридова хорошо относилась к девочке и была весьма набожной. Также в доме оставалась горничная Мария Ракова, девица восемнадцати лет.

Когда супруги вернулись домой около десяти часов вечера, на их стук дверь никто не открыл, а окна особняка были темны, хотя обычно в таких случаях в прихожей оставляли зажженную лампу. Заподозрив неладное, Солопов бросился в расположенный рядом полицейский участок и вернулся в сопровождении городского. Мужчины взломали входную дверь. Горничную обнаружили на втором этаже — по ее словам, когда около семи часов вечера она готовила постель для хозяев, ее ударили сзади по голове. Кто это сделал, Ракова не видела. Очнувшись она в темноте, связанная и с кляпом во рту, и до прихода помощи безуспешно пыталась освободиться.

Пелагея Свиридова лежала на ковре в детской комнате, также связанная и с заткнутым ртом. Няня рассказала, что она после ужина играла с девочкой, и тут внезапно в комнату ворвались трое неизвестных в черных масках. Женщину связали, а Ирине зажали рот и куда-то унесли, завернув в шубу. Действительно, мать девочки подтвердила, что из прихожей исчезла одна из ее шуб.

Вызванные городским полицейские тщательно осмотрели дом. Выбитое окно столовой не оставляло сомнений в том, как именно злоумышленники проникли в дом. Рядом с ним на полу и на подоконнике были обнаружены мокрые следы. Со двора влезть в окно было нетрудно — для этого к нему подкатили колоду для рубки дров, стоявшую неподалеку. Изучение следов ничего не дало, они вели от окна к воротам и терялись в грязи ближайшей улицы. Март в том году выдался довольно теплым, и снег уже начал таять.

Пока потрясенные и растерянные супруги Солоповы пытались отыскать ребенка, полицейские и городской принялись опрашивать живущих поблизости от особняка людей. Но никто ничего подозрительного в тот вечер не заметил. Денис Иванович категорически отрицал, что у него есть недоброжелатели, способные на такое ужасное преступление. Он занимался наукой, много лет провел в путешествиях, изучая животный мир разных континентов, и никаких врагов в Москве или где-либо не имел.

Оставалась надежда на то, что ребенка похитили в расчете получить за него выкуп. В те времена такие вещи происходили крайне редко, но исключать такую возможность было нельзя. Убитые горем родители напрасно ждали известий от похитителей — ни письма, ни записки так и не последовало. Девочка исчезла бесследно.

Далее в статье шли рассуждения автора о том, кто мог быть причастен к этому преступлению. Выдвигались и опровергались версии о жертвоприношении ребенка иноверцами или сектантами-дьяволопоклонниками, о похищении с целью удочерения, о мести. В качестве иллюстраций использовались план дома с указанием помещений, в которых разыгралась трагедия, и портрет Дениса Ивановича Солопова — довольно интересного брюнета с пышными усами и густой шевелюрой. В конце шли ссылки на какие-то архивы и книги — одна издания 1911 года, вторая — 1984-го.

Сергей Некрасов — так была подписана статья. Дина на всякий случай посмотрела, есть ли на сайте координаты этого Некрасова. Нет, только адрес электронной почты координатора проекта. Может быть, он сможет помочь?

Девушка задумалась. А зачем, собственно, ей это нужно? Сто сорок лет назад в доме была похищена маленькая девочка. Но какое отношение это может иметь к происходящему сейчас? На всякий случай она просмотрела остальные ссылки. Нет, никаких таинственных смертей в доме Солопова не происходило.

Дина опять вернулась к планировке дома. Интересно все же, откуда няня знала, что девочку завернули именно в шубу? Ведь она осталась лежать связанной в детской? Что-то тут не так, и проверить не мешает.

Итак, детская, это, похоже, то помещение, где сейчас размещается отдел поставок — Дина мельком видела его, когда ходила за кофе. Бывшая господская столовая — тот зал, где выставляли гробы. А прихожая — нынешний холл. Нет, няня никак не могла видеть, что девочку заворачивали в шубу!

Дина потрясла головой и выключила компьютер. Об этом странном факте она поразмыслит позже, а сейчас — быстро чистить зубы, наводить марафет, и на работу!

Не успела Дина переступить порог своей рабочей комнаты, как Женя вместо приветствия выпалил:

— Вчера вечером Ленка Жукова на машине разбилась!

Я испугалась. Наверное, потому, что впервые увидела, как это бывает.

В этом нет ничего хорошего — убивать. Но и особо страшного тоже нет.

Плохо то, что я была вместе с той, кому было больно. Пришлось закрыть глаза, спрятаться, свернуться клубочком и немного потерпеть. Потом стало легче.

Хорошо, что она не умерла, мне этого не хотелось. И я немножко помогла ей. Совсем чуть-чуть, у меня было мало сил.

Вчерашний поход за хорошим настроением окончился для Лоры полным сумбуром в голове. Нет, до ЦУМа она добралась благополучно и даже купила себе милые полосатые брючки и совершенно обалденный набор для кофе. А потом... потом она буквально нос к носу столкнулась с тем самым Максом Бортнянским, с которым рассталась два года назад. Актер был изрядно подшофе, небрит и обижен на весь белый свет, что для него было нехарактерно. Чтобы разобраться со всем этим, Лоре пришлось принять приглашение посидеть в какой-то китайской забегаловке. Разобралась — бывшая большая любовь недавно рассталась с ревнивой супругой и была готова к новым подвигам.

Но приступить к этим подвигам немедленно Лора не согласилась — ей нужно было вначале все хорошенько обдумать и решить — а надо ли оно ей? Сердце кричало — надо, а разум топал ногами — нельзя дважды войти в одну реку! А если войдешь, огребешь нервотрепки выше крыши...

— Лорка, погоди! — нагнала ее около самых дверей Ира, та самая, которая тоже претендовала на должность, доставшуюся в итоге Лоре. Высокая флегматичная брюнетка была необыкновенно возбуждена и почти бежала. — Ты уже слышала? Ленка вчера разбилась! На машине.

— Что?! — ахнула Лора. — Насмерть?!

— Нет, она в реанимации. Ее мать утром моей позвонила. Говорит — состояние критическое. Плакала.

— Как это случилось?

— Она сама мало что знает — в машине были еще трое, все насмерть. А Ленка, может, еще выживет. Такие вот дела. — Ира помолчала и добавила: — Седьмая.

— Не говори так! Она выкарабкается, — перебила ее Лора. — Нужно немедленно к ней поехать. В какой она больнице?

— С ума сошла? Говорю же, в реанимации, без сознания, к ней даже родителей пока не пускают.

— Ах, да... — дернула плечом Лора и направилась к входной двери. День начинался ужасно.

— Мама...

— Готовьте операционную. Кровь вторая отрицательная, вызовите нейрохирурга. Анестезиолог где?

— На месте анестезиолог. Вторая операционная.

— Мама...

Ловкие руки медсестры сняли с покрытого разводами засохшей крови пальца серебряный перстень и бросили его в пластиковый контейнер со скомканным платьем...

— Черт, черт, черт! — Илья треснул кулаком по подоконнику и поморщился.

Ну вот, глупая девчонка поехала куда-то с компанией и попала в аварию. И опять — самые дикие слухи и шепот по углам. Да в Москве ежедневно десятки, если не сотни людей гибнут на машинах. А тут, на тебе, чуть ли не о злом роке и дамокловом мече болтают! Чтоб их...

Он выхватил из кармана мобильный телефон и набрал номер генерального. Тот ответил спустя пару минут.

— Ген, — устало попросил Илья, — возвращайся. Иначе я тут один просто рехнусь. Что случилось? Да ничего, просто хватит отсиживаться на пляже, когда тут все к чертям собачьим рушится! Какой ты, на хрен, директор, если коллектив в такое время бросил? — Он помолчал, вслушиваясь в растерянное бормотание трубки. Потом пожал плечами и отрезал: — Короче, или ты приедешь завтра, или я всех оставшихся командирую к тебе в Ниццу за счет фирмы. Да! Понял, что я до ручки дошел? Ну, молодец!

Илья швырнул телефон на стол и выругался. Генеральный директор, блин... Бросил контору в такое сложное время и укатил.

И тут Селиванов замер, неожиданно вспомнив Мишку Глебова — они ведь втроем дело начинали. Что, если вся это чехарда — хорошо спланированная месть? Они о Мишке давно забыли, но вот забыл ли он о них? Наверняка нет — ни то, что Генка тогда забрал часть его акций в уплату долга за квартиру, ни то, что замом сделал Илью, а Мишку бросил на организацию филиала в Перми. Тогда, пять лет назад, разговор был шумным, чуть до мордобоя не дошло. Мишка узнал, что пока он в Перми крутился как бобик, его жена не скучала в Генкином обществе. После этого они фактически больше не виделись.

Спустя полгода Мишка позвонил Илье, предложил выкупить его пакет акций. Селиванов прикинул, что может стать хозяином «Альтаира» — в сумме выходило пятьдесят три процента акций. Заманчиво. Но подличать не стал — сказал Генке. Тот оценил. В общем, контрольный пакет он не обрел, зато подтвердил свою лояльность.

За акции Мишке заплатили, и больше о нем ничего не слышали. Говорили — уехал из Москвы или вообще из страны. Но это только говорили. В столице легко затеряться.

Стоп-стоп-стоп! Но это же полная ерунда выходит — даже если принять как версию, что некто решил развалить «Альтаир», то что бы он сде-

лал? В первую очередь «заказал» бы Генку. Ну, и Илью до кучи. И уж никак не стал бы гробить наемных работников, потому что бессмысленно — всегда новых найти можно. К тому же сколько же это надо денег иметь, чтобы «заказать» такую прорву народа? Или этот неведомый тип решил насладиться местью вполне и действительно уничтожает людей, чтобы они с Генкой покрутились, как ужи на сковородке? Но тогда как, как, черт возьми, он это делает?! А главное, каким будет следующий шаг?..

Илья снова заметался по кабинету и поймал себя на том, что его раздражает отсутствие вуалехвоста. Раньше тот был некой точкой, фиксирующей взгляд, а теперь?

Ну вот, еще не хватало, скучать по этой идиотской рыбе!

Сев к столу, он снял трубку городского телефона.

Игорь Николаевич, директор охранной фирмы, выслушал его просьбу внимательно. Да, отыскать Михаила Сергеевича Глебова, где бы он ни находился. Три дня? Хорошо, три дня, сейчас по факсу будет сброшена вся известная информация по Глебову. И по его родственникам тоже.

Илья быстро напечатал лист с нужными данными. Факс стоял в приемной, пришлось идти туда. Ираида сидела бледная, даже какая-то зеленоватая.

— Что-то случилось? — почти панически спросил Селиванов.

— Нет, если не считать Лены, — пробормотала секретарша. — И даже заявлений... пока не несут.

— Вы что-то очень бледная сегодня.

— Похоже, я отравилась, Илья Викторович, — понизила голос Ираида. — Не могли бы вы отпустить меня? Отлежусь и завтра обязательно выйду.

— Да, конечно. Попросить, чтобы вас кто-нибудь домой отвез?

— Нет-нет! — Она как-то боком встала и, прижимая к себе сумку, пошла к двери. — Спасибо, я сама.

Илья дождался, пока секретарша выйдет, и принялся нажимать кнопки факса. Скоро он будет знать, где сейчас обитает Мишка и чем занимается. Прости, друг, но лучше все же проверить.

Все надежды на то, что удастся спокойно поработать и подумать, рухнули. Дина неожиданно огребла кучу работы, которую нужно было сделать практически немедленно. Мало того, работу ей поручил, вызвав к себе, лично Селиванов. Дина возражать не стала, только задала уточняющие вопросы и отправилась обратно к себе — выполнять.

Женя покосился на бумаги и дискеты, но промолчал. Должно быть, испугался, что часть работы ему перепадет. Этот ленивец начал уже откровенно раздражать девушку — понятно, что он пользуется смутным временем, и заставить его что-то делать сейчас невозможно.

Дина взялась за дело, а Женя почти весь день провел в курилке, уходя и снова возвращаясь на свое рабочее место. Ближе к вечеру, вернувшись в очередной раз в комнату, он принес хорошее известие — Лену Жукову прооперировали, и она уже пришла в себя. Дина Жукову не знала, но от души порадовалась за нее.

Женька подошел к своему столу, решительно вырубил компьютер и сладко потянулся, словно провел весь день в трудах праведных.

— Домой пора. Ты идешь?

— Нет, — сердито отозвалась Дина. — Я должна сегодня закончить, Илья Викторович просил.

— Ах, Илья Викторович просил... Ну, тогда ладно, трудись. А я пошел. И он совершенно бессовестным образом испарился.

Прихватив пакет с купленным в кафе яблочным пирогом, Дина отправилась в столовую. Если уж придется задержаться, то не сидеть же голодной.

В закутке между холодильником и столом сидела девушка-овечка и тихонько плакала.

— Ты чего? — испугалась Дина. — Случилось что-то?

— Нет, ничего особенного, — всхлипнула Лора. — Ленку жалко.

— Так ведь Лена, говорят, уже пришла в себя, и есть надежда, что всем поправится.

— Знаю. Просто я недавно с матерью ее разговаривала... Она мне перстень привезла. Представляешь, эта дурочка не успела в сознание прийти, как стала умолять маму отвезти мне это дурацкое кольцо, и той пришлось тащиться через всю Москву.

— Ничего не понимаю. — Дина сунула пирог в микроволновку и включила кофеварку. — О каком перстне речь?

— О том, который мне Илья Селиванов на день рождения подарил. Серебряная безделушка с кораллом. Ленка в тот вечер взяла его у меня поносить. В общем, когда авария случилась, перстень у нее на пальце был, и Ленка, едва от наркоза очухалась, сразу нервничать стала — где перстень? Пришлось отыскать. И тогда она маму послала срочно эту ерунду мне вернуть... — Лора криво улыбнулась: — Все равно я теперь это кольцо вряд ли надену, даже видеть его не хочу! Там, в змейке, Ленкина засохшая кровь осталась, — и снова горько разрыдалась.

Дина погладила ее поникшие светлые кудряшки и решительно произнесла:

— Ну, вот что, если хочешь, пусть этот перстень пока у меня полежит. Временно, пока ты успокоишься. А потом сама решишь, что с ним дальше делать.

— Ладно, — кивнула Лора. — Пойдем, он у меня в столе лежит. Наверное, так лучше будет, меня от него просто трясет.

Они поднялись на второй этаж и вошли в просторную комнату. Лора тут же полезла в ящик и достала перстень.

— Красивый, — заметила Дина, мельком взглянув на безделушку, и сунула ее в карман. — И перестань ты так убиваться, ничего непоправимого не произошло, все наладится.

— Я знаю, — вздохнула Лора. — Просто развезло меня от всего этого. Спасибо тебе.

— Да не за что, — усмехнулась Дина. — Ты давай, наводи глянец и отправляйся домой.

— До завтра, — слабо взмахнула рукой девушка. — Пока!

Выпив кофе, Дина достала перстень и как следует его рассмотрела. Действительно, красивый, особенно сочетание змеи и красного камня. Приглядевшись, она заметила крошечное бурое пятнышко в завитке чешуйчатого тельца и, вооружившись пластиковой вилкой и салфеткой, принялась отчищать серебро. Потом промокнула перстень и снова спрятала в карман. Хотела примерить, но вспомнила о Лене и не решилась.

Здание уже опустело. Она выглянула в холл и помахала рукой дежурившему сегодня Тимуру, показывая, что собирается еще поработать.

Место для перстня нашлось в прозрачной коробочке от скрепок. Подумав, девушка спрятала ее подальше, в нижний ящик стола. А теперь — работать.

Примерно час она печатала, старательно расшифровывая каракули Селиванова. В открытое окно вдруг влетел ветер, теребя пластинки сдвинутых жалюзи, и Дина, внезапно почувствовав, что находится в комнате не одна, резко обернулась.

Девочка сидела в соседнем кресле и смотрела куда-то мимо нее.

— Здравствуй, — улыбнулась ей Дина. Она подумала, что это, наверное, дочка охранника Тимура, поэтому несколько не испугалась.

— Это мои картинки, — не ответив на приветствие, серьезно, почти обвиняющее произнесла девочка. — Это я рисовала.

— Я знаю. Ты оставила свои рисунки на столе одной тети, и она дала их мне. Красиво нарисовано, мне очень понравилось. Ты не будешь сердиться, что я их повесила на стену?

Девочка подумала и отрицательно покачала головой:

— Не буду.

— Хочешь еще порисовать? Или мультики посмотреть?

Малышка снова покачала головой. Потом, по-прежнему не глядя на Дину, слезла с кресла и направилась к двери. Такая забавная и такая серьезная юная особа. Дина протянула руку, чтобы погладить ее по голове, но девочка уклонилась и исчезла в коридоре.

Вслушиваясь в звуки удаляющихся шагов, Дина пожалала плечами — пожалуй, все-таки надо предупредить Тимура, чтобы дочкины рисунки не оставались на столах сотрудников. Но...

Она вдруг задумалась. Лора сказала, что один ключ был у их начальника, а второй она забыла сдать охраннику. Так каким образом малышка попала в их комнату?

Впрочем, какая разница? Приходько мог оставить ключи у дежурного — мало ли для этого причин бывает. Вот Тим и открыл комнату, чтобы девочке было где поиграть.

Снова зашуршали жалюзи. Кажется, надвигался дождь.

Она уже сделала все, что собиралась. Пора домой...

Ира вернулась домой рано — обычно она задерживалась, чтобы закончить сводки за день, но сегодня не стала — ее беспокоило, что матери опять стало плохо. Она обещала зайти в поликлинику, но наверняка не сделает этого. Сколько Ирина помнила, мама всегда старалась перенести болезнь на ногах, и только если речь шла о гриппе, брала бюллетень, чтобы не распространять инфекцию. А тут — обычное отравление.

К удивлению Иры, в квартире никого не было, только на столике белела россыпь вытряхнутых из коробки лекарств. И скомканные простыни на диване. Что случилось?! Она выскочила на лестничную площадку и позвонила соседям. Марья Николаевна всегда в курсе того, что где произошло. Пенсионерка открыла и с порога огорошила Иру известием, что мать увезла «скорая помощь».

— Сказали, подозрение на язву желудка. На эту... прободную. Мой Славка помогал ее вниз на носилках спустить, она сама ходить уже не могла, криком кричала. Да ты не плачь, язва — это не смертельно, вон Сидоров из сто двадцать четвертой квартиры сколько лет с двумя язвами живет. Одна — Любка его, а вторая в желудке, и ничего, — пыталась успокоить Ирину соседка.

— Почему не позвонили, не сообщили?!

— Так это... На работе сказали — ты уже ушла, а трубка твоя не отвечала. Я сама набирала.

Ирина вытащила из кармана мобильный телефон и увидела, что он отключен — вчера забыла подзарядить.

— В какую больницу увезли? — спросила она.

— Я на бумажке записала, сейчас принесу.

Спустя пять минут Ирина уже мчалась в больницу.

Бесконечные кафельные коридоры, метание между стеклянными дверями, несколько часов ожидания результатов операции... В час ночи вы-

шел усталый врач и сказал, что мать спасти не удалось — большая потеря крови, слабое сердце, сопутствующий холецистит. Ирина слышала его голос словно сквозь вату — смысл слов уплывал куда-то за пределы сознания. В голове билась мысль: «Одна... я осталась совсем одна...»

Она вышла под прохладный дождь и побрела к остановке. И только постояв там минут двадцать, поняла, что слишком поздно, и трамваи уже не ходят.

Теперь нужно было найти в себе силы остановить какую-нибудь машину и ехать домой. Домой — привыкать к мысли, что мамы больше нет.

Айра, меня звали Айра.

Мама говорила, что так кричат птицы над океаном.

Няня звала меня колдовским отродьем.

Но я — дочь змеи, старик был прав.

Иногда мне кажется, что я продолжаю спать. Они не видят меня, почти никто не видит. Мой взгляд касается их лиц, их спин, я слышу их голоса. А они не видят меня и не слышат. И только иногда кто-то замечает, что я рядом.

Иногда я думаю — почему так. Я их убиваю, но даже тогда они не понимают, что это сделала я.

Я убиваю сейчас, потому что меня убили тогда. Во мне слишком много боли. И когда ее слишком много, я убиваю.

Тимур опять проводил Дину до двери, пытался заговорить, шутил. Он славный парень, и, если бы не его обращение с девочкой, она непременно ответила бы на его шутки. Ей нравились брюнеты с длинными пушистыми ресницами и ямочками на щеках.

Но маленькая девочка, бродящая в одиночестве по дому, — это чересчур. А может быть, Тим просто дожидается того, что все уйдут, и можно будет не таиться, спокойно поиграть с малышкой или почитать ей книжку? Интересно, а ночует ребенок тут же, или кто-то его позже забирает? Скорее всего, второе. Но наверняка не от хорошей жизни он приводит сюда ребенка.

Всю дорогу до дома она думала об этом.

И решила, что при удобном случае все-таки поговорит с Тимуром.

Устала она еще больше, чем накануне, но повторять трюк с падением на диван и встречей рассвета за компьютером не хотелось. Пусть она и жаворонок, но не до такой же степени!

Для начала позвонила родителям в Прагу и сообщила, что у нее все отлично, на работу устроилась, фирма приличная, и есть надежда, что на этот раз все сложится. Потом заставила себя приготовить полноценный ужин — омлет и салат. Хватит питаться всякой ерундой, так можно гастрит заработать.

Внезапно зазвонил телефон. Может, это кто-то из друзей решил напомнить о своем дне рождения и пригласить в гости? Но в трубке раздался мужской голос.

— Это Тимур, охранник, — поспешно представился он. — Извини, что беспокою, но ты забыла выключить в комнате свет. Могу я это сделать?

— Да, конечно, — растерялась Дина.

— Еще раз извини. И — хорошего вечера!

Раздались короткие гудки. Дина в недоумении уставилась на аппарат. Ну ладно, то, что номера домашних телефонов сотрудников «Альтаира» известны секьюрити, это нормально — мало ли что может случиться. Но ведь она точно помнила, как, выходя из комнаты, щелкнула выключателем. Так откуда там взялся свет?

Тим погасил свет и вышел. Вот, оказывается, почему эта девушка не ответила на его попытки поболтать и пофлиртовать. У нее есть ребенок, судя по рисункам над ее столом — лет четырех или пяти. Он вздохнул, запер замок на двери с надписью «Группа рекламы и маркетинга». Подумав, еще раз обошел здание. Вот теперь порядок. Он любил эти вечерние часы, когда в углах сгущался полумрак, и были слышны только звуки его шагов по камню или ламинату. Все, теперь можно расслабиться.

И все же странная эта девушка Дина. Все стараются умотать с работы пораньше, а она задерживается. И смотрит на него, Тимура, так, словно он делает что-то не то. Хотя он-то что? Он просто дежурит.

Неожиданно ему показалось, что на него кто-то пристально смотрит. Ощущение было необычным — Тим не был особо чувствительным, скорее, относил себя к толстокожим тугодумам. Он огляделся по сторонам. Что это может быть? На всякий случай выглянул во двор, потом закрыл жалюзи. Но чувство взгляда со стороны не исчезало. Что за ерунда?!

Тим решительно направился к лестнице, резко обернулся и неожиданно заметил легкое, почти неуловимое движение. Но не в холле, а в зеркале. Летучий силуэт, отразившийся в зеркальном стекле, был похож на маленького ребенка. Но исчез он так быстро, что разглядеть ничего не удалось, и уже через пару минут Тим сам не верил, что видел его.

А если видел, то кто это мог быть? Неужели он забыл проверить, заперта ли дверь в подвал? Конечно, сам подвал закрывается со двора, но строители могли забыть навесить замок. Это единственно возможное объяснение.

Тимур быстро прошел, почти пробежал коридор и толкнул небольшую узкую дверь в конце его. Она была заперта на прочную задвижку. Войдя, он нашарил на стене выключатель. В подвале вспыхнуло сразу три мощ-

ных лампы, осветив довольно обширное пространство. Справа виднелось квадратное углубление — рабочие уже забетонировали чашу бассейна, пол вокруг нее тоже уже был залит ровным слоем бетона. А дальше высились штабеля кирпича, приготовленного для сооружения перегородок.

И — ни души.

Он обошел весь подвал — слуховые окна повсюду были либо закрыты изнутри, либо заколочены. Ничего не оставалось, как вернуться обратно в холл.

Ощущение чужого взгляда неожиданно исчезло. Померещилось или нет?

Я — не человек.

Я сразу поняла это, когда проснулась.

Для меня нет стен, нет голода и усталости. Иногда я пытаюсь быть собой и вспоминаю свое имя — Айра. Но имя тоже убили. Его больше не помнит никто, кроме меня.

А папа называл меня Иришей. Но Айра мне нравилось больше.

А еще у меня была игрушка — глиняный колокольчик. Мамин. С птичками и рыбками. Когда-то он потерял свой язычок и перестал звенеть. И тогда мама привязала внутри колокольчика свое колечко, и у него появился новый голос.

Дин-дин-дин!

Его тоже убили и сожгли.

Первое, что услышала Дина, подходя к офису, — завывание и скрежет. А потом грохот. Надо бы глянуть на этот подвал — если верить Жене, то череда смертей в «Альтаире» началась после того, как решили устроить там какую-то баню. Да, сауну.

Обойдя дом, она увидела двух рабочих в комбинезонах, суеющихся вокруг истошно воющей бетономешалки. Судя по их напряженным лицам, что-то с агрегатом было не так. Дина уставилась на медленно вращающуюся емкость, по форме напоминающую бутылочку из-под питьевого йогурта. Внезапно она затряслась, взревела раненым бизоном и, окутавшись вонючим дымом, замерла.

— Твою мать! — сплюнул под ноги один из работяг. — Опять сдохла, блин!

— Пойду Славину звонить, — флегматично заявил другой и направился к входу в подвал.

— Звони! Пусть мастеров шлет, я им эту хреновину чинить не нанимался, — крикнул ему вслед рабочий и, заметив вдруг Дину, слегка смутился.

— Строите? — с улыбкой спросила она.

— Да разве это строительство? — хмыкнул рабочий. — Морока одна. То это не так, то то. Техника вообще на грани фантастики, похоже, ее где-то на помойке нашли.

— Вижу, — усмехнулась девушка. — А давно вы тут?

— Так почти месяц. Вначале надо было уровень пола опустить, землю и прочее барахло вручную гребли, туда же бульдозер не загонишь. Потом яму копали и фундамент укрепляли. Вот и проваландались две недели. Сейчас бы быстрее пошло, так раствора нет. Дали вот эту дурынду, — в сердцах пнул он безмолвно застывший агрегат, — так сама видишь, что это за дрянь.

— Да, весело у вас. А что тут в подвале раньше было?

— Да ничего особенного, топка была. Древняя, разваленная совсем. Дом-то раньше не был к центральному отоплению подключен, вот и обогревался от этой печи. Ну, и хлам всякий — камни какие-то, особенно с плитой намаялись. Тяжела, зараза.

— Что за плита? — заинтересовалась Дина. — Тоже каменная?

— Ага. Она землей присыпана была, Радик до нее докопался. Размером со столешницу, еле вытащили, чуть пупы не надорвали. А под ней я тазик нашел. Валерка ученых хотел вызвать, но Славин не дал — велел на свалку вывезти.

— Тазик? — удивилась Дина. — Эмалированный?

— Не-а, вроде фарфоровый, только грязный очень. С каким-то гнильем внутри — тряпки и черепки горелые. Олег в нем поковырялся, железку какую-то отыскал, потом ее Славин забрал. Ерундовина закопченная, вот такого размера, — согнул пальцы колечком рабочий.

— И последний вопрос — кто такой Славин?

— Бригадир наш, сейчас приехать должен. Надо же с раствором что-то решать.

— Слушай, у меня к тебе просьба, когда Славин ваш приедет, зайди, пожалуйста, за угол и громко свистни, я услышу.

— Договорились, — ухмыльнулся парень. — Так свистну, что мало не покажется.

Первое, что она услышала, войдя в офис, было известие о смерти Ираиды. Секретарша скончалась ночью от язвы желудка.

В холле собралось человек семь, что-то обсуждали, размахивая руками. У дверей, заложив руки за спину, стоял успевший сменить Тимура Роман.

— Чума продолжается, — шепнул он Дине и поежился.

Девушка зашла к себе, сложила подготовленные вчера документы в папку и отправилась к Селиванову. Но того в кабинете не было. Тогда она положила документы на стол и тихонечко вышла.

Лора с утра твердо решила две вещи.

Первое — она пошлет Макса ко всем чертям. Ночью он опять ей звонил и пьяным голосом приглашал к себе. Называл киской, зайкой и рыбкой. Фоном разговора шла музыка и чьи-то явно нетрезвые крики.

Нет, спивающийся донжуан все же печальное зрелище, и пусть их бурный роман останется приятным воспоминанием, не более. Ей нужно крепкое мужское плечо, забота и внимание. Маятник качнулся в другую сторону, и теперь Лора готова была признать, что Илья — не самый плохой вариант.

Второе — надо все-таки после работы съездить в больницу к Ленке. Даже если не пустят. Передать сок и записку, чтобы поддержать в трудную минуту.

Первым, кого она увидела, подъехав к офису, был Селиванов. Он сиделся в машину, но, заметив Лору, подошел. Лицо его было осунувшимся и совершенно серым.

— Ираида умерла, — буркнул он, закуривая.

— Ираида?! — Лора зажала ладонью рот, словно боялась сказать что-то еще.

— Именно.

Так они и молчали — она, сидя в машине и чувствуя, как дрожат колени, и он — глубоко затягиваясь дымом. А ведь курить Илья Викторович бросил почти пять лет назад.

Колечко проснулось вместе со мной. Только теперь оно привязано не к колокольчику, а ко мне. Или я к нему.

Оно стало красивей, чем раньше — в нем красный камень, похожий на каплю крови. Он дает мне силу, чтобы убивать.

Я видела кровь.

Тогда, когда меня убили.

Дина вернулась к себе и только успела вывести на экран шаблон для пресс-релиза, как прямо под их окном раздался разбойничий посвист. С дерева взлетели галки, Женя нервно вздрогнул и оглянулся.

— Это меня, — невозмутимо проговорила она и выскочила из комнаты.

Теперь во дворе собралось уже пятеро мужиков, один из них пытался что-то отвинтить от агрегата, остальные скептически наблюдали и переругивались.

Позвавший Дину парень незаметно кивнул на худосочного субъекта в комбинезоне и кепке с какой-то эмблемой. Похоже, он тут действительно был главным.

— Можно вас на минутку? — негромко окликнула она бригадира.

Тот нахмурился, но подошел. Очевидно, решил, что опять будут высказывать претензии, что они шумят и мешают работать. Услышав вопрос, еще больше напрягся, заподозрив Дину в причастности к охране исторических ценностей. Ведь, по идее, ту плиту надо было ученым показать, а не

сразу на свалку везти. Когда же девушка заверила его, что ни к какой охране отношения не имеет, и интересуется ее только кусочек металла, найденный в тазике, удивился, но ответил, не задумываясь:

— Селиванову я ту фиговину отдал, когда о работе отчитывался. Мне она зачем? А ему, может, интересно.

Поблагодарив бригадира, Дина вернулась в офис.

— Нет, Илья Викторович еще не возвращался, с утра уехал, даже наверх не поднимался, — сообщил Роман.

— Слушай, — понизив голос, сказала Дина, — ты говорил, что с дозиметром по зданию ходил.

— Ходил, — подтвердил охранник. — Когда Вадик умер. Меня Женя к нему в кабинет специально пустил. И остальные комнаты проверил тоже. Даже на чердак и в подвал слазил, когда все ушли. А что?

— В кабинетах директора и Селиванова тоже был?

— Нет, кто меня туда пустит, ключи они нам не оставляют. Да я и сам бы не полез, мало ли...

— А если я принесу тебе одну штуку, проверить ее сможешь?

— Без проблем, дозиметр до сих пор в тумбе валяется, все забываю отнести. Так что тащи.

— У меня пока ее нет, но как будет, принесу.

— Только учти, завтра — не моя смена, Тимкина. Вообще-то нас тут трое, но сейчас третий в отпуске, вот мы и меняемся через день.

— Попробую сегодня, — неуверенно пробормотала Дина.

Руководитель охранной фирмы, которому Илья поручил найти Мишкины следы, позвонил рано утром. Нашел и готов отчитаться. Договорились, что Селиванов подъедет к нему перед обедом.

Но когда Илья, не успев войти в холл, услышал о смерти Ираиды, внутри вдруг поднялась волна сосущего страха. Так он никогда в жизни не боялся — до холодного пота.

Он заставил себя остановиться, задал кому-то какой-то вопрос, с трудом понял ответ и пошел обратно. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда!

Увидев идущую к дверям офиса Лору, Илья подошел к ней и сказал, что ему надо ненадолго отъехать.

— Может быть, мне с тобой? — предложила она.

— Не надо, я скоро вернусь. — Илья наклонился, коснулся губами ее губ, провел ладонью по щеке и быстро зашагал к своей машине.

Если все это устроил Мишка, он выроет его из-под земли и лично сотрет в порошок. Если это Мишка, а не та пустота, которую он отчетливо ощутил только что. Но почему его пробрало именно сегодня? Не когда умер Шев-

ченко или Козловский, не вчера, а именно сегодня. Может быть, потому, что сегодня пустота выбрала его?

Генка так и не позвонил, затаился. А самому звонить противно. Да и не факт, что генеральный не отключил телефон, чтобы истеричные замы не говорили ему гадостей...

— Вот, сведений немного, но думаю, что других больше не будет. — Игорь Николаевич, крепко сбитый мужик с военной выправкой, положил на стол перед Ильей прозрачный скоросшиватель.

Надежды рухнули — Михаил Сергеевич Глебов, 1970 года рождения, разбился в своей машине под Рязанью три года назад. К справке были приложены фотография надгробья, сделанная явно с помощью мобильного телефона, и еще одна — черно-белый снимок, сделанный на месте аварии — салон разбитого «пежо», и в нем Мишка — безжизненно запрокинутая голова, залитое кровью лицо.

— Если это инсценировка, то безукоризненная, — медленно произнес Игорь Николаевич.

— Нет, не инсценировка, — покачал головой Илья.

Еще раз просмотрев материалы о странном происшествии в особняке Солопова, Дина все же написала письмо координатору проекта «Таинственные преступления прошлого». Она просила дать ей электронный адрес Сергея Некрасова или переслать ему ее сообщение. Ответ пришел неожиданно быстро.

Письмо было от самого Некрасова и содержало всего одну строчку: «Что именно вас интересует?»

Дина задумалась — что же конкретно она ищет? Это сформулировать легко: она пытается узнать, почему вдруг в доме, простоявшем почти двести лет, один за другим начали умирать люди? Но какое отношение имеет к нему преступление, произошедшее в 1865 году? На первый взгляд — никакого, кроме того, что в истории особняка просто больше не за что зацепиться. Но вряд ли неизвестный Некрасов сразу поймет подобное логическое построение. Поэтому она ответила кратко:

«Меня интересуют версии исчезновения Ирины Солоповой. Те, которые не вошли в статью. Хотелось бы встретиться и поговорить».

«Странные интересы. Но встретиться можно. Сегодня в 20-00 в пивном баре «Дельфин», меня можно узнать по красной бандане».

Девушка задумалась. Тащиться в пивной бар, чтобы полюбоваться на какого-то сомнительного типа? Где он, этот «Дельфин», хотя бы находится? Всезнающий Интернет сообщил, что указанное заведение находится вблизи Киевского вокзала. Вот только вокзальных пивнушек ей для полного

счастья не хватало... Но ехать придется. Только вначале хорошо бы поговорить с Селивановым.

Ее размышления прервала Лора. Она боком протиснулась в комнату и, покосившись на Женю, сражающегося на мониторе компьютера с отвратительным чудовищем, шепотом сообщила:

— Илья звонил, приглашает вместе пообедать. Придется перстень надеть. Думаю, будет серьезный разговор.

— Держи, — улыбнулась Дина и достала коробку от скрепок. — Ты как, отошла немного?

— Вроде бы, да. А вот Илья расписуховался именно сегодня. Аж трясет его. Ираиду, конечно, жалко. Да и Ирку — у нее, оказывается, кроме матери, никого нет. Даже бабки или тетки какой завалящей. Извини, я тороплюсь, попозже еще поговорим.

— Хорошо, скажи Илье Викторовичу, что я уже все сделала. Папка в приемной на столе. Пусть заберет.

Лора кивнула и так же боком выскользнула за дверь. Женя ее появления, похоже, даже не заметил.

Я прячусь уже реже, и мне нравится смотреть вокруг. Тогда, когда меня убили, все было другим, более медленным, не таким ярким. Я помню снег и скрип полозьев салазок, смешную лошадку и еще куклу, сидящую на подоконнике. Теперь в доме нет кукол.

Может быть, я проснулась, чтобы увидеть все это — солнце, огромные дома, людей в странных одеждах?

Я играю с колечком, и оно говорит мне, что дочь змеи должна убивать. Или это говорит мне камень, похожий на каплю крови?

Селиванов встретил Лору у входа в ресторан «Приют художника». Почему он выбрал это место, он и сам не мог объяснить. Но готовили тут прилично, так почему бы и нет?

Девушка пристроила машину на стоянку, надела темные очки и огляделась. Илья махал ей рукой от входа.

Они выбрали столик подальше от окон — слишком ярко светило солнце.

— Стейк из осетрины с молодой картошкой, — глянув в меню, заказала Лора. — И яблочный сок.

— И все? — удивился Илья.

— Все, — вздохнула девушка. — Картофель, конечно, лишний, но ужасно люблю.

— А меня вот прокормить сложно, — хмыкнул Илья и заказал такую кучу еды, что Лора слегка опешила.

— Тогда мне... еще фисташковое мороженое, — решила она на отчаянный поступок. — Пропадай моя фигура, но гулять, так гулять!

Официант отошел, и Селиванов перешел к делу, ради которого, собственно, он ее и пригласил.

— Лорочка, послушай... Если я тебя попрошу, очень попрошу сегодня же...

— Что? — напряглась она. Неужели прямо сейчас придется давать ответ? Но она не готова, она еще ничего окончательно не решила...

— Сегодня же напиши заявление об отпуске, я тебя очень прошу. Съездишь куда-нибудь, отдохнешь — я сразу же подпишу. Уходи прямо после обеда.

— Нет, — покачала головой Лора, — не могу.

Пальцы Ильи скользнули по перстню, и было непонятно, гладит ли он его или руку девушки.

— Я боюсь за тебя, — почти шепотом продолжил Селиванов. — Я не знаю, что происходит. Но мне страшно. И больше всего — за тебя.

— Я тоже боюсь. — Голос Лоры звучал почти спокойно. — Но сбежать в такой момент, оставив тебя одного — даже не проси. И потом, я здорова, как космонавт. Так что, будь уверен — мне ничего не грозит. Мне за других страшно. Что это может быть?

Показалось ли Илье или нет, что за тонированными стеклами очков он уловил в глазах девушки янтарный отблеск? Или это была игра солнца, отраженного от хромированного столика, который катил официант?

— Понятия не имею, — пожал плечами Селиванов. — Я уже голову сломал. Кое-что проверил — не подтвердилось. Поэтому и прошу, пока я не разобрался — держись подальше от офиса. Если в отпуск не хочешь, то я тебя в командировку отправлю, в Пермь.

— Жуть какая! — всплеснула руками Лора. — Хотя, говорят, сибирские мужчины весьма импозантны и темпераментны, — коварно добавила она.

Илья насупился. Конечно, его кудрявый ангел шутит, но шутка эта ему не понравилась. Остаток обеда он посвятил бесполезным уговорам — Лора-овечка превратилась в Лору-упрямого барана, и все его доводы упирались в это катастрофическое упрямство.

А десерт завершился совсем уж отвратительно — к их столику подвалил какой-то не вполне трезвый тип и развязно потребовал объяснений, почему это его киска обедает с каким-то хлыщом. Лорочка неожиданно встала и, ухватив его за галстук, процедила сквозь зубы:

— Я обедаю с тем, кто мне нравится, Макс! А ты катись к своим кискам, птичкам и не смей ко мне больше приближаться!

Опешив, тип несколько секунд хватал ртом воздух, соображая, стоит ли затевать потасовку, затем с шумом выдохнул и быстренько ретировался. Подхватив его под локоть, официант увел Макса к дальнему столику.

— Кто это был? — удивленно спросил Селиванов.

— Да так... тень прошлого, — небрежно взмахнула рукой Лора.

Когда они покинули ресторан, Макс снова подозвал к себе официанта и потребовал водки и икры. Много водки и много икры. «Бешеная кошка! — стучало в голове от возмущения. — И дура — променять его, Макса, на какую-то офисную крысу! И глаза у нее сумасшедшие, желтые... От злобы, наверное». Он потер грудь. Неужели все-таки сломал ребро на съемке? Так неудачно приложился к реквизиту. Гнать постановщика драк взащей — так и скажет Ваське-режиссеру! Макс Бортнянский слишком дорог публике, чтобы какой-то козел его об реквизит колотил. И все же — что у нее было с глазами? А грудь все болит, сволочь...

Удивительно, но Селиванов позвонил Дине сам — поблагодарил за сделанную работу. Пока она пыталась придумать повод поговорить с ним наедине, он сам предложил ей зайти — какие-то проблемы с рекламным буклетом.

С буклетом все было в порядке, просто Илья хотел попросить Дину на время заменить Ираиду. За зарплату веб-дизайнера и премиальные, разумеется. Ненадолго, пока они не найдут нового секретаря. Максимум на неделю.

— Хорошо, — неохотно кивнула девушка, которой идея сидеть в приемной не слишком понравилась. Но разве у нее есть выбор? — Попробую.

— Вот и отлично! — с явным облегчением воскликнул Селиванов. — Если что-то нужно разъяснить или нужна какая-то помощь, сразу обращайтесь.

— Илья Викторович, — решила Дина. — Может быть, мой вопрос покажется вам странным...

— Ничего, ничего, задавайте! — Он присел на край стола и вопросительно выгнул бровь.

— Славин, бригадир строителей, сказал, что отдал вам кое-что, найденное рабочими в подвале. Какую-то металлическую штучку. Куда вы ее дели?

Теперь удивленно поднялись обе начальственные брови. Оригинальные вопросы задает эта девица. Но почему не ответить, если и скрывать нечего?

— Это был перстень, Диночка, старый, покореженный перстень. Из любопытства я отдал его на реставрацию. Получилась забавная безделушка.

— Та, что вы подарили Лоре? — сообразила Дина. — С красным камнем?

— Та самая, — кивнул Селиванов. — Камень мастер вставил, перстень без камня не смотрелся. Коралл, кажется. А почему вы спрашиваете?

— Просто интересно стало, — смутилась девушка. — Меня старинные вещи интересуют.

— Попросите Лору показать, — улыбнулся Илья. — Он ей нравится.

Кивнув, Дина вышла из кабинета.

Спустившись к себе, она объявила Жене, что временно переезжает в приемную — но только на время. А потом вернется. Если в этом заявлении и была скрытая угроза, то до ленивца она так и не дошла. Да и кто, собственно, ему Дина — да никто, не начальник и не работодатель. А боссу кляузничать она не станет, в этом он почему-то был уверен.

Переместившись в приемную и включив компьютер, Дина первым делом отыскала в нем список сотрудников со всякими полезными вещами — адресами, телефонами и днями рождений.

День рождения Лоры был шестого мая, а первая смерть — Натальи — произошла тринадцатого, ровно через неделю. Это могло означать что угодно и ничего, быть простым совпадением. Но хоть какая-то точка отсчета появилась.

Потом Дине пришлось разбираться с системой делопроизводства в «Альтаире», принимать какие-то факсы и отвечать на звонки. Селиванов по громкой связи попросил кофе, осекся и принялся извиняться. Кажется, он забыл, что Ираиды в приемной нет.

— Я сейчас сварю, Илья Викторович, — улыбнулась девушка. — Вам покрепче?

— Да, если можно, покрепче, пожалуйста, — пробормотал заместитель директора. — Да, и вызовите Сергея Ивановича, надо вопрос с похоронами решить.

В столовой Дина опять наткнулась на Лору. Перстня на той уже не было. Наверное, опять спрятала.

— Ну, как пообедали? — засыпая кофе на две порции, поинтересовалась Дина.

— Страшное дело! — закатила глаза девушка. — Представляешь, не успели поесть, подвалил пьяный Макс. Едва не подрались.

— Макс — это кто?

— Бортнянский, звезда экрана. У меня с ним когда-то роман был.

— Ну, ты даешь! — с интересом уставилась на Лору Дина. — Такие страсти, да в обеденный перерыв!

— И не говори, — вздохнула девушка-овечка. — У меня вообще голова кру́гом, я так не могу. Илья предложил отпуск взять, я не согласилась.

— А кто-то, вроде бы, только об этом и мечтал. Или я путаю?

— Вот поэтому и крúгом. — Лора допила чай и встала. — Такая я противоречивая, черт подери, что сама не могу в себе разобраться.

Дина проводила ее взглядом. Надо было спросить о перстне, но почему-то она промолчала. Ладно, вначале с Некрасовым нужно встретиться, а там посмотрим. Скорее всего, эта безделушка тут вообще ни при чем.

Мимо двери кто-то прошмыгнул, но она стояла к ней спиной, разливая кофе в чашки. А когда обернулась, то все исчезло — черные блестящие глаза под ровно подстриженной челкой, фланелевое платье... только легкие шаги простучали по коридору.

Интересно, почему бы еще одну кофеварку не поставить в приемной? Тащить поднос по лестнице еще то развлечение...

Пивной бар «Дельфин» ее вначале ужаснул — в полумраке прокуренного помещения колыхались у столиков совершенно однородные фигуры и гудели голоса. Потом она начала различать фигуры по росту и комплекции. Преобладали тут явно мужчины.

Дина осторожно двинулась вперед, пытаясь обнаружить хотя бы одного в красной бандане. К счастью, на нее никто не обращал внимания, тут был особый мир, сосредоточенный на одном фетише — тяжелой стеклянной кружке с янтарным, увенчанным пенной шапкой содержимым. Дина добралась почти до конца зала, и только там обнаружила искомого субъекта — среднего роста крепыша, повязанного косынкой на манер комсомолки-ударницы. Пробравшись к его столику, девушка мрачно спросила:

— Вы Некрасов?

— Здравствуйте, — приветствовал ее крепыш. — Это вы хотели меня увидеть?

— Я хотела поговорить, — уточнила Дина.

— Пиво пьете?

— Редко.

— Сейчас как раз подходящий случай. Думаете, почему я сюда хожу? Потому что тут лучшее не фильтрованное пиво во всей Москве. И всегда свежее. Так что рекомендую.

Он жестом позвал паренька в белой сорочке и жилетке и велел принести еще пару пива. Через минуту на столик перед Диной опустилась кружка. Она отпила глоток и признала — напиток неплох.

— Я вас внимательно слушаю, — отер пенные усы Некрасов.

— Наверное, вы сочтете меня ненормальной, — многообещающе начала Дина, — но я работаю в том самом особняке, где произошло похищение Ирины Солоповой.

Некрасов слушал ее внимательно, изредка прикладываясь к кружке и кивая. Но не перебивал. Под конец рассказа девушка окончательно пала духом и про себя решила, что, если бы ей кто-то изложил такую чушь, она бы точно постаралась поскорее отвязаться от подобного собеседника.

— Ну, вот что, — наконец произнес он, уставившись на нее ясными голубыми глазами. — Давай на «ты», а?

— Хорошо, — согласилась Дина.

— Насчет того, что сейчас у вас в офисе происходит, ничего полезного сказать не могу. А насчет дела об исчезновении дочки Солопова ты права — в нем много мутного. Такого, что в статью не вошло. Вернее, вначале было кое-что, но потом выкинули — все-таки сайт посвящен криминальным преступлениям, а тут явная чертовщина намешана. Да и потом дополнительная информация появилась. Но, знаешь что, надо бы тебе еще с одним человеком встретиться. Вот он-то может попробовать увязать все эти события, такая у него... специальность. Предлагаю отправиться к нему и поговорить втроем.

Дина насторожилась. Идея пойти куда-то и оказаться наедине с двумя мужиками ей не понравилась. Она этого Некрасова видит впервые в жизни, и что у него в мыслях — одному богу известно.

— Сразу предупреждаю — Митька производит сильное впечатление, но на самом деле он существо вполне разумное, даже прагматичное. — Некрасов допил пиво и вопросительно посмотрел на Дину: — Ну что, едем?

— Далеко?

— На Баррикадную, по дороге я ему звякну, чтобы свободен был.

Девушка пожала плечами и кивнула. Ладно, в конце концов, она попадала и в более сомнительные ситуации.

Некрасов усадил ее в обшарпанный «форд», и они покатали по вечерним улицам. По дороге он кому-то звонил, ему звонили.

— Митька нас ждет, клиентов у него сегодня уже не будет, — сообщил он, останавливаясь у длинного желтого дома. — Пошли. Только ничему не удивляйся и не пытайся спорить — Митька этого не выносит.

Дверь квартиры на третьем этаже открыл самый настоящий Карабас-Барабас, облаченный в жемчужно-серебристую хламиду и клетчатые комнатные тапочки. Поверх хламиды стелилась длинная черная борода, подпираемая объемистым животом, длинные волосы были связаны сзади хвостом.

— Двигайте в комнату, — скомандовал Карабас и зашлепал куда-то в глубину квартиры. — Я кофе сварю.

Помещение, куда они вошли, больше всего напоминало декорацию к «Гарри Поттеру» — стены отделаны дубовыми панелями и черным муа-

ром, на полках — какие-то то ли астрономические, то ли физические приборы и толстые потрепанные фолианты. Камина не было, зато горели несколько свечей. На столе с толстыми гнутыми ножками среди каменных шаров и чашек с остатками пепла возлежал черный пушистый кот.

Дина остановилась в изумлении, но потом, вспомнив рекомендацию Некрасова не удивляться, опустила на деревянный стул с высокой спинкой и принялась рассматривать комнату.

— Кофе, — пробасил вернувшийся хозяин. Только сейчас она поняла, что толстяк довольно молод — не больше тридцати лет.

Она взяла крошечную серебряную чашечку и пригубила. Потрясающе — напиток был черен, горяч и пах просто божественно.

— Мить, мы насчет Солоповых, — напомнил Некрасов.

— Не спеши, Серега. Это тебе не пиво глушить. Кофе требует паузы.

— Угу, кстати, как магистратура? Двигается?

— Двигается, куда ей деться, — усмехнулся Карабас, усаживаясь в огромное кресло, стоявшее за столом. Из-под длинных усов сверкнули крупные зубы. — Значит, насчет Солоповых хотите поговорить? И что сподвигло?

Дине пришлось повторить рассказ. В отличие от Некрасова, Митька несколько раз задавал уточняющие вопросы. Особенно насчет каменной плиты и фарфорового тазика. Потом сложил на животе поросшие черными волосками руки и задумался.

— Какой, говоришь, камень в перстне?

— Красный. Селиванов сказал, что коралл.

— Коралл... Считается оберегом и хранителем здоровья. Но это так, на поверхности. Жемчуг, коралл и янтарь несут в себе мощнейшую энергетику, потому что создавались живыми организмами, в отличие от обычных камней. А сочетание двух или нескольких полей может дать самый неожиданный эффект. Тут он, похоже, сработал как усилитель. Ты перстень хорошо рассмотрела?

— Вроде бы, да. На нем змея и гроздь ягод.

— Змея и ягоды... А не было там рисунка двойных змей? Вот таких? — Он схватил гелевую ручку и на обрывке бумаги нарисовал два зигзага.

— С обратной стороны. Клеймо, — кивнула Дина. — Ты что-то знаешь об этом перстне?

— До сих пор не знал, но если дело в нем, то должен быть знак рода Тлепанко.

— Какого рода?

— По имеющимся в отдельных источниках данным, жена Дениса Ивановича Солопова Татьяна Петровна была из Южной Америки. Из маленького племени, которому удалось спрятаться где-то в лесах побережья и сохра-

нить какую-то часть культуры и обычаев тольтеков. Если ты знаешь, какая это культура...

— Почти ничего не знаю, — покачала головой Дина.

— Ладно, об этом по ходу. В общем, Солопов был исследователем — зоологом и этнографом. И, участвуя в экспедиции в Южную Америку, изучал не только животных, но древнеиндейскую культуру. Майя, инки, тольтеки и ацтеки тогда уже были большей частью истреблены и как народы исчезли, но отдельные общины еще оставались. Европейцев они не жаловали и мало кому доверяли. Уж не знаю, как там и что было — об этой экспедиции сам Солопов оставил мало записей, пришлось искать разрозненную информацию. Известно, что он некоторое время жил среди каких-то индейских племен. Один из его попутчиков упоминал, что однажды, когда за ним приплыл корабль, Денис Иванович поднялся на его борт не один, с ним была красивая черноволосая девушка по имени Солай Тлепанко. Говорили, что она — дочь местной не то колдуньи, не то жрицы. И отличалась она от своих соплеменников светлой кожей, почти такой же белой, как у испанцев или англичан. Именно поэтому соплеменники девушку не любили и считали ведьмой, дочерью сурукуку. Говорили, что жрица родила ее от одной из самых страшных ядовитых змей побережья.

— Сурукуку — знаменитый бушмейстер, — пояснил Некрасов, — здоровенная змеюга со смертельным для человека укусом.

— Да, бушмейстер. Но, думаю, что дело было прозаичнее — жрица, которой по статусу не положено было иметь детей, скорее всего, прижила дочь с кем-то из бледнолицых. А чтобы уберечь себя и ребенка от преследований, придумала такую вот байку. Сама она происходила из когда-то очень могущественного рода Тлепанко, в котором династию продолжали мужчины, а женщины занимались всякими магическими обрядами. Сородичи юную Солай не трогали, остерегались мести сурукуку, но по понятным причинам не особо любили, так что судьба ожидала ее незавидная. А тут приплыл приличный человек, которому черные глаза Солай пришлись по душе. Вот мать, видимо, и решила — пусть уж лучше вдали, но зато с семейной жизнью у дочери все будет в порядке. А, может быть, девчонка просто сбежала с заезжим красавцем. Так что вернулся Солопов домой с невестой. Вначале научил ее русскому языку, потом она крестилась, и только после того, как стала Татьяной Петровной, пошла с ним под венец. К сожалению, портретов Солай Тлепанко почти не осталось — я нашел только этот.

Толстяк встал и, порывшись в книгах, извлек довольно тонкую брошюру. На развороте была фотография, сделанная с миниатюры — молодая женщина с темными волосами, уложенными в высокую прическу. Прямой изящный нос, высокий лоб. В общем, судя по изображению, никаких осо-

бых черт, выдававших экзотическое происхождение, у жены Солопова не было. Или их сгладил художник.

— Думаю, что поначалу Солай пришлось несладко — попасть из привычного теплого климата в Москву, где люди говорят на чужом языке, учиться носить обувь и европейскую одежду, жить в каменном доме. Но довольно быстро индейская девчонка превратилась во вполне цивилизованную даму. Вот только соседи ее не очень любили.

— Почему? — машинально спросила Дина, рассматривая портрет.

— Дело в том, что Солопов привез из той экспедиции много предметов, которые относились к тольтекской ритуальной магии. Тут были и огромные гонги с изображением солнца, и жертвенные ножи, и каменные таблички с письменами и рисунками. Человеческие жертвы были традиционны для тольтеков, и атрибутика была соответствующей. Слухи о том, что подобные нечестивые вещи хранятся в доме, постепенно поползли по соседям. Уловив так называемое общественное мнение, часть предметов Денис Иванович передал в соответствующие музеи, а кое-что спрятал в подвале. Но жену ведь не спрячешь. Несмотря на то, что она крестилась и регулярно посещала церковь, ее считали язычницей и сторонились. Прислуга в доме долго не задерживалась, а те, кто получал расчет, плели всякие небылицы — дескать, хозяйка по ночам превращается в огромную змею и устраивает всякие колдовские пакости.

— Ну, это домыслы глупых обывателей, — усмехнулся Некрасов. — А факты?

— Факты странные. В рассказах об этих превращениях московские обыватели весьма подробно описывали сурукуку: очень крупная змея, красновато-желтая, с черными ромбами на шкуре. И в каждом ромбе — по два светлых пятна. Вот так выглядит бушмейстер. Не гремучник, не анаконда или куфия — именно бушмейстер. А следующий факт, — продолжал Митька, теребя бородищу, — незадолго до похищения девочки появился в тех местах некий старец Дионисий. Приютила его одна старуха, считала святым человеком. И начал этот Дионисий частенько захаживать в гости к няне дочери Солопова.

— Ага, к Пелагее Свиридовой, — вспомнила Дина.

— Да, вела она с ним какие-то беседы, причем подолгу и почти всегда в отсутствие хозяев. А сразу после того, как исчезла девочка, старец собрал свои манатки и тоже испарился. Полиция его разыскивала как лицо, бывавшее в доме, где произошло преступление, но не нашла. А при осмотре комнатенки, где он обитал, обнаружили закатившуюся под топчан металлическую бляшку со странными значками, а еще обрывки сгоревших бумаг с опять-таки с непонятными буквами. Примерно такими. — С ловко-

стью фокусника Митька вытащил из-под какой-то тряпки серебряную потускневшую пластину с выдавленными на ней знаками. Латинские буквы были знакомы, а вот странные угловатые иероглифы Дина видела впервые.

— Что это?

— Это текст средневекового магического заклинания. Не буду врать, что штука эта древняя, изготовлена с полсотни лет назад с подлинника.

— Интересный ты человек, — задумчиво произнесла Дина. — Для чего могут понадобиться такие вещи?

— Я — маг, — совершенно буднично заявил толстяк. — Кто-то называет нас псиониками, кто-то сенсами, а кто-то вообще считает это фарсом, но мне плевать. Я занимаюсь тем, чем считаю нужным заниматься. И именно поэтому меня заинтересовало дело Ирины Солоповой, дочери индейской колдуньи.

— Ты уверен, что она была колдуньей? — Девушка пыталась прийти в себя после такого заявления. Надо же — маг. Ну, всякие газетные шарлатаны и гадалки — это понятно. Но, похоже, Митька не из их числа, говорил он с ней вполне серьезно. И ему от нее ничего не надо — не привораживать ведь и не насылать порчу она сюда явилась. Ну ладно, маг так маг.

— Дочь колдуньи не может не быть колдуньей, — пояснил маг Митька. — Конечно, она крестилась и старалась быть примерной христианкой, но все равно что-то осталось. Наверняка она прятала это глубоко, но кое-что проскальзывало. Например, перстень. Судя по клейму, она привезла его с собой из Южной Америки. Похоже, это было что-то вроде амулета и родового знака в одном флаконе, возможно, нечто вроде «детского оберега», который передается в семье от ребенка к ребенку. И когда Солай родила дочь, перстень стал ее хранителем. Мать произвела соответствующий ритуал или, выражаясь современным языком, перепрограммировала амулет. Это обычное дело.

— Но как он оказался в подвале? И кто такой был старец Дионисий? — Дина слушала, напряженно подавшись вперед. Неужели ей не морочат голову? Она машинально погладила пластинку, и Митька ее тут же отобрал, шутливо пригрозив пальцем, а затем задумчиво ответил:

— Думаю, что он был не тем, за кого себя выдавал. Судя по оставленным уликам, он был отнюдь не святым старцем, а черным магом или посланцем кого-то из могущественных жрецов с родины Солай. Дело в том, что магические знаки в описании несведущих людей выглядят примерно одинаково — фигурки, значки, какие-то символы. Не видя их, я точно сказать не могу, — развел он руками. — За первую версию говорит то, что этот Дионисий выглядел как обычный старик и разговаривал по-русски. За вторую — свойственная тольтекам безжалостность в отношении человеческой жизни. Но логика их действий одна.

— И какая? — Некрасов медленно крутил по столу шар из зеленоватой яшмы, а кот следил за ним прищуренным желтым глазом.

— Логика следующая: Солай, возможно, была не слишком сильна в магии, это ведь как музыкальный слух или талант к живописи — кто-то родится с огромным талантом, а кто-то так себе. Но ее дочь Ирина... думаю, она была наделена куда большими способностями. И, повзрослев, могла стать для кого-то опасной. Поэтому ее нужно было уничтожить. А уж кто ее вычислил — можно только догадываться. Думаю, что объяснение произошедшего всего одно — девочку в тот вечер убили, тело сожгли, а пепел и то, что там от нее еще осталось, закопали в жертвенной чаше в подвале дома, прикрыв место захоронения плитой. Вместе с ней постарались расплющить и сжечь ее амулет — перстень.

— И кто же убийцы? — прищурился Некрасов и стал похож на хозяйского кота.

— Убийцы — няня и старец, — кивнула головой Дина. — Насчет горничной не уверена, скорее всего, она тут ни при чем.

— А почему ты уверена насчет няни?

— Потому что она врала полицейским насчет троих мужчин в масках и шубы. Она не могла видеть из детской, во что завернули ребенка.

— Ты тоже обратила на это внимание? — с некоторым удивлением переспросил Некрасов. — Молодец! Мне эта история сразу не понравилась, веяло от нее каким-то ужасом. Жаль, что содержимое чаши на свалке пропало, можно было на экспертизу отправить. Но вот насчет сжечь? Мить, ты представляешь, какая должна быть температура?

— Только сжечь, — отрезал маг, — иначе ритуал был бы неполным. Огонь должен был убить ее силу. А температура... Топка в особняке была, ты сам говорил. И именно в подвале — оттуда теплый воздух по трубам шел вверх для обогрева комнат. Много ли маленькому ребенку надо, а у убийц в запасе было три часа.

Дине стало нехорошо. До этого она старалась не давать волю воображению, но сейчас представила, что в тот вечер пережила девочка, и ее затрясло.

— Теперь осталось понять, что же произошло, когда строители нашли плиту, — пытаюсь прийти в себя, выдавила она.

— Мне кажется, тут сыграла злую шутку случайность. Смотри сама — перстень-талисман, обладающий значительной магической силой, все же не смог защитить ребенка от убийц. Скорее всего, он был временно нейтрализован, а это уже грозит неприятностями тому, кто позже будет иметь с ним дело — он может дать такой импульс, что мало не покажется. Возможно, его пытались расплавить, но не вышло — думаю, он изготовлен

из какого-то сплава, имеющего температуру плавления выше, чем обычное серебро. Дело в том, что сила оберега очень зависит от его формы, не зря ей всегда придавали огромное значение. Поэтому перстень деформировали и закопали вместе с останками ребенка, а затем придавили плитой. Я, конечно, не силен в древнеиндейской магии, но что-то в ней было, и оно удерживало оставшуюся силу оберега до тех пор, пока плиту не убрали. А потом перстень восстановили, вернули ему форму и вдобавок еще вставили в него коралл. Понимаешь ход рассуждений?

— Понимаю, — кивнула Дина. — Значит, людей убивает этот кусок серебра?

— Не совсем так. Он — защитник, способный убить только при реальной угрозе тому, кого он оберегает. Дело в коралле. Он многократно усиливает возможности амулета. И если прибавить к этому энергетическое поле человека и его эмоциональные возможности, тогда происходит мгновенный всплеск, и выброс негатива запускает механизм уничтожения, который срабатывает в самой уязвимой точке организма. У кого-то слабее сердце, у кого-то — сосуды мозга, кто-то носит в себе новообразование или имеет крошечную эрозию стенок желудка. И вот вам инфаркт, инсульт, рак, да что угодно... Прошу прощения, в медицине я не слишком силен, но характер воздействия именно таков — ураганный удар в незащищенное место.

— Черт! — Дина сжала ладонями виски. — Эта штука почти сутки пробыла у меня. А Лора носит его... Ужас! Или ты морочишь мне голову? — с надеждой посмотрела она на Митьку. Но тот только пожал плечами:

— Это легко проверить. Нужно всего лишь взять перстень, вынуть из него камень и спрятать их в разные места, лучше всего закопать на большой глубине.

— Вот все-таки, Митька, слушаю я тебя, и разум у меня однозначно за разум заходит, — задумчиво констатировал Некрасов. — Ты с такой уверенностью говоришь о совершенно невероятных вещах.

— Ну почему невероятных, — пожал плечами толстяк. — Человек как энергетическая система весьма уязвим и нестабилен, достаточно сущей ерунды, чтобы начались сбои. А если это целенаправленное и довольно мощное воздействие, то тем более. Если представить, что некто наденет на палец замкнутый энергетический контур с усилителем....

— То что? — вяло спросила Дина, думая, что ей делать дальше — сообщать Селиванову или действовать самой.

— То в момент эмоционального всплеска этот некто становится для окружающих опаснее любого вооруженного бензопилой маньяка.

— И что, защититься от него нельзя? Заземлиться там...

— Можно, конечно. Либо просто не смотреть в глаза передатчика — того, у кого перстень имеет контакт с телом, либо специально ставить мощную защиту от воздействия.

— Мне это нужно, — решительно заявила Дина. — Сегодня же. Потому что завтра я хочу покончить со всем этим.

— Хорошо, я попробую, — подумав, согласился Митька. — Не знаю, что выйдет, но что смогу, сделаю.

— И еще... Сегодня носитель, как ты его... ее называешь, имела контакт. Думаю, довольно эмоциональный.

— Кто эти несчастные? — немедленно заинтересовался Некрасов.

— Один — наш замдиректора Селиванов. Второй — Макс Бортнянский. И за него я боюсь больше, он вызвал сильный гнев.

— Это тот самый хмырь, который во всех сериалах маячит? — хмыкнул толстяк.

— Митька, ты смотришь сериалы? — притворно ужаснулся Некрасов.

— Иногда смотрю. А что? Можно было бы попробовать спасти хлопца, если еще не поздно, но только как до него добраться?

— Если вы тут без меня обойдетесь, я попытаюсь его отыскать. Заодно и твою развесистую теорию проверю. Дина, запиши на всякий случай наши телефоны и дай свой. Уж если влезать в авантюру, то командой как-то веселее.

Они обменялись номерами мобильных, после чего Некрасов был выставлен из квартиры, а маг устался на Дину, словно вивисектор на подопытное животное.

Во всяком случае, ей так показалось.

Макс не любил вечерние съемки. В то время, когда нормальные люди расслабляются и получают удовольствие, он, видите ли, должен изображать интеллектуального адвоката с бицепсами. Но куда денешься — сегодня снималась сцена, в которой адвокат беседует с главной подозреваемой на мосту, на фоне ночного неба.

Лиза, игравшая злодейку, была свежа, словно огурчик с грядки, а Макс после дневных возлияний выглядел помятым и бледным. Режиссера это не волновало — по сценарию, героя накануне в очередной раз напоили, совратили и поколотили, так что вид вполне соответствовал.

Радуюсь, что не нужно сегодня бегать, прыгать и драться, Бортнянский поднялся на мост. Из-за экономии бюджета мост был самым настоящим, на него установили софиты и тележку с камерой.

Ребра продолжали болеть. Макс уже высказал все и постановщику, и режиссеру. В конце концов ему была обещана материальная компенсация за

понесенные увечья. Компенсация — это хорошо... Но грудь с левой стороны ныла все больше, и боль отдавалась в руку.

Произнеся пару фраз из сценария, Бортнянский умолк и, скептически изогнув губы, выслушал ответ партнерши. Потом широко взмахнул рукой, но вдруг скривился.

— Стоп! — заорал оператор. — Это что еще за гримасы? Машка, вытри ему пот со лба, блестит!

— Что-то мне нехорошо, — пробормотал Макс из-под салфеток, которыми гримерша обрабатывала ему лицо.

— Пить надо меньше! — фыркнул режиссер, лохматый тощий тип с бордой. — Ну что, готово? Поехали!

В тот момент, когда актриса начала проговаривать свою часть диалога, к режиссеру на цыпочках подошла ассистентка и что-то шепнула на ухо. Тот поморщился и кивнул. Чертова пресса и тут нашла. Но раз уж нашла, то и ладно, пусть будет дармовая реклама.

Взмыленный Некрасов был допущен на съемочную площадку. Макса он разыскивал довольно долго — лишь с десятой попытки удалось отыскать человека, который мог знать телефон Бортнянского, но тот оказался отключен. Начав заново, Сергей по цепочке добрался до страдающей патологической мнительностью особы, не желавшей сообщать, где именно происходят ночные съемки популярного сериала. Пришлось ехать на студию и показывать журналистское удостоверение. После чего искомый адрес был получен, но мост указан не тот. И только чудом он умудрился попасть в нужное место — проезжий таксист подсказал, что снимают на следующем мосту, около парка.

— Вы хотите взять интервью насчет новой серии? — Режиссер попытался прочесть в удостоверении название печатного органа, но не смог, мешали мечущиеся по площадке тени.

— Да, у актера Бортнянского. — Некрасов не сводил глаз с фигуры Макса в черном длинном плаще и шелковом синем шарфе.

— Сегодня он не в лучшей форме, — разочарованно буркнул режиссер. — И, к тому же, придется ждать конца съемки.

— Я буквально пару слов, а потом побеседую с вами. — Сергей готов был пообещать напоить вусмерть всю группу, чтобы только добраться до Макса.

— И вы хотите сказать, что не знали о подложенной бомбе?! — донеслось с места съемки. Актриса в ответ небрежно двинула плечиком и злобно фыркнула.

— Стоп! Снято! Макс, что у тебя сегодня с руками? Дергаешься, как паралитик.

— Тут станешь паралитиком! Я вам не Гурченко, чтобы с переломами сниматься! — вышел из себя Бортнянский. — Да я вздохнуть нормально не могу!

Некрасов, пользуясь моментом, бросился к плюхнувшемуся на складной стул актеру и оттеснил в сторону гримершу.

— Максим, слушайте меня внимательно, — негромко шепнул он. — У вас что-то болит?

— Ты кто такой? — удивился Макс. — Ты чего тут делаешь?

— Тебя, идиота, спасаю! Отвечай быстро, времени мало!

— Грудь болит, ребра, наверное, сломаны, — с явной жалостью к себе произнес актер. — Ноет и ноет. Слева.

— В руку отдает?

— А ты откуда знаешь?

— Это не ребра. Тебе надо срочно сделать кардиограмму, это похоже на инфаркт.

— Чего?!

— Ничего. Хочешь сдохнуть, продолжай тут обезьянничать. Но я бы на твоём месте с такими вещами не шутил. Вызови «скорую» или сам поезжай в больницу. Срочно!

— Я что, похож на больного? А съёмка? Мне за нее бабки платят, между прочим.

— Бабки на гроб тебе и так соберут, восьмым будешь... или девятым, я уже со счета сбился. Объяснять долго, но кардиолог тебе сейчас необходим, если уже не поздно. — Краем глаза Некрасов заметил приближающегося к ним режиссера и рявкнул: — Если я ошибаюсь, штука баксов с меня!

— О'кей, — сразу согласился Бортнянский, и с трудом стащил с себя осточертевший плащ. — Только я без машины, а «скорую» ждать можно до утра. Отвезешь?

— Поехали!

— Макс, ты куда?! — заорала ассистент режиссера, кидаясь наперерез. — Еще две сцены снимать!

— Да пошла ты! Плохо мне, поняла! — Он швырнул в женщину шарфом, охнул, схватился за бок и заковылял за Некрасовым.

— Сволочь, какая сволочь... — причитал режиссер, заламывая руки. — Ну и черт с ним! Будем снимать адвоката со спины. Никита, ты сзади на Макса похож, надевай его шмотки и иди в кадр! И чтобы я еще когда-нибудь с этим уродом связался...

Роман дремал на диване в холле. Включенный телевизор показывал какой-то боевик, на маленьком экране бегали фигуры в черном, пинаясь и вскрикивая.

Неожиданно вздрогнув, охранник дернул головой и едва не потерял равновесие. Захлопал глазами, потянулся, потер ладонями лицо. Справа почудилось какое-то движение, и он резко обернулся. На нижних ступенях лестницы сидела крохотная девчужка и внимательно смотрела на экран телевизора.

— Ты откуда? — почему-то шепотом спросил охранник.

Девочка не услышала или сделала вид, что не слышит. Тогда он откашлялся и уже громче поинтересовался:

— Откуда ты тут взялось, дитя?

Дитя продолжало молчать, даже не взглянув в его сторону.

Часы на стене показывали половину двенадцатого. За окнами — поздний вечер, даже ночь, а тут, в офисе, сидит на лестнице ребенок явно детсадовского возраста. И ведь все сотрудники «Альтаира» давно ушли, он лично проверял. Свет везде потушен, и никого нет. Откуда же взялась эта девочка?!

Он снова уставился на малышку. Сидит, сложив ладошки на коленках, блестящие черные волосы закрывают лоб и уши, только глаза поблескивают, да торчит крошечный розовый нос.

И тут охраннику стало не по себе. Ну, не может тут быть никакого ребенка! Здание заперто на замки, сигнализация включена. В дом проникнуть никто просто не мог. Значит, девочку привели сюда еще днем. Но это тоже сомнительно — он ведь никуда не отлучался, не заперев предварительно дверь, как требует инструкция, и никого с детьми не видел. Тогда откуда взялась эта юная барышня?

Роман осторожно встал с дивана и шагнул к лестнице. Интересно, ребенок в таком возрасте уже знает номер своего домашнего телефона?

— Ну-ка, иди к дяде, — постарался он как можно ласковой улыбнуться. — Сейчас мы найдем твою маму...

Девочка мгновенно вскочила на ноги и тут же взлетела на лестницу. Глянула на Романа через плечо и помчалась дальше. Он растерялся, но потом устремился следом. На втором этаже было темно, и он с трудом нашарил выключатель на стене коридора. Пусто и тихо. Куда эта проказница спряталась? Роман пошел вдоль стены, дергая двери за ручки — все закрыты, включая приемную. Даже кладовка, в которой уборщица держит свои тряпки и пылесос, заперта.

Этого не может быть! Он сам видел, как она вбежала сюда. Или маленькая хулиганка обвела его вокруг пальца, и, пока он поднимался по одному маршу, просто сбежала вниз по другому? Роман огляделся — так и есть, лестница от площадки раздваивалась, и маленький ребенок вполне может проделать такой трюк. Он вздохнул и спустился вниз. Но и на первом этаже

все двери, кроме столовой, были закрыты. А в столовой он осмотрел даже микроволновку и холодильник и заглянул под стол.

Девочка исчезла.

Некоторое время охранник еще метался по этажам, то и дело замирая и прислушиваясь. Иногда, почти совсем рядом, ему чудились шелест и легкие шаги, но когда он оборачивался, никого не оказывалось.

В два часа ночи Роман обессилено повалился на свой диван и уснул. Все лампочки, которые он мог включить на этажах, горели.

С лестницы донесся тихий смешок...

Я проснулась.

И снова научилась смеяться.

От Митьки Дина вышла уже в глубокой темноте. У подъезда поджидало вызванное такси. Четверть часа назад позвонил Некрасов и сообщил, что ему удалось отловить Бортнянского и загнать его в приемный покой Первой градской больницы. Там ему сделали электрокардиограмму, взглянув на которую, врач присвистнул и немедленно упек звезду экрана в стационар. Нет, не инфаркт, пока не инфаркт. Предынфарктное состояние. Должно обойтись.

Обещанную защиту Митька ей установил с трудом — сопел, пыхтел, ругался, что у нее черт знает что с энергетикой, потом учил опускать какие-то щиты. Где взять эти проклятые щиты, было непонятно, так что, в конце концов, маг от Дины отстал, сказав, что сделал все сам и в ближайшую неделю какая-то защита у нее есть. А там уж как сама знает — или по новой этой маетой заниматься, или ну ее.

Дина решила про себя, что ну ее, и отправилась домой.

Зря она, конечно, не позвонила Селиванову. Но как его найти? Ни его телефона, ни Лориного она не знала, а ехать на работу, искать их в компьютере уже не было сил. Ничего, Митька сказал, раз сегодня основной удар пришелся на Бортнянского, значит, со вторым мужиком должно обойтись — и сравнил накопление убийственной энергии с накоплением змеиного яда. Для этого тоже нужно некоторое время. Очень ободряющее сравнение...

Толстяк предупредил Дину, что собирается прямо с утра заявиться к ним в офис и попробовать выяснить, куда рабочие вывезли плиту и чашу. Вдруг не на свалку, а где-нибудь в укромном месте выкинули. Мысль о тольтекских письменах явно не давала ему покоя.

Только в машине Дина поняла, как устала. Как будто весь вечер таскала на плечах мешки с песком. Зевая, она взглянула на часы.

Два часа ночи... С ума сойти!

Лоре не спалось, она ворочалась в постели, вспоминая поездку в больницу к Ленке. Вначале ее не хотели пускать к ней, но потом вышла Ленкина мама и уговорила.

В небольшой палате ничего не было, кроме кровати, напоминавшей сложный агрегат, какого-то железного устройства с темным экраном и пары стульев. Ленку еще вчера отключили от искусственной вентиляции легких, но говорила она пока только шепотом. Страшное, покрытое багровыми кровоподтеками лицо, голова в бинтах. И переломы обеих ног. Но Ленка нашла силы даже улыбнуться.

— Ничего, пробьемся, — шепнула она Лоре.

Девушка вышла во двор на подкашивающихся ногах. Слава богу, что все обошлось...

Сев в машину, позвонила Селиванову, рассказала про Ленку.

— Езди осторожней, — помолчав, попросил он. — Очень тебя прошу.

— Я постараюсь.

— Знаешь, чего мне больше всего хочется в данный момент?

— И чего же?

— Запереть тебя где-нибудь на три замка, чтобы не волноваться без конца, — скрипнул он зубами.

Утром, едва проснувшись, Дина начала думать, как уговорить Лору навсегда расстаться с перстнем. Конечно, лучшим вариантом было бы просто похитить опасный раритет и отдать его Митьке, пусть сам с ним разбирается. Но, увы, воровских навыков у законопослушной Дины Логиновой не было абсолютно никаких. Даже яблоки у соседей по даче она ни разу не таскала! Поэтому только от мысли, что она должна прокрасться в комнату и выкрасть перстень у Лоры из стола, ей становилось по-настоящему плохо.

А если она начнет объяснять девушке-овечке, что именно благодаря ее перстню произошло столько смертей... Это может плохо кончиться. Лора весьма впечатлительна и сразу же решит, что именно она во всем виновата. И сколько придется потратить усилий, чтобы доказать ей обратное? Если вообще удастся. Ведь фактически она служила излучателем — «спусковым крючком». Под удар попадал тот, кто вызывал ее гнев или раздражение. Пусть бессознательно, но, не дай бог, ей узнать об этом. Так что придется действовать исключительно хитростью. Да и Митька обещал, что приедет. Вдвоем они что-нибудь да придумают.

Она примчалась на работу раньше всех. Встретил ее Роман, какой-то помятый и нервный.

— Привет, — кивнул он. — Ты так и не принесла ту штуку, которую хотела проверить.

— Пока не смогла. Может быть, завтра.

— Не знаю, выйду ли я завтра, — покачал он головой. — Хочу проситься на другой объект или уволюсь, к чертям! Вот Тимку дождусь и слиняю.

— Лора еще не пришла?

— Кудрявая? Нет. Вообще пока еще никого нет.

Он невольно покосился через плечо на лестницу. Что это было ночью? Неужели он доработался до галлюцинаций? Хотя с таким режимом и до психиатра недалеко.

Поднявшись на второй этаж и открыв дверь приемной, Дина прошла к комнате, где работала Лора, и дернула дверь — заперто. Если попросить ключ у охранника, он спросит — зачем. А потом, когда обнаружится пропажа перстня... Нет, так не пойдет. Лучше всего дождаться появления девушки-овечки и попросить у нее поносить перстень, а потом сказать, что потеряла. Да, это, пожалуй, самый лучший выход.

Воодушевленная этой идеей, Дина принялась разбирать оставленную курьером почту.

Она проспала на работу!

Лора подскочила в кровати и уставилась на будильник. Черт подери, звонил он или нет?! Размышлять об этом времени не было, срочно умываться и вперед! Кофе и косметика — в офисе.

— Лорочка, а позавтракать? — выглянула в прихожую бабушка.

— Некогда! До вечера, бабуль!

Вихрем влетев в здание офиса, она промчалась в свою комнату, порадовавшись, что не нарвалась на начальство.

— Лорка, тебя Селиванов искал, — обернулся к ней Борис.

— Ну вот, придется не накрашенной идти, — недовольно поморщилась Лора. — Бледной и унылой.

— Да ладно тебе. Кстати, колечко подарочное надеть не забудь!

Вздыхнув, она достала перстень. Неожиданно он показался ей теплым. Наверное, утреннее солнце успело нагреть стол. Поверх отложенных вчера бумаг она обнаружила еще два детских рисунка — бегущего человечка и принцессу в длинном платье. Ну, Приходько совсем оборзел! Опять даму с ребенком приводил. Хорошо, хоть опять бардак на столе не устроили.

Прихватив несколько актов, она отправилась к Илье.

— Привет! — кивнула она в приемной Дине. — Шеф у себя?

— У себя. Погоди секунду, — попыталась остановить ее Дина, заметив на пальце девушки перстень. Но Лорочка, потрянув кудряшками, уже исчезла за дверью кабинета Селиванова.

Зазвонил внутренний телефон.

— Дина, ты? — раздался голос Тимура. — Тут к тебе пришел... м-м-м... Дмитрий Иванович Сидоров. Спустишься или пропустить?

— Сидоров? — удивилась она. — А, большой и волосатый?

— Да, точно.

— Пропусти, пожалуйста.

Без хламиды, облаченный в джинсы и расшитую серым шелком черную рубашку, Митька все равно смотрелся для офиса «Альтаира» слишком экзотично.

— Забрала? — с порога спросил он и плюхнулся на жалобно скрипнувший под ним стул.

— Нет, не успела, — покачала головой Дина, от досады готовая провалиться сквозь землю. Могла ведь проявить оперативность и сообразительность, а не проявила.

— И где? — Похоже, Митька сегодня решил изъясняться в исключительно лаконичной форме.

— Там, — кивнула она на дверь кабинета Селиванова. — На руке у Лоры.

— Плохо. Или тебе босс надоел?

— С ума сошел?! Знаю, что надо действовать, но вот ка...

Договорить она не успела, в приемную вошел загорелый лысоватый мужчина. Мельком глянув на Дину, он поздоровался и решительно направился к злополучной двери.

— Подождите, туда нельзя! — вскочила она.

— Мне можно, я ваш директор, — бросил на ходу лысый, скрываясь в кабинете.

Дина схватилась за голову.

— Считаю до трех и вхожу, — набрав в легкие воздух, чуть не простонала она.

— погоди, я сам справлюсь. — Толстяк встал и легонько отодвинул ее с дороги. — Ты туда повремени соваться.

Я вспомнила, как играют в прятки.

Я вспомнила, как пахнет дождик.

Но лучше всего я помню блеск лезвия ножа и капли крови на белом. Мне не давали кричать. Ладонь, зажимающая мне рот, пахла сдобным тестом.

Няня!!! Зачем ты поверила этому старику?!

Мама говорила, что если кто-то сделает мне больно, змейка на колечке оживет и укусит его. Но тогда она не успела.

— Лорочка, солнышко, умоляю тебя, я никогда себе не прощу, что не уберег тебя. Ну что, мне увольнять тебя, что ли? Ты этого хочешь? — Селиванов махнул рукой и в сердцах шарахнул кулаком по стопе бумаг.

Лора молчала. Дурацкий какой день — по-дурацки начался и продолжается не лучше.

— Илья, ты думаешь, мне нравится эта идея? — наконец хмуро проговорила она.

— А давай сделаем так... — Он попытался поймать ее взгляд, но за темными стеклами глаз не было видно, только зеркальное отражение его перекошенного лица. — Я делаю тебе предложение, ты соглашаешься и берешь неделю, нет, две недели за свой счет, чтобы подготовиться к свадьбе.

— Что, вот так, сразу? — Лора начала злиться.

— А зачем тянуть? — В его голосе прозвучало искреннее изумление.

— И ты уверен, что я немедленно соглашусь?

— Стоп! — выставил вперед ладони Селиванов. — Нет, я, конечно, понимаю, что надо вначале встречаться, с родителями чаи пить... Но ситуация такая, что... Я думал, ты поймешь.

— Нет, это ты не понял! Я еще для себя ничего не решила, я не могу вот так, с бухты-барахты!

— Но ты же сама вчера сказала, что я тебе нравлюсь. — Илья принялся зачем-то сдвигать в сторону груды документов. Одна папка упала со стола, но ему было на это плевать.

— Я это сказала, — отдельно произнесла Лора. — И могу повторить. Но это не значит, что я готова выйти за тебя прямо сейчас.

Ее бросило в жар. Показалось, что все вокруг накалилось, особенно горячо было левой руке. Она даже взглянула на нее — рука как рука, только перстень почему-то жег палец. А снять его сейчас означало поставить на отношениях с Ильей крест. Но этого она не хотела, она хотела только объяснить, что...

Голова внезапно закружилась. Тупая боль обрушилась на затылок, и стены кабинета медленно поплыли.

— Лора?! — кинулся к ней Илья.

— Привет, Казанова! — раздался от дверей знакомый голос. — Я-то думал, что ты тут руководишь коллективом, а ты девочек охмуряешь.

— Ген, погоди! — подхватывая падающую Лору, повернул к нему голову Селиванов.

— Ну, работнички! — захохотал директор. — При виде меня уже в обмороки падать начали.

Илья опустил девушку в кресло и растерянно оглянулся:

— Да заткнешься ты или нет?! Лучше помоги, видишь, ей плохо.

— Воду тащи, сейчас приведем твою Лорочку в чувство!

Илья заметался по кабинету. Графин, который заботливая Ираида каждый день заполняла свежей, экологически чистой водой, был пуст. Схватив стакан, он бросился к двери и... столкнулся с каким-то бородатым, совершенно жутким типом, но не остановился — вода была важнее.

Геннадий тем временем склонился над креслом и первым делом снял с обмякшей девушки очки — притворяется, или ей действительно дурно?

Глаза Лоры были широко распахнуты.

— В сторону! — заорал кто-то за его спиной. — Не смотри на нее, твою мать!

Сильные грубые руки ухватили Геннадия за плечи и бесцеремонно отшвырнули в сторону. Он боком ударился о стол, ничего не понимая, сбивая телефон и еще что-то. Грохот летящих на пол предметов, чей-то топот, вскрик.

Ухватившись обеими руками за столешницу, Геннадий обернулся. Толстяк, которого он видел в приемной, медленно отступал от распростершейся в кресле девушки. Вернее, не от нее, а от свившейся кольцом на ее коленях огромной рыжевато-пятнистой змеи. Во внезапно наступившей тишине послышалось шипение. К застывшему в нелепой позе директору неторопливо поворачивалась копьеобразная голова, из пасти змеи то и дело появлялся раздвоенный язык, а глаза вспыхивали янтарем.

— Не смотрите на нее! — заклинал женский голос, но Геннадий был не в силах отвести взгляда от этих переливающихся медовых глаз, разрезанных острым зрачком. Что-то перевернулось внутри и скрутило его приступом тошноты. Руки подогнулись, и он упал лицом в темноту.

Я — Айра.

Я — дочь змеи.

И если кому-то хочется поиграть, я непротив. Но игру выбираю я.

Прятки-пугалки-убивалки!

Кто не спрятался, я не виновата.

Они не успели — Дина поняла это сразу, как только заглянула в кабинет. Ей удалось это сделать после того, как в приемную вылетел очумелый Селиванов.

Дверь осталась открытой, и она увидела змею.

У стола корчился мужчина, назвавшийся директором, Митька, с полыхающим из-под бороды лихорадочным румянцем, пятился назад, четко и отрывисто выговаривая непонятные слова, Лора неподвижно лежала в кресле.

Но главной была змея, кольцо за кольцом сползающая с колен девушки. Она стекала вниз — огромная, переливающаяся в падающем из окна солнечном свете. Необыкновенно красивая и грациозная.

Медленно поворачивающаяся голова — нельзя смотреть ей в глаза, нельзя!

Это — смерть!

Дина заставила себя опустить взгляд и увидела на безжизненно повисшей руке девушки перстень.

Что там Митька говорил об усилении каких-то полей?

Что-то врезалось ей в спину, вталкивая в комнату, она лягнула ногой и обернулась. Селиванов! Увидев змею, Илья замер.

Митька искоса глянул на дверь и внезапно вытянул вперед ладони, что-то крикнув. Тут снова послышалось шипение, и змея сделала резкий выпад в его сторону. Раздался странный треск, словно полыхнул огонь в сухом кустарнике.

Дина точно видела, что морда сурукуку не коснулась толстяка, тем не менее, его отшвырнуло к стене, и он сполз по ней безжизненной громадой.

— Она убьет Лору... Она убила Лору... — прохрипел Селиванов. И шагнул вперед, прикрывая собой Дину. — Пошла вон! Уходи отсюда, гадина!

Дина тащила его за шиворот назад, но Илья упорно рвался вперед, размахивая стаканом и расплескивая воду.

— Тварь! Убью!

Показалось Дине, или она действительно услышала тихий смех?

И это был детский смех.

Длинная челка, черные хитрые глаза, взметнувшаяся фланелевая юбочка.

Илья видел змеиное тело, скользящее мимо него быстрыми волнами, а Дина — улепетывающую со всех ног девчонку. Шипение, топоток, и все внезапно стихло.

И тогда она бросилась к Лоре и сорвала с ее пальца перстень.

Илья безумным взглядом следил за ней. А потом опустился на пол и вцепился в собственные волосы.

Митька, трясая головой и кряхтя, возился у стены, пытаясь встать. Но у него это плохо получалось.

Одно лицо я научилась отличать. У нее светлые волосы и серые глаза. Добрые. И она меня не боится.

Я знаю — она не хочет, чтобы я убивала.

Но для чего тогда я проснулась? Когда-нибудь я узнаю. Если успею.

Высыпавшие во двор сотрудники «Альтаира» с ужасом наблюдали, как в машину «скорой помощи» грузят носилки с пораженным неожиданным недугом директором. Серое лицо, перекошенный рот. Надо же — не успел в офис войти, и уже в таком виде в больницу увозят.

Лорочка, ладонью закрывая от солнца опухшие глаза, уверяла всех, что уже почти пришла в себя, но Илья Викторович настоял на том, чтобы ее немедленно отправили на обследование. Сам довел до машины и уехал вместе с ней.

Появление мрачного бородатого типа с огромным фингалом под глазом было встречено гробовым молчанием. Поглаживая живот и морщась, он, не говоря ни слова, погрузился в черный джип и умчался вслед за машинами медиков.

Дина стояла в приемной у окна и, прижавшись лбом к стеклу, наблюдала за происходящим во дворе и на стоянке.

Перстень Митьке она не отдала. Не могла отдать.

Интересно, понял ли он?

Если видел девочку, то понял. Но видел ли?

Здорово его шарахнуло — едва уцелел. Со всеми своими щитами и хитрыми защитами. А вот Дину не зацепило. Совсем. Это он с удивлением ей сообщил, когда смог прийти в себя и проверить. Больше всех пострадал директор — на него пришелся основной удар. Что там с ним, определяют в больнице. Пока подозревают перитонит.

Лоре тоже досталось — Митька что-то объяснял насчет очков. Негативная энергия не могла проникнуть сквозь затемненные стекла, частично возвращалась к ней и снова излучалась. Дине стало не по себе, когда она представила это. А потом очки снял этот... Геннадий. Да, так называл директора Селиванов.

А удар по себе Митька спровоцировал сам — боялся, за нее, Дину. На что-то другое времени уже просто не оставалось.

Она закрыла глаза.

Сегодня перстень безопасен. Но завтра... Она обещала Митьке немедленно разделить его с камнем. Разделить и упрятать так, чтобы никто больше не нашел их.

И больше не будет смертей.

Перстень исчезнет, и с ним навсегда исчезнет маленькая черноволосая девочка в длинном платьице и белых носочках.

Айра, ее звали Айра — так она написала крупными буквами под рисунком, найденным Диной на своем столе. Айра, Ира, Ирочка Солопова.

И когда успела?

На рисунке была смешная рожица — глаза-точки, в обрамлении лучиков-ресниц, длинная челка и кривой рот.

Зачем вернулась она в этот мир, зачем проснулась? Чтобы убивать и причинять боль? Вряд ли она сама знает ответ на этот вопрос. Или знает?

Неужели, это прощальный подарок?..

Дина подошла к столу, достала из кармана перстень и острым ножом для бумаги отогнула зубчики, удерживающие камень. Красный коралл, словно большая капля крови, упал на ладонь.

Если она неправильно рассчитала, то сейчас она еще раз убила Айру...

В комнате сгущались сумерки. Дина просидела за столом несколько часов, не вставая, почти не шевелясь.

Позвонил Некрасов, он сидел у Митьки и отпаивал того какой-то настойкой. Знаем мы эти настойки. Звал присоединиться, но Дина отказалась. Завтра, все завтра.

Удивительно, но в приемную никто не заходил. Ни одна душа.

Слепо мерцал выключенный монитор, за окном плыли кустистые серые тучи.

Наконец она встала и принялась закрывать жалюзи. Последняя за что-то зацепилась, и Дина с удивлением обнаружила за ней цилиндрический аквариум с розовой хвостатой рыбкой. Увидев девушку, рыбка заметалась, разевая рот. Голодная... Рядом с аквариумом на подоконнике стояла коробочка с кормом, и некоторое время Дина бросала в воду растертый сухой мормыш. Надо завтра купить бедняге живых червячков.

И вообще — пора.

Коралл она по дороге бросит в пруд. А перстень...

Перстень останется тут. Надо найти способ спрятать его в доме так, чтобы никто никогда его не нашел. Но это завтра.

Она разжала ладонь, и серебряный ободок скатился на стол. В полумраке блеснула замершая змейка.

Если ты еще тут, оставайся. Я не хочу, чтобы ты исчезла. Митька сказал, что без коралла перстень не опасен.

Дина, не оглядываясь, пошла к двери.

Она медленно спускалась по лестнице, прислушиваясь к звукам своих шагов. Им вторило эхо, или кто-то осторожно крался за ней следом?

Показалось.

Тим отложил книгу и улыбнулся:

— Ты опять последняя.

— Жаль, что ты сегодня дежуришь, — вздохнула Дина.

— Сегодня дежурю. Зато завтра... Что, если я тебя встречу завтра после работы? Может быть, ты хотя бы ради этого уйдешь вовремя?

Она оглянулась.

Нет, никого нет.

— Хорошо, завтра так завтра.

Она вышла на крыльцо и пошла по дорожке, чувствуя, что Тим смотрит ей вслед. А когда дверь за ее спиной закрылась и звякнул замок, Дина обернулась.

Нет, не показалось — за окном второго этажа, там, где стоял аквариум, дрогнули жалюзи.

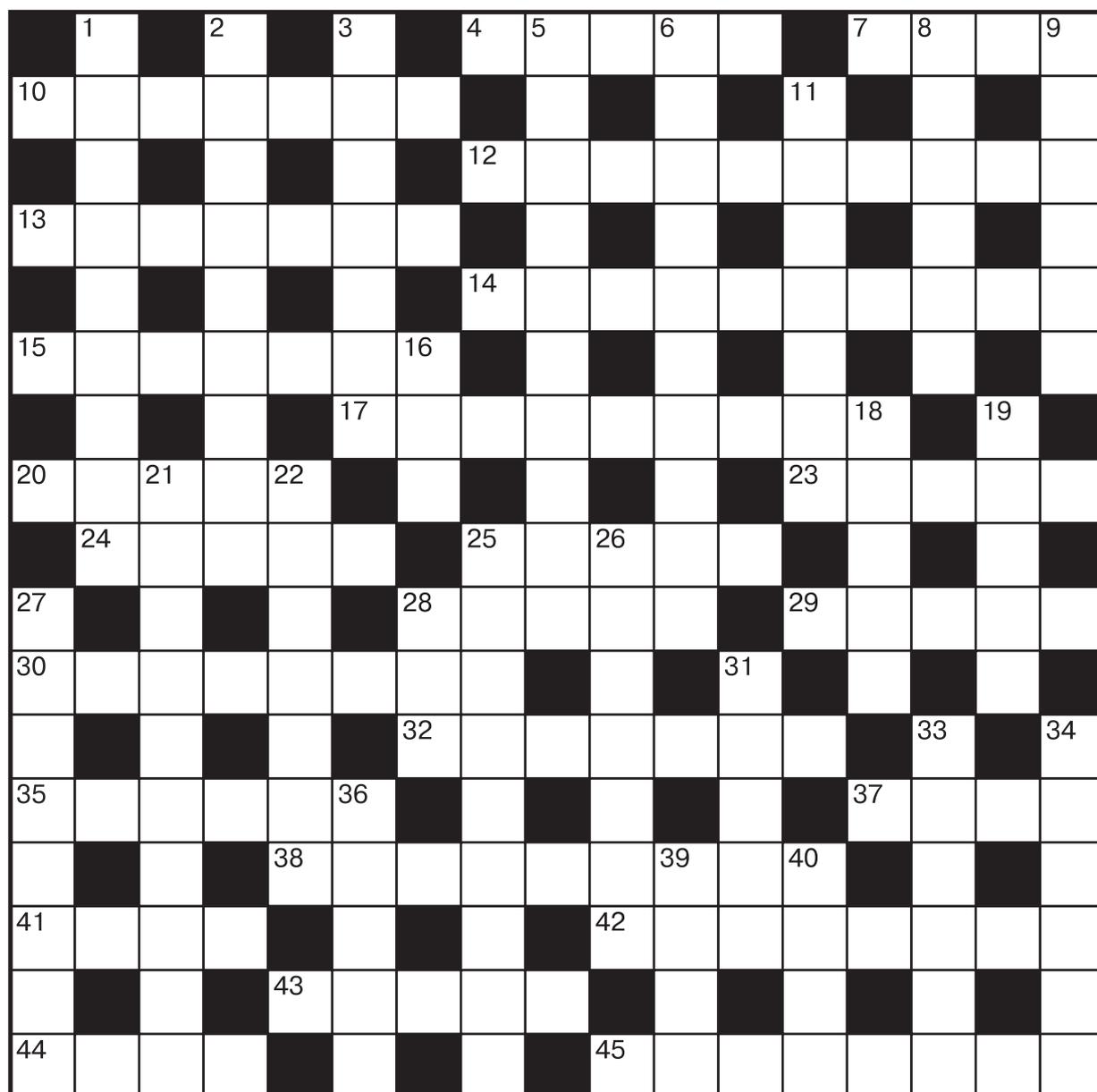
Дрогнули и снова замерли.

А потом крошечная ладошка что-то нарисовала в уголке запотевшего стекла. Приглядевшись, Дина различила кривую рожицу с глазами-точками.

Маленький дух старого дома, девочка с черными волосами...

Она осталась! □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** С каким тропическим плодом связан ежегодный фестиваль в Таиланде? **7.** На какое из наших ощущений может сильно повлиять неспособность чувствовать запахи? **10.** Житель азиатской страны, на флаг которой попала ветвь с оливкового дерева. **12.** Задача игрока в буреиме. **13.** Какой статус астрономы отобрали у Плутона в августе

2006 года? **14.** Согласно «Табели о рангах», к выпускнику Царскосельского Лицея Александру Пушкину следовало обращаться «Ваше ...» **15.** Любимый вид транспорта для Джона Траволты. **17.** У какой Алисы случился «служебный роман» с Андреем Мягковым? **20.** Кроссовочная компания. **23.** У какой частицы может быть «аромат»? **24.** Священная

книга, считающая, что землю освещают семь небес. **25.** Горная порода для приготовления кофе по-турецки. **28.** Титул Портоса из романа «Три мушкетера». **29.** Время золотых листопадов. **30.** «Отбивная из Буренки». **32.** Одна из рабочих профессий писателя Венедикта Ерофеева. **35.** Игра на вечеринке из рассказа «Гости» Михаила Зощенко. **37.** Капитан космического корабля, на котором служит бортмехаником Чубакка. **38.** Начальная страница книги. **41.** Откуда откачали миллионы евро герои детективного триллера «Иллюзия обмана»? **42.** Путешествие ученика в свободу. **43.** Какую премию получила Селин Дион за исполнение песни в фильме «Титаник»? **44.** Особняк на берегу Босфора у турков. **45.** Первый монгольский космонавт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кто паркет зачищает? **2.** Кто квартиру напрокат берет? **3.** Какому блюду в шекспировские времена приписывали в заслугу «силу и крепость английских солдат»? **5.** Чем больше ..., тем большую тур-

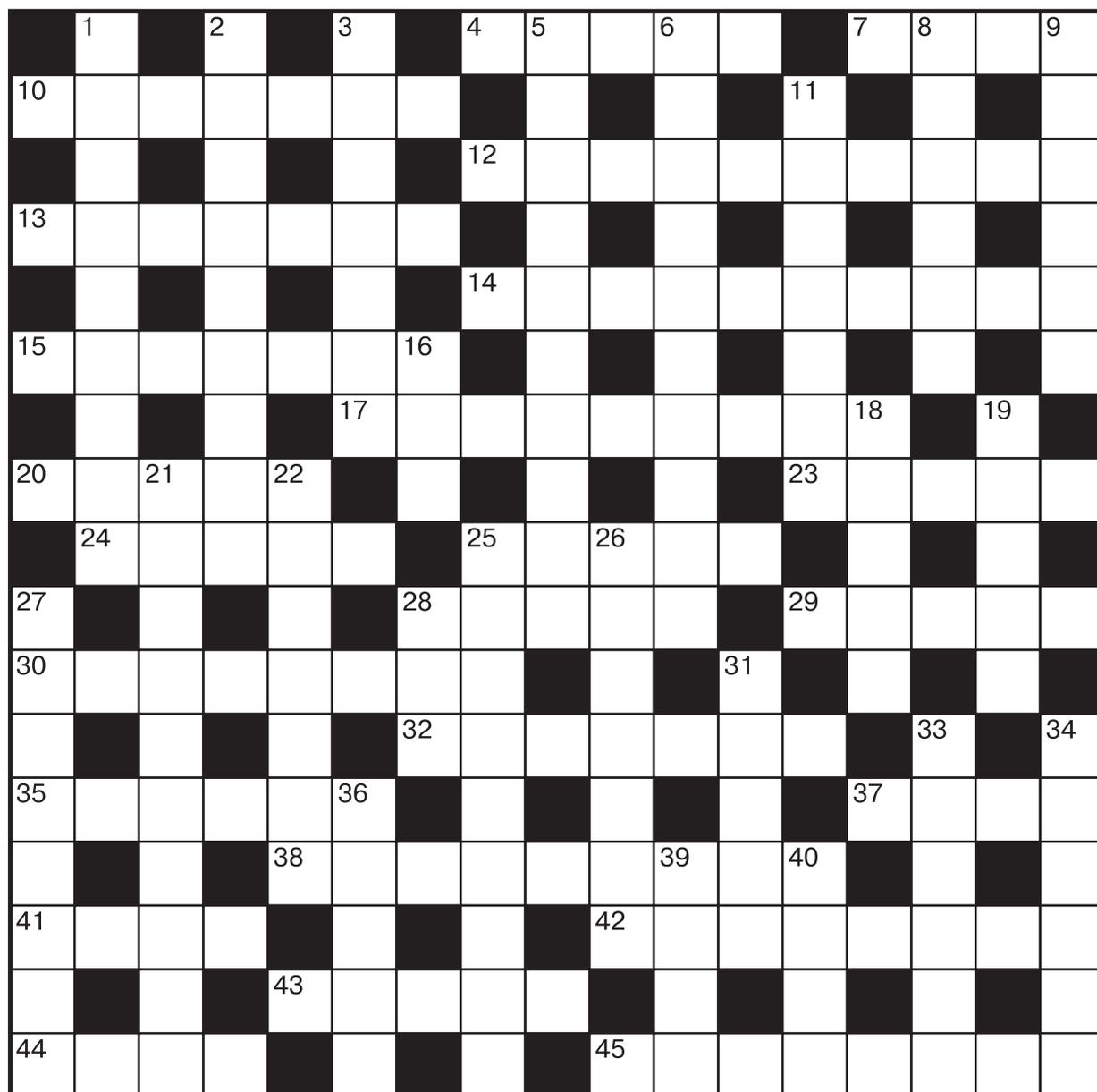
булентность он оставляет за собой. **6.** «Последняя битва Добра и Зла». **8.** Страна, чей герб украшен лентой с надписью «От моря до моря». **9.** «Костлявое пособие» для урока по анатомии. **11.** Профессия Юрия Никулина в «Двенадцати стульях» у Леонида Гайдая. **16.** Гнев на старорусский лад. **18.** Что отрывается у самолета из фильма «Экипаж» при приземлении в аэропорту Шереметьево? **19.** Голливудский секс-символ, ужинавший с нашим президентом Михаилом Горбачевым. **21.** Судовой дневник. **22.** Банная печь. **25.** Пояс для того, кто намерен отстреливаться. **26.** Военный партнер. **27.** Какой порт переименовали в Одессу? **28.** Кто «сохраняет анонимность» «при помощи совпадений»? **31.** Какую болячку желают не в меру болтливому человеку? **33.** Чем сознание народных масс будоражат? **34.** «Так, ерунда, пустое дело, ... ваша околела». **36.** Какую сардину на Дальнем Востоке ловят? **39.** «Для того, кто лежит в гробу, кончаются все ...» **40.** Гибрид, слывающий самым большим котом на Земле.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Акция. **9.** Эльбрус. **11.** Диета. **12.** Маникюр. **14.** Шторм. **15.** Мескаль. **16.** Парик. **18.** Химик. **20.** Картина. **23.** Нажим. **25.** Срыв. **28.** Нагайна. **29.** Абсурд. **30.** Бопс. **32.** Гаусс. **33.** Зенит. **34.** Неурожай. **36.** Багратион. **38.** Бергман. **39.** Аудит. **40.** Реклама. **41.** Стадо. **42.** Отель. **43.** Датчане. **44.** Дреды.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Плотник. **2.** Абердин. **3.** Бум. **5.** Критик. **6.** Изюм. **7.** Диккенс. **8.** Стиль. **10.** Сахалин. **13.** Рейтинг. **17.** Казахстан. **19.** Кабриолет. **21.** Аргон. **22.** Квест. **24.** Мамай. **26.** Дауни. **27.** Испуг. **30.** Бестолочь. **31.** Пиросмани. **32.** Гангстер. **35.** «Арсенал». **36.** Багдад. **37.** Суета. **38.** «Битлз».

Э Р У Д И Т

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** К какой расе принадлежит Саурон из «Властелина колец»? **7.** Старший из сказочных братьев Гримм. **10.** Античная граница «священных пределов» Рима. **12.** С каким из библейских царей связаны пророки Ездра и Неемия? **13.** Можно сказать, что этот француз в свое время стал первым шахмат-

ным гроссмейстером. **14.** Под какую болезнь ГПУ списало самоубийство Надежды Аллилуевой? **15.** Персидская парча. **17.** Лучший арабский меч. **20.** Вуаль у древних евреек. **23.** Узбекские фрикадельки. **24.** Кто в своей книге «Formicarius» впервые описал ритуалы ведьм в современном понимании? **25.** Какой француз

в 1801 году взял патент на конструкцию газового двигателя? **28.** Любимый ученик и ближайший друг Всеволода Мейерхольда. **29.** Адыгейская гармоника. **30.** Какое прозвище получил писатель Владимир Карпов за то, что во время Великой Отечественной войны много раз пересекал линию фронта и захватывал «языков»? **32.** Медовое вино у древних римлян. **35.** Последняя дань уважения, приносимая озверевшими одиночками идее всемирного братства (по Альберу Камю). **37.** Какой Афраний во времена правления императора Нерона отвечал за государственные дела? **38.** «Право необходимой самообороны». **41.** Какое растение заменяет индейцам чай? **42.** Слон для поддержания диска Плоского мира. **43.** Одна из двух основ натурального шелка. **44.** Какое пиво в Непале пьют подогретым? **45.** Электронные системы на самолетах.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Польская чайка. **2.** «Веселящий газ». **3.** Кто из

животных настроен вегетариански? **5.** Кельнский денарий. **6.** Черный мускат. **8.** Пряность в составе ангостуры. **9.** Самая известная психиатрическая клиника Парижа. **11.** Дальнобойная фигура в «сказочных шахматах». **16.** Право войти в следующий круг теннисных соревнований без игры путем жеребьевки. **18.** Черная ягода, идущая на варенье. **19.** «Верность тому, что истинно, а не воображаемо» из Торы. **21.** «Масло голландских химиков». **22.** Резиденция Адольфа Гитлера в Баварских Альпах. **25.** Какому критику отомстила булгаковская Маргарита, устроив погром в его доме? **26.** Любимая игра Марии Стюарт. **27.** Военные заграждения из колючей проволоки. **28.** Крик и шум из словаря Даля. **31.** Звезда Большой Медведицы. **33.** Тибетский танец с барабанами. **34.** На чем лежит циркач, жонглирующий ногами? **36.** Девичья фамилия жены Гарри Гудини. **39.** Кого из своих кровавых палачей Иосиф Сталин особенно привлекал за маленький рост? **40.** Лиза, ставшая героиней двадцати картин Огюста Ренуара.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Цзянь. **9.** Сноброд. **11.** Климт. **12.** Брумиди. **14.** Пинто. **15.** Иннингс. **16.** Айрес. **18.** Баярд. **20.** Радикал. **23.** Нукер. **25.** Тени. **28.** Рубидий. **29.** Истерн. **30.** Раку. **32.** Пипин. **33.** Петас. **34.** Ихневмон. **36.** Монотеизм. **38.** Бибигон. **39.** Пыжик. **40.** Кейсинг. **41.** Причт. **42.** Бочка. **43.** Неонуар. **44.** Цинна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ангирас. **2.** Эбютерн. **3.** Зоб. **5.** Зоммер. **6.** Нюди. **7.** Аллигат. **8.** Амаге. **10.** Драйвер. **13.** Индития. **17.** «Сатирикон». **19.** Дубровник. **21.** Легат. **22.** Титус. **24.** «Рубин». **26.** Щитик. **27.** Атена. **30.** «Ренессанс». **31.** Канзенбан. **32.** Подикрии. **35.** Лотерея. **36.** Молчун. **37.** Вынос. **38.** Бискю.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на текущие номера 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 127 рублей 60 копеек	За 1 номер — 152 рубля 90 копеек
За 6 номеров — 765 рублей 60 копеек	За 6 номеров — 917 рублей 40 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 1 месяц	Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
46 рублей 20 копеек	138 рублей 60 копеек	277 рублей 20 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открывается подписка на 2-е полугодие 2019 года во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

